

Учредитель:
ООО «Артофвар»

Генеральный директор
ООО «Артофвар»:
Аркадий Бабченко

Главный редактор:
Илья Плеханов

Директор по распространению
Анна Кунарева

Дизайн обложек:
Николай Дихтяренко

Дизайн и верстка:
Татьяна Шверина-Кашина

Корректоры:
Анна Кунарева, Иван Николаев

Адрес для корреспонденции:
115573, г.Москва,
а/я 65, Плеханову И.С.

Контакты:
www.navoine.ru
E-mail: almanax-war@mail.ru
Тел.: 8-903-524-16-19

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС77-26362
От 30 ноября 2006 г.

Отпечатано в типографии:
ОАО «Дом печати - Вятка»

Подписано в печать:
07.07.2008

Номер издан
при поддержке
Региональной
общественной
организации
ветеранов
подразделений
специального
назначения
«ЗАЩИТА-Р»

тел: 981-04-00;
760-93-95

О т р е д а к ц и и

ОТ РЕДАКЦИИ

Темой данного номера, как легко догадаться по первой странице обложки, стали воздушно-десантные войска. Для такого решения было сразу два веских повода.

Во-первых, совсем скоро, 2 августа, воздушно-десантные войска отмечают свой 78-й день рождения. Тогда, в далеком 1930-м, на учениях под Воронежем, их было всего двенадцать. С тех пор ВДВ пережили бесчисленные реформы, взлеты и падения, кровью заработали звание гвардии и элиты наших Вооруженных сил. Появились и свои традиции, одной из которых является праздник 2 августа.

Этого дня ждут очень многие. Командиры-десантники гоняют взмыленный личный состав. Давно и недавно отслужившие десантники созваниваются, достают куртку дембельского камуфляжа и тельняшку с беретом, договариваются о встречах одноплчан. Милиция привычно утверждает планы усиления и проводит тренировки по пресечению и рассеиванию. Фотокорреспонденты привычно прикидывают шаблонные сочетания кадров: торжественные — с официальных мероприятий и, разумеется, красочные изображения «безобразий в фонтанах». Но! Когда политикам понадобится исправлять свои очередные грубейшие ошибки руками военных, кого первыми пошлют под пули? Десант. И от него же потом, в лучшем случае, просто отвернутся и чиновники, и сознательные граждане, вместо помощи, реабилитации и сочувствия. Поэтому мы поздравляем наших братьев-десантников с этим праздником и предлагаем Вашему вниманию несколько материалов о службе в «продаваемых всеми ветрами войсках».

Во-вторых, в этом году отмечается 100-летие легендарного командующего ВДВ, Героя Советского Союза, генерала армии Василия Филипповича Маргелова. Его биография увлекательнее любых голливудских поделок про Рембо. Он считается своим и среди военных разведчиков, и у морских пехотинцев. Став легендой еще при жизни, он навсегда остался в памяти всех, кто служил, служит и еще будет служить в десанте. Недаром самая популярная версия расшифровки ВДВ — «Войска дяди Васи». Мы предлагаем Вам воспоминания о десантнике №1 и надеемся, что они вызовут неподдельный интерес не только у ветеранов ВДВ.

И, как обычно, в номере представлены почти все традиционные рубрики альманаха. В рубрике «Чечня» мы предлагаем Вашему вниманию отрывок из новой, непривычной для наших постоянных читателей повести Андрея Загорцева «Город», записки о ВВ Александра Карасева и пронзительный «Конверт» Алексея Муратова. Также вы найдете и хорошо знакомые рубрики «История одной фотографии», «Памятники», «Поэзия».

Читайте.

Журнал можно приобрести:

Москва
Магазин «Фаланстер».
М. Гнезниковский
переулок, д. 12/27, стр. 3.
тел. 629-88-21, 504-47-95
falanster@mail.ru

Москва
Магазин «Новой Газеты».
Страстной бульвар, д. 4.

Санкт-Петербург
WWW.7-62.RU («7,62»)
ул. Львовская д. 8.
тел. (812) 541-0207, 541-2594

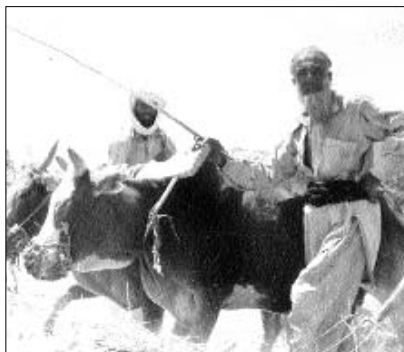
Санкт-Петербург
Магазин Военно-туристское снаряжение
Кронверкский пр. д.31.
тел. (812) 232-26-82

Архангельск
«Дом книги», пл. Ленина 3.
Минск
тел. 7-555-041, 336-82-84
skramasaks@inbox.ru

Интернет-магазин
«Центрмаг» www.centrmag.ru,
тел. 754-33-22

Содержание

ВОЙСКА ДЯДИ ВАСИ

<i>Александр Маргелов</i> «Легендарный командующий ВДВ»	4
<i>Алексей Кукушкин</i> «Знакомство с генералом Маргеловым»	8
<i>Сергей Скрипник</i> «Сорок дней — как вся жизнь»	13
<i>Владимир Осипенко</i> «Балда»	16
<i>Владимир Тарасов</i> «Воспоминания старого солдата» (отрывок из книги)	20
<i>Сергей Саливанов</i> «Не потерял ни одного убитым» <i>Беседовал Илья Плеханов</i>	23
<i>Раян Фарушкин</i> «Денис Иванов — история «везунчика»	28
<i>Аркадий Бабченко</i> «Лайс»	31

ВНЕ ЗОНЫ ВИДИМОСТИ

<i>Лев Горелов</i> «Прага. 1968 г.» <i>Беседовал Артём Шейнин</i>	34

ЧЕЧНЯ

<i>Андрей Загорцев</i> «Город» (отрывок из повести)	38
<i>Алексей Муратов</i> «Легионер. Конверт»	46
<i>Александр Карасёв</i> «Записки бывшего вёзэшника»	47
<i>Владислав Исмаилов</i> «Вопрос без ответа»	55

ПО ПЕРИМЕТРУ

<i>Владислав Шурыгин</i> «Дорога на Цхинвал» (отрывки из очерка)	56

ПАМЯТНИКИ

<i>Аркадий Бабченко</i> «Обелиск»	59

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

<i>Владимир Тарасов</i> «Скажи, что вечером зайду»	60

АНТОЛОГИЯ ВОЕННОЙ ПЕСНИ

<i>Наталья Плотникова</i> «По гвардейским, по десантным законам»	61

ПОЭЗИЯ

<i>Владислав Исмаилов</i> «2.08 (День ВДВ)»	62
<i>Игорь Посевнин</i> «Дверь самолета, как пасть»	62
<i>Дмитрий Гладкий</i> «Пускай меня простит батяня ротный»	63
<i>Андрей Рогожников</i> «Болью нестерпимо!»	63

ХРОНИКИ ОПЕРАЦИЙ

<i>Андрей Кихтенко</i> «Внимание! Газы!»	64

РЕЦЕНЗИИ

<i>Андрей Рудалёв</i> «Книга Александра Карасёва «Чеченские рассказы»	70

ВНЕ РУБРИК

<i>Урал Сулейманов</i> «Альманах в Рязанском десантном училище»	71
<i>Олег Андреев</i> «Жить не только для себя»	72

Содержание

Войска Дяди Васи

Александр Маргелов

Легендарный Командующий ВДВ Генерал армии В.Ф.МАРГЕЛОВ

Александр Васильевич Маргелов родился 21 октября 1945 года в городе Кишиневе Молдавской ССР. В 1970 году закончил Московский авиационный институт имени Серго Орджоникидзе и остался работать инженером в Центральном конструкторском бюро экспериментального машиностроения (ЦКБЭМ) в подмосковном Калининграде (ныне г.Королев), где он готовил и защищал дипломную работу. Через год с небольшим добровольно вступил в ряды Вооруженных Сил — в ВДВ. Службу проходил в Научно-техническом комитете Воздушно-десантных войск с 1971 по 1980 г. За это время закончил Воздушно-десантное училище экстерном и Военную академию бронетанковых войск (ФРИС). Имеет 145 прыжков с парашютом, является мировым рекордсменом по десантированию вместе с боевой техникой, совершив два полета внутри БМД и один — совместно с БМД. Сейчас Герой России, кавалер орденов Красного Знамени и Красной Звезды, полковник запаса Александр Васильевич Маргелов работает на Федеральном государственном универсальном предприятии «Рособоронэкспорт».

В простой русской семье в г. Екатеринославе 27 декабря 1908 года (по старому стилю) родился сын Василий, будущий Герой Советского Союза, генерал армии Маргелов Василий Филиппович.

Его детство, как и у всех детей того периода, было трудным. С 13 лет пошел работать на шахту коноглоном — толкал вагонетки с углем. Мечтал он выучиться на горного инженера, но по путевке комсомола был направлен в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию из родных Костюковичей Могилевской области в Белоруссии, где он жил вместе с родителями.

В 1928 году Василий Маргелов поступает в Объединенную белорусскую военную школу имени ЦИК БССР в Минске, после успешного окончания которой его назначают командиром пулеметного взвода 99-го стрелкового полка 33-ей стрелковой дивизии. С первых же дней службы начальники оценили способности молодого командира, его умение рабо-

тать с людьми, передавать им свои знания. В 1931 году он назначается на должность командира взвода полковой школы, а в январе 1932 года — командиром взвода в свое родное училище. Преподавал тактику, огневую и физическую подготовку. Прошел должности от командира взвода до командира роты. Был «максимистом» №1 (стрелком из пулемета системы «Максим»), прекрасно стрелял из других видов оружия, являлся «Ворошиловским стрелком».

В 1938 году он уже капитан (в то время — первое звание старшего офицера), командир батальона 25-го стрелкового полка 8-й стрелковой дивизии Белорусского военного округа, затем начальник разведки дивизии.

В этой должности Маргелов принимал участие в освободительном походе в Западную Белоруссию. Как раз к этому периоду и относится первый эпизод из его богатой фронтовой биографии.

Разведуправление Белорусского фронта получило указание из Москвы «добыть» у «союзников» новый противогаз. Задание было очень ответственное — от разведчиков требовалось «сработать чисто», не оставляя следов, а времени на подготовку операции практически не отводилось. После обсуждения кандидатуры для выполнения этой сложной задачи выбор пал на капитана Маргелова.

«Капитан, или грудь в крестах, или голова в кустах, в общем, задача вам ясна, приступите к выполнению немедленно», — приказал командир дивизии после доведения до начальника разведки своей дивизии указания из штаба армии, хотя понимал смертельную опасность и большую ответственность, неожиданно выпавшую на долю уважаемого им молодого командира. Поскольку времени на подготовку к выполнению задания не было и, зная о том, что к немцам собираются выезжать начальник штаба и начальник особого отдела дивизии, отец, тщательно все продумав, доложил командиру дивизии свое решение: «Прошу разрешить выполнение задания мне лично. Я мог бы отправиться вместе с на-

чальниками в расположение немецких войск для раздела территории, а там — действуя по обстановке. Одновременно в своем батальоне ставлю задачу подчиненным по отработке операции».

Командир дивизии внимательно посмотрел в глаза капитану и, не заметив ни тени сомнения, пожал ему руку и приказал готовиться в путь. «Машина через полчаса, о вашем задании начальники будут знать, но помочь — не помогут. Вся ответственность — на вас. Удачи, капитан. Я буду ждать вашего возвращения, но если попадетесь немцам, рассчитывайте только на себя». Капитан лихо козырнул и отправился в штаб разведбатальона ставить боевую задачу. Через полчаса он и его спутники были в пути. Наконец, они приехали на место. Переговоры продолжались не один день, всё шло по намеченному плану. Появилась закуска, выпивка.

Все это время разведчик незаметно наблюдал за тем, что происходит вокруг. Вдруг он заметил, как мимо открытой из-

за жары двери во двор прошли два немецких солдата с нужными ему противогАЗами. Притворясь слегка пьяным и изобразив смущенную улыбку, отец попросил разрешения у начальника штаба выйти «до ветра». Присутствующие заулыбались, отпуская шутки в адрес «слабака», но позволили ему идти. Изображая нетвердую походку, капитан, зорко оглядываясь по сторонам, направился в сторону походного нужника, где заметил «своих» немцев. Один из них как раз входил вовнутрь, другой стоял рядом. Отец, покачиваясь и улыбаясь, подошел к немцу и, как бы не удержав равновесия, упал в его сторону... ножом вперед. Срезав противогАЗ, он, прикрываясь убитым, ввалился к его приятелю. Там отец быстро покончил и с ним... Трупы сбросил в отхожее место и, убедившись, что они затонули, вышел наружу. Забрав оба противогАЗа, он незаметно добрался до своей машины, где надежно их спрятал.

Вернувшись к «столу переговоров», он выпил свой стакан водки. Наши командиры, поняв, что разведчик свое дело выполнил, стали прощаться. Вскоре они уже катили обратно. За окнами машины быстро проносились деревья, впереди — речушка. Машина въезжает на мост, и вдруг... взрыв. Когда отец пришел в себя, он почувствовал острую боль в области переносицы и левой щеки. Провел рукой — кровь. Огляделся: все убиты, машина в воде, мост разрушен.

— Ясно — подорвались на mine, — подумал отец.

И тут он увидел, как из леса по направлению к машине скачут всадники, которые сохли начали стрелять в его сторону. Отец, превозмогая боль, достал свой «маузер» и стал отстреливаться. Вот он сбил одного всадника, затем — следующего... Кровь заливала глаза, мешала вести прицельную стрельбу. И тут немцы, услышав выстрелы, пришли на помощь. Отбив атаку, они взяли русского капитана с собой, отвезли его в госпиталь, где немецкий хирург сделал ему операцию на переносице. Шрам же на

левой щеке остался памятью тех дней на всю жизнь... Когда немцы привезли его, окровавленного, в бинтах, в расположение нашей дивизии, он сразу попал в руки НКВД. Вопросы были как раз по случаю: «Почему один остался живой? Почему привезли немцы? Почему они оперировали тебя, капитан?» После этого — трое суток томительного ожидания в подвале, пока по его показаниям сотрудники НКВД не извлекли из отхожее места трупы убитых отцом двух немец-

ких солдат с обрезанным креплением противогАЗов и не убедились, что пули в телах убитых нападавших всадников были выпущены из его «маузера». Освободив его из-под стражи, старший «опер» в звании старшего лейтенанта молвил:

— Иди, капитан. На сей раз, считай, тебе повезло.

Никакой благодарности от командования он не получил, но зато на всю свою жизнь запомнил, с какой огромной радостью и благодарностью встречали воинов Красной Армии жители городов и сел этого края, и это было для него главной наградой.

В годы советско-финляндской войны в 1939-1940 гг. Маргелов — командир Отдельного разведывательного лыжного батальона 122-й дивизии. Его батальон совершал дерзкие рейды по тылам противника, устраивал засады, нанося противнику большой урон. Во время одного из рейдов он взял в плен офицеров шведского Генерального штаба.

«Проникнуть в тыл противника было крайне сложно — белофинны были превосходными солдатами», — вспоминал отец. Он всегда уважал достойного противника, а одиночную подготовку финских бойцов ценил особенно высоко.

В его батальоне были выпускники спортивных институтов из Ленинграда и Москвы, отличные спортсмены-лыжники. Однажды, углубившись на финскую территорию километром на десять, они обнаружили свежую лыжню противника.

— Устроим засаду, — объявил свое решение отец, — надо взять в плен несколько человек, желательно офицеров.

Возвращавшиеся по своей лыжне вражеские лыжники не заметили наших замаскировавшихся бойцов и попали под их шквальный огонь. В ходе короткого, но яростного боя отец успел разглядеть, что у некоторых солдат и офицеров странная форма, непохожая на финскую. Никто из наших бойцов не мог даже подумать, что здесь возможна встреча с сол-

датами нейтральной страны. «Раз не в нашей форме и вместе с финнами, значит — противник», — решил командир и приказал взять в плен, в первую очередь, врагов, одетых в эту странную форму. Были, к сожалению, и убитые с нашей стороны. Доставить их через линию фронта в расположение наших войск было делом весьма сложным. Мало того, что пленных надо было тащить буквально на себе, нельзя было при этом допустить, чтобы они замерзли. При стоявших тогда суровых морозах в условиях неподвижности или даже малоподвижности, например, в случае тяжелого ранения, смерть наступала очень быстро. Линию фронта удалось преодолеть без потерь. В ходе боя шесть человек были взяты в плен, но не финны, а... шведы. Их сразу отправили в Москву. Но это было позже. Когда же добрались до своих, комбат опять получил «на всю катушку». Опять НКВД, опять допросы. В ходе допросов отец и узнал, кого он взял в плен — шведских офицеров, изучавших возможность участия в войне на стороне Финляндии в составе шведского Экспедиционного добровольческого корпуса, уже прибывшего в конце января — начале февраля на Кандакшское направление. Приписали тогда комбату что-то вроде политической близорукости, мол, «нейтралов» не распознал, не тех в плен взял, припомнили оставление своих убитых на поле боя, в общем, не избежал бы ему скорого военно-полевого суда и, скорее всего, расстрела, да командующий армией взял храброго командира под защиту. Большинство его бойцов и офицеров было награждено орденами и медалями, только он остался без награды.

— Ничего, — шутил он, — зато Швеция осталась нейтральной...

Гибель и пленение первого небольшого воинского контингента, посланного воевать против СССР, вызвали в Швеции столь удручающий резонанс, что до самого конца конфликта шведское правительство не решилось послать в Финляндию ни одного своего воина. Только через кровь своих солдат шведы еще раз пришли к выводу, что традиционный нейтралитет по отношению к России все-таки лучше, чем война.

Много раз лыжный батальон капитана Маргелова пересекал линию фронта и непрерывными неделями выполнял боевые задачи в тылу противника. Даже ранения не могли заставить комбата покинуть поле боя, оставить своих лыжников-десантников и вернуться к своим. И так до самого конца той войны...

Войска Дяди Васи

Великую Отечественную отец начал с первых дней и прошел ее до конца, от майора до генерал-майора: командовал «дисциплинарниками», которые, искренне уважая и любя своего «Батю», прикрывали его своими телами при артобстреле. На Ленинградском и Волховском фронтах командовал Отдельным лыжным полком балтийских моряков, стрелковым полком, под Сталинградом, на рубеже реки Мышкова, ломал хребет танковым армиям Манштейна.

Будучи командиром дивизии, лично форсировал Днепр, с горсткой бойцов трое суток без отдыха и пищи удерживал занятую позицию, обеспечив переправу своей дивизии, неожиданным маневром с фланга заставил фашистов бежать из Херсона, за что и был удостоен звания Героя Советского Союза, а его дивизия получила почетное наименование «Херсонская». Затем участвовал в освобождении Молдавии, Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Чехословакии, Австрии.

Войну закончил 10 мая 1945 года блестящим бескровным пленением трех отборных немецких дивизий СС: «Мертвая голова», «Великая Германия» и «1-я полицейская дивизия СС». Все они участвовали в операциях на Востоке. Тогда, 10 мая, когда наши солдаты-победители всю поговаривали о скором отъезде на родину, генерал Маргелов получает боевой приказ: на границе Австрии с Чехословакией три дивизии СС и остатки других подразделений, в том числе — «власовцы», хотят сдать америкам, необходимо взять их в плен, в случае сопротивления — уничтожить. За успешное проведение операции ему была обещана вторая Звезда Героя... Отдав боевой приказ, командир дивизии с несколькими офицерами на «виллисе» поехал прямо в расположение противника. Сопровождала его батарея 76-мм пушек, вскоре к нему присоединился начальник штаба дивизии на другом «виллисе». Было у них по пулемету да по ящику гранат, не считая личного оружия. Прибыв на место, он приказал командиру батареи:

— Установить орудия прямой наводкой на штаб врага, и через 10 минут, если я не выйду, открыть огонь по штабу.

И неожиданно для своих и вражеских солдат громко приказав находящимся неподалеку эсэсовцам:

— Немедленно проведите меня к вашим командирам, имею полномочия от высшего штаба командования на ведение переговоров.

В штабе противника он потребовал немедленной безоговорочной капитуляции, обещая взамен жизнь, а также сохранить их награды. «В противном случае

обещаю полное уничтожение с использованием всех огневых средств дивизии», — закончил он свою недолгую речь. Видя полную безнадежность своего положения, эсэсовские генералы вынуждены были пойти на капитуляцию, подчеркнув, что сдаются только такому дерзкому и боевому генералу. Принимая капитуляцию перед построившимися шеренгами солдатами и офицерами противника, генерал Маргелов вдруг услышал в их рядах выстрелы. «Неужели по мне стреляют», — успел он только подумать, как тут же увидел выпадающих из строя офицеров-эсэсовцев, которые, как оказалось, агитировали не сдаваться.

Никаких обещанных наград он не получил, но сознание того, что крупная победа одержана без единого выстрела и без единой потери, захвачены военные трофеи, да при этом сохранена жизнь нескольким тысячам человек, еще вчера —

врагов (более 32 тысяч личного состава со всей боевой техникой и вооружением), доставляло ему удовлетворение высшего порядка, нежели любая, даже самая высокая награда. А потом была встреча с союзниками. На фотоснимках, хранящихся в семейном альбоме, сохранились некоторые из этих волнующих моментов. На одном из них — командир 11-ой американской танковой дивизии бригадный генерал Деггер от имени своего начальника, командира 12 корпуса генерал-лейтенанта Лероя С. Эрвина, вручает командованию дивизии отца боевые награды США. Генерал Маргелов удостоился Командорской степени ордена «Легион Почета» и медали «Бронзовая Звезда».

Храбром командиру дивизии, имеющему 12 Сталинских Благодарностей (еще одну он получил ранее, не будучи командиром дивизии, так что всего тринадцать!) была оказана высокая честь — командовать сводным полком 2-го Украинского фронта на Параде Победы на

Красной площади. В первой шеренге первого батальона твердо чеканили шаг десять лучших солдат и офицеров его 49-й гвардейской Херсонской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии.

Восемь ранений на фронтах, два из них — тяжелых. Его жена Анна Александровна, военврач-хирург, гвардии капитан медицинской службы также прошла всю войну на передовой. Более трех тысяч операций, из них две — самые памятные и тяжелые, когда ей пришлось оперировать мужа на поле боя. Много раз жизнь Маргелова висела на волоске не только во время схваток с врагами, но и в ходе следствий в НКВД.

После войны — Академия Генерального штаба, по окончании которой в возрасте почти 40 лет он без колебаний принимает предложение Министра обороны стать командиром 76-й гвардейской Черниговской воздушно-десантной дивизии (г. Псков). В 1950 году — командир 37-го воздушно-десантного корпуса на Дальнем Востоке. С 1954 года — Командующий Воздушно-десантными войсками.

Под руководством В. Ф. Маргелова ВДВ качественно преобразились. Он постоянно заботился о совершенствовании боевой выучки войск, исследовал возможности их боевого применения в различных условиях современного боя и операциях. Благодаря его стараниям на вооружение поступили новые виды боевой техники, отработаны новые системы и средства десантирования личного состава и техники войск. Только под его личную ответственность внедрено десантирование воинов внутри боевых машин БМД-1 — «Кентавр» и «Реактавр».

Дело в том, что с поступлением на вооружение Воздушно-десантных войск боевых машин десантных — БМД-1, экипажи (по 7 человек в каждой машине) выпрыгивали на парашютах вслед за своими боевыми машинами после выхода их из самолета. При десантировании же 2-3 машин экипажи рассеивались на расстоянии до пяти километров от своих машин, а каждый член экипажа должен был найти именно свою машину. В ходе учений войск с этим как-то мирились, хотя постоянно проводилась большая работа по сокращению времени поиска машин после приземления и быстрейшего вступления их «в бой».

Кардинальный способ решения этой сложной задачи предложил Командующий ВДВ генерал армии Маргелов Василий Филиппович. Сам прошедший тяжелыми дорогами нескольких войн, он прекрасно понимал, что при таком разбросе десантников от своих машин боевая задача может оказаться невыполнимой —

противник сможет успеть уничтожить большую часть десанта сразу после приземления, до того как десантники укроются за броней и смогут открыть огонь по противнику, используя всю огневую мощь своих машин. Значит, остается единственный выход — десантировать экипажи внутри боевых машин. Такое десантирование исключало применение членами экипажей личных парашютов, так как в случае отказа грузовой парашютной системы десантники не успеют покинуть машину, а других средств спасения, например, катапультных установок, в машинах разместить было невозможно ввиду их малого внутреннего объема.

Дело было сложное, неизведанное, крайне рискованное... Надежность системы была в тысячу раз меньше, чем у людских парашютов. Но этот новый, революционный способ десантирования экипажей внутри БМД-1 резко повышал боеготовность войск и должен был быть внедрен в ВДВ как можно быстрее. Командующему ВДВ пришлось долго объяснять Министру обороны Маршалу Советского Союза А. А. Гречко и Начальнику Генерального штаба Маршалу Советского Союза В. Г. Куликову необходимость проведения эксперимента в интересах Воздушно-десантных войск. При этом он настаивал на участии в эксперименте непременно офицеров, которые смогут в дальнейшем передавать свой опыт в войсках. Наконец, маршал Гречко согласился. «Кто будет десантироваться?» — спросил он. Командующий Маргелов сделал шаг вперед и просто сказал: «Я». Тут уж Гречко не выдержал и, в соответствующих выражениях,

которые позволяло их давнее взаимопонимание и уважение, категорически отказал отцу. «В таком случае — один из моих сыновей, их у меня пятеро и, кстати, Александр служит в Научно-техническом комитете ВДВ и как раз занимается этими вопросами». Маршал Куликов поддержал его, сказав, что первыми десантироваться должны обязательно офицеры, которые в дальнейшем будут готовить штатные экипажи, передавая им свой опыт.

На вопрос Гречко, почему все-таки сын, Командующий ответил, что лично несет всю ответственность и отвечает головой за исход эксперимента. А поскольку дело новое и очень рискованное, где все может случиться, он не хотел бы видеть слез матерей, оплакивающих своих погибших детей. Как он перенес тяжесть ответственности за дело и жизнь сына, видно из того, что в ходе последующего эксперимента он держал в кармане пистолет, заряженный одним патроном...

5 января 1973 года экипаж комплекса «Кентавр-1» в составе подполковника Леонида Зуева и старшего лейтенанта Александра Маргелова впервые в мировой и отечественной практике десантировался внутри БМД-1 без личных парашютов в системе «Кентавр», имеющей пять грузовых парашютов (площадью по 760 кв. м; скорость снижения 5-6 м/сек) и тяжелую платформу под днищем боевой машины. 23 января 1976 года после длительных изнурительных испытаний и доводок комплекс десантирования БМД-1 на парашютно-реактивной системе «Реактавр» (один грузовой парашют площадью всего в 540 кв. м, плюс блок двигателей мягкой посадки, срабатывающих у самой земли; скорость снижения — до 25 м/сек), также с двумя членами экипажа — майором Александром Маргеловым и подполковником Леонидом Щербаковым, десантировался опять же впервые в мировой и отечественной практике. Этим новым экспериментом была доказана практическая возможность человеческого организма не просто выдержать такого рода десантирование и возникающие при этом перегрузки (до 20-25 единиц!), но и успешно вести боевые действия после приземления. Члены экипажа были представлены к званию Герой Советского Союза, но по независимым от них обстоятельствам только через двадцать лет получили свои звезды Героев Российской Федерации.

После этих экспериментов, массовое применение которых планируется только в боевых условиях (не дай Бог!), в ходе боевой учебы и в показательных целях

Легендарный командующий

в подобных системах десантировались более сотни воинов-десантников.

Без преувеличения можно сказать, что при Командующем Маргелове совершен настоящий переворот в теории и практике применения воздушно-десантных частей, ВДВ стали ведущими в системе Вооруженных Сил СССР. Генерал армии В. Ф. Маргелов — лауреат Государственной премии СССР, кандидат военных наук.

Генералу Маргелову не дали встретить 50-летие войск на посту командующего ВДВ — началась афганская эпопея, а у него были свои взгляды на применение частей ВДВ как в тактическом, так и в стратегическом плане, отличные от планов тогдашнего руководства министерства обороны. С января 1979 года генерал армии В. Ф. Маргелов продолжил службу в Генеральной инспекции при Министерстве Обороны, курируя Воздушно-десантные войска.

Известные события последних лет, искажения принципов долгожданной перестройки больно отозвались в сердце патриота — 4 марта 1990 года не стало. Но память о нем и сейчас живет в Воздушно-десантных войсках, в сердцах ветеранов Великой Отечественной войны, всех знавших и любивших его людей. Он является Почетным Солдатом одной из частей гвардейской Черниговской воздушно-десантной дивизии. Его именем названы улицы и площади в Омске, Пскове, Туле, Улан-Удэ, Витебске, Рязани. Рязанское Воздушно-десантное училище также носит его имя, напоминающее патриотам России о чести и славе. Памятники ему установлены в Москве (Новодевичье кладбище), Рязани, Омске, Пскове, Туле, Днепропетровске, Львове, Костюковичах, немало молодежных и патриотических организаций названо его именем, дом в Москве, где он жил последние двадцать лет, украшает посвященная ему мемориальная доска.

*А. В. Маргелов
Герой России
полковник запаса,
25.06.2008*

Войска Дяди Васи

Алексей Кукушкин

Начальник разведки ВДВ (1968-1979). Гвардии полковник.

ЗНАКОМСТВО С ГЕНЕРАЛОМ МАРГЕЛОВЫМ

Посвящается 100-летию со дня рождения и памяти легендарного Командующего ВДВ Василия Филипповича Маргелова

Кукушкин Алексей Васильевич родился 23 октября 1924 года в д. Заякошье Череповецкого района Вологодской области. В 1942 году после окончания средней школы призван в Красную Армию и зачислен курсантом Лепельского пехотного училища, которое окончил в 1943 году. После окончания училища воевал на фронтах Великой Отечественной войны: Западном и 2-м Белорусском. Был дважды ранен. Участвовал в Померанской и Берлинской операциях. Войну окончил в должности командира стрелковой роты. После войны проходил службу в группе войск в Германии. С 1948 по 1951 год обучался в Военной академии им. Фрунзе, по окончании которой проходил службу на Дальнем Востоке в 37-м гвардейском воздушно-десантном корпусе, в десантном отделе штаба ДВО. Был начальником оперативного отделения 98-й гвардейской воздушно-десантной дивизии и исполнял должность начальника штаба дивизии. С декабря 1964 года Алексей Васильевич проходил службу в штабе ВДВ на должностях заместителя начальника отдела боевой подготовки и начальника разведки ВДВ. В августе 1968 года участвовал в операции по вводу войск в Чехословакию. В декабре 1979 — январе 1980 года в должности начальника штаба оперативной группировки участвовал в планировании и управлении боевыми действиями десантных частей при вводе войск в Афганистан в Кабульской операции. За успешное выполнение боевых заданий, успехи в боевой подготовке Алексей Васильевич награжден шестью боевыми орденами и медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Кроме того, награжден еще тридцатью медалями за освобождение городов в годы Великой Отечественной войны, безупречную службу и юбилейными. Алексей Васильевич Кукушкин прослужил в Вооруженных Силах 43 года, из них 34 года отдал Воздушно-десантным войскам. За годы службы совершил 512 прыжков с парашютом. Активно участвует в работе ветеранской организации Командования ВДВ, передает свой богатый опыт нынешнему поколению воинов-десантников.

Василий Филиппович Маргелов относится к числу тех мудрых людей, которые не консервируются во времени, а смело смотрят вперед и видят то, что многие из современников не замечают.

Мое знакомство с ним состоялось несколько необычно, если не сказать забавно. До сих пор не без улыбки вспоминаю тот январский вечер 1952 года... Но все по порядку.

В ноябре 1951 года, окончив Академию им. Фрунзе, я собрался работать (как мне сообщили кадровики) в штабе Воронежского военного округа (в те времена такой был). Но, вопреки моим ожиданиям, приказом Министра ВС СССР маршала Василевского А.М. меня определили в войска Дальнего Востока, в штаб 37-го гв. ВДК, которым командовал в то время генерал-майор Маргелов В.Ф.

На Дальний Восток ехал с нежеланием и глубокой обидой в душе. Товарищи, которых отбирали в ВДВ, еще осенью прошли медкомиссию на годность к прыжкам, а я, брошенный «как кур в ощиц» в десантники, был лишен даже этой формальности.

В начале января прибыл в г. Куйбышев-Восточная (ныне — г. Белогорск) Амурской области, где размещался тогда 37-й гв. ВДК, передислоцированный только что из Приморья.

Выйдя из вагона, я окунулся в свинцово-туманную изморозь, перемешанную с едким дымом и паром от множества паровозов. Жестокий мороз под 40 градусов буквально сковывал все вокруг. Узнав у встречных офицеров, где располагается штаб корпуса, через четверть часа я уже был на месте. Представился начальникам. Затем прошел в оперативный отдел, где предстояло работать. Офицеры отдела приняли меня доброжелательно, с интересом, не в пример начальникам. Спросили, где остановился, есть ли деньги? Ознакомили с делами штаба, с юмором рассказывали о нелегкой десантной жизни. Дали весьма нелестную характеристику непосредственным начальникам и, вместе с тем, с юмором и теплотой отзывались о своем комкоре.

Непринужденная обстановка, шутки как-то сразу сблизили меня с коллективом товарищей, офицеров заслуженных, опытных десантников, значительно старше меня по возрасту и опыту штабной работы. Все это несколько успокоило меня и развеяло тревожные и мрачные мысли.

Однако надо было еще представляться командиру корпуса. Когда он появился в управлении и будет ли вообще — никто не знал. Надо было ждать.

Генерал Маргелов В.Ф. появился в штабе где-то часов в 20, а то и позже. Адьютант передал, что комкор готов принять меня.

Захожу. Кабинет полуосвещен, горит настольная лампа и одна лампочка под потолком. В довольно просторном кабинете два канцелярских стола, поставленных Т-образно, десятка полтора простых стульев по стенкам. В углу металлический сейф, на нем два шлакоблочных кирпичика, по-видимому, строительные образцы. Портрет Сталина в рамке. Скромное убранство кабинета говорило о том, что хозяин его не очень-то долго засиживается здесь и равнодушен к излишним украшениям.

Посреди кабинета стоял генерал в гимнастерке со звездой Героя, синих шароварах с лампасами и унтах. Стройная, ладная атлетическая фигура, подпоясанная генеральским ремнем без портупей. Приятное, если не сказать красивое, лицо славянского типа несколько портило шрам на щеке. Твердо сжатые губы и характерные складки указывали на решительный характер и волю.

Признаюсь, он мне понравился.

Я четко доложил, что прибыл для прохождения службы в штаб корпуса.

— Ты, академик, по честному скажи мне — с желанием прибыл к нам или нет? — хриплым голосом спросил комкор.

— По правде, товарищ генерал, без всякого желания!

— Григорий Павлович, — обратился он к подполковнику в авиационной форме, сидевшему у приставного стола (позднее я узнал, что это был начальник ПДС корпуса Паньков Григорий Павлович), —

ты посмотри на него! Еще и гвоздя не забил, а тоже — не хочу у вас работать! Присылают к нам всяких м...ов, будто у нас не десантный корпус, а румынский бардак!

Он нервно ходил по кабинету, торопливо затягивался папиросой и продолжал громко ругаться, не выбирая выражений.

Обозленный таким поворотом разговора, к тому же с утра голодный, я резко прервав его, сказал:

— Товарищ генерал! Что Вы ругаетесь? Вы спросили меня, я вам честно ответил. Но я Вам докладываю, что раз прибыл в корпус, значит, и работать буду добросовестно.

— Спасибо! Уважил... — насмешливо проговорил комкор и тут же задал мне в лоб другой, не менее провокационный вопрос:

— Скажи по-честному, водку пьешь? — Пью, товарищ генерал!

— Ну, вот, такую мать! Всех пьяниц к нам в корпус присылают. У нас своих выпивох, как цыган на ярмарке!

— Товарищ генерал! Выпиваю не часто, лишь по случаю и умеренно, — пытался оправдаться я.

— Пить не надо вообще и даже умеренно.

И, слегка улынувшись в сторону Панькова, добавил:

— Ну, разве что в праздники, да и то революционные... А прыгать будешь?

— Раз приехал в воздушно-десантный корпус, значит, и прыгать буду, — ответил я.

— Это уже лучше, — выдохнув струю дыма, сказал генерал.

— Теперь слушай, что надо знать десантнику, чтобы освоить прыжок с парашютом. Во-первых, научиться укладывать его. Хорошо уложишь — на 50 процентов жив! Во-вторых, правильно отделиться от самолета. Рот раскроешь — весь завтрак через задницу вылетит. Если отделишься коровой, обязательно что-нибудь да запутается, а если все сделаешь правильно, на 50 процентов жив будешь. И еще, во-первых, надо научиться правильно, приземляться — тогда без костылей ходить будешь!

Комкор ходил по кабинету и, рубя рукой воздух, продолжал:

— Я вот по-честному тебе, академик, скажу. Сам по два раза обе ноги ломал. Но, вот теперь освоил и ничего... хожу.

«Хохмит генерал», — подумал я. И, будто угадав мою мысль, Маргелов продолжил:

— Григорий Павлович! Скажи, разве не так?

Паньков молча улыбался, слушая этот генеральский инструктаж.

— Ну, теперь тебе все ясно? — улыбаясь, спросил комкор.

Знакомство с генералом

и со смехом предложили опробовать тренажер на новичках.

Первым поднимаюсь на скрипучее, на высоченных столбах нелепое сооружение. На самой верхотуре напяливаю на себя подвесную систему, соединенную через свободные концы с двумя тросами. Складывая руки на запасном парашюте и по команде инструктора Ильина С.П. прыгаю вниз. Метра через 3-3,5 свободного падения меня тряхнуло так, что слетели шапка и валенки. Я, как дурак, босой и гологоловый, болтался на тросах в метрах трех-четырех над землей. Внизу, забыв о морозе, хохотали офицеры. Напялив кое-как брошенные мне валенки, старательно выполнил команды Ильина «Развороты по ветру», а затем по команде «Земля!» снова кирпичом полетел вниз и шлепнулся на кучу насыпанных опилок.

Товарищи со смехом и шутками поздравляли меня с «первым» прыжком, но мне тогда было не до шуток.

Вторым прыгал другой новичок. Его эксперимент был более печален. Разбитый нос и ушибленное колено вынудили прекратить «тренажерный» эксперимент.

Наверное, каждый десантник помнит день своего первого прыжка. Помню и я — 2 марта 1952 года.

Где-то часов в десять мы, офицеры корпуса, прибыли на площадку приземления «Украинка». Прыжки шли уже вовсю. Работали два аэростата, третий — запасной — огромным перезрелым огурцом стоял в загородке высоченного забора. Комкор Маргелов был уже на площадке и распекал командира корпусного батальона связи. Этот «отец» солдат половину батальона вывел на прыжки в сапогах. Досталось от комкора и кое-кому из корпус-

Первый прыжок

Погода зимой в Амурской области необычайная. Жестокие морозы, доходящие нередко до минус 50 градусов, студеная тишина, по-летнему яркое солнце и полное безветрие.

Десантники успешно пользовались таким погодным феноменом и большую часть прыжков и учений с десантированием проводили зимой. Прыгать запрещалось лишь тогда, когда температура воздуха была ниже 30 градусов мороза.

Вместе с войсками учился и штаб корпуса — к десантной подготовке подключили и нас, новичков. Формальная медкомиссия в медсанбате, две тренировочные укладки парашюта ПД-47, и вот мы уже на предпрыжковой подготовке, точнее, на только что построенном тренажере — «костоломе Проничева». Опытные десантники наотрез отказались прыгать с него

Войска Дяди Васи

ных начальников за бесконтрольность и наплевательское отношение к здоровью и заботе о солдатах.

Разобравшись с начальниками, Василий Филиппович подошел к связистам, весело поздоровался с ними и шутливо спросил:

— Чего это, товарищи десантники, скрючились, как стариковский хрен? Радуйтесь — на прыжки пришли. А что в сапогах, то домой бежать будет легче! Вы же сибиряки, зима у вас десять месяцев в году, остальное лето! Так что вам к холоду не привыкать. Для настоящего десантника никакой мороз нипочем, когда он пишет — снег в радиусе метра тает.

Потом добавил какую-то еще байку о десантнике и, рассмеив солдат, пожелал им мягкого приземления. А командир батальона громко приказал:

— Всех в сапогах пропустить на прыжок вне очереди, — чем еще больше подбодрил замерзающих связистов.

Обычная предстартовая суета с парашютами, проверка готовности — и мы уже на старте.

Первым на прыжок пошел комкор. В гондолу с ним сел начальник ПДС подполковник Паньков Г.П. — он всегда лично выпускал командира корпуса.

Впервые я видел, как поднимается аэростат, и с замирающим сердцем ждал, когда генерал отделится от гондолы. Наверное, за прыжком комкора следили сотни глаз. Наконец-то аэростат остановился, развернулся по ветру, еще мгновение — и вот черная точка отделилась от него. Еще миг, и над человеком вспыхнул зонтик парашюта. Вдох облегчения. Невольная гордость всколыхнула, наверное, не только меня, но и многих подопечных

комкора — генерала, уже в летах, избитого на войне, обремененного массой забот и огромной ответственностью. Проскочила подленькая мысль: а нужно ли командиру корпуса лезть вперед и рисковать здоровьем и даже жизнью? И тут же возник ответ — надо! Вот так и только так должен поступать настоящий командир! Делай как я! — было правилом в жизни нашего комкора.

Василий Филиппович прыгал регулярно, иногда даже с риском. От прыжков никого не освобождал. Саботажников и трусишек выводил на прыжки лично и, как правило, в выходной день. В управлении корпуса не прыгал лишь один человек — начальник тыла корпуса полковник Жуков, человек пожилой и больной.

Где-то в 1954 году увлеченность комкора прыжками каким-то образом дошла до маршала Малиновского Р.Я., и тот распорядился впредь генералу Маргелову В.Ф. прыжки с парашютом совершать только по его личному разрешению.

Но я отвлекся. Вслед за комкором прыгнуть с парашютом предстояло нам — первокурсникам. Из четырех очередников я оказался самым легким, и мне пришлось размещаться не в гондole аэростата, а на откинутой доске — «хлебоборезке», как ее насмешливо называли десантники.

Переживания перед первым прыжком известны каждому десантнику. Наконец-то аэростат поднялся на заданную высоту в 600 метров, резко дернулся, хлопнул килем и развернулся против ветра. Аэронавт, сверхсрочник, уже в летах, открыл дверку гондолы и приказал всем приготовиться. Пока я сползал с «хлебоборезки», товарищи уже покинули гондолу. Она раскачивалась как маятник. Я встал на порожек и приготовился к прыжку. Мельком взглянул вниз, в бездну, и невольно позаиводовал товарищам, которые уже покачивались на раскрытых парашютах. «Ну, с Богом! Пошел!» — дал команду старшина, и я прыгнул вниз. Секунды падения... основательный рывок, и я уже сижу под куполом парашюта. Сразу успокоился и по неопытности посчитал, что уже все в порядке. Землю встретил без страха (будто прыгал с табуретки), и, надо же, устоял на ногах как заправский пэдэсник.

Первым к нам подошел Василий Филиппович и шутливо спросил:

— Что, херки-топорики, кто из вас «мама» кричал?

— Наверное, я, товарищ генерал! — признался майор Рунов К.А.

— Ну, ладно, не грех и маму вспомнить при первом прыжке. Поздравляю вас и награждаю значком десантника!

Этот маленький скромный значок первокурсника, полученный от комкора

Маргелова В.Ф., храню до сих пор, как дорогую реликвию.

Легенды о Маргелове

Обучение корпуса шло полным ходом. Отступление от программы, более того — срыв ее, карались беспощадно.

Комкор в полной мере требовал отдачи и от штаба. К этому обязывала и обстановка. В Корею шла война, широко применялся напалм и даже смертоносные бактерии. Личному составу корпуса была проведена вакцинация от чумы и холеры.

Василий Филиппович постоянно был в войсках; мы, офицеры штаба, постоянно сопровождали его на всех учениях и проверках. Это была хорошая школа для нас — операторов. Мы уже знали, что результаты обобщенной работы комкор может потребовать в любой момент, и тщательно к этому готовились. Он всегда требовал конкретных ответов, с примерами, фамилиями и выводами.

Как-то весной 1952 года по тревоге был поднят 116-й гв. п.д.п. За ночь полк совершил 20-ти километровый марш-бросок и утром возвратился к месту дислокации. Я, как направлонец этой дивизии, прошел с полком весь маршрут и, вроде бы, хорошо знал промахи и успехи в его действиях.

На совещании офицеров управления корпуса Василий Филиппович приказал мне сообщить о действиях полка. Я по порядку доложил обо всем. И вдруг комкор задает мне вопрос:

— Сколько в полку было отстающих на марше и сколько человек с потертостью ног?

Я ответил, что отстающих было человек 30–40, потертостей много, а сколько точно, не знаю.

— Вот так — «приблизительно» — работают наши офицеры! — с возмущением заметил комкор и сам назвал точные цифры.

Я готов был провалиться сквозь землю от стыда и позора. Урок на будущее получился хороший.

Авторитет комкора Маргелова В.Ф. был незыблем, его требовательность была всегда по существу, без мелочей и пустяковых придириков. Командиры дивизий и частей это знали. И если кто-либо допускал промахи, то знал: наказание будет неизбежным, но справедливым, без унижений и оскорбления.

В корпусе, да и не только в нем, о генерале Маргелове В.Ф. ходило немало забавных рассказов, солдатских баек, порою на грани легенд. Что-то из них в действительности имело место, а кое-что было казарменным фольклором, вымыслом.

В частности, помнится рассказ, как генерал Маргелов В.Ф. где-то застукал выпивающих солдат. Оставалось выпить еще полбутылки и, надо же, внезапно нагрянул к ним не кто-нибудь, а сам комкор!

— За что пьете, десантники? — спросил генерал.

— Да, товарищ генерал, вот у Кольки день рождения, так что простите нас... — заикаясь от страха, промямлил один из них.

— Ну, что же! Вам уже хватит, а я, если не возражаете, за здоровье Кольки не прочь выпить!

И тут же вылил в кружку оставшуюся водку и одним духом осушил ее.

— А сейчас, марш все в казарму! — скомандовал комкор.

Десантник Колька, если жив, наверняка и сейчас помнит, как комкор Маргелов выпил кружку водки за его десантное здоровье.

Другому случаю свидетелями было несколько офицеров штаба корпуса. Дело было так. Маргелов В.Ф. ехал из Никольского гарнизона и по дороге встретил солдата. Выяснилось, что он возвращался из самоволки. Разбираться с ним не было времени, да и темнело уже. Узнав фамилию самовольщика и номер части, комкор спросил:

— Штаб корпуса знаешь, где находится?

— Знаю, товарищ генерал!

— Так вот, если через полчаса не будешь там, чтобы разобраться с тобой до конца, стгно на гауптвахту! Понял?

— Так точно, товарищ генерал!

А от Никольского гарнизона до штаба было не менее 5–6 километров, так что солдат явно не мог прибыть туда вовремя. Отдав приказ, комкор сел в «виллис» и поехал.

Офицеры рассказывали, что вслед за прибывшим в штаб Маргеловым появился солдат, который доложил, что его срочно вызывает комкор.

Появившись в кабинете, солдат доложил оторопевшему от неожиданности Василию Филипповичу, что прибыл по его приказу. Придя в себя, Маргелов спросил: — Как же ты, стервец, успел так быстро добраться сюда?

Солдат, улыбаясь, признался, что он, когда комкор садился в машину, прицепился на запасное колесо «виллиса» и вместе с ним доехал до штаба.

Василий Филиппович искренне смеялся, восхищаясь десантной находчивостью самовольщика, и приказал дежурному отпустить с миром этого пройдоху.

Однако были случаи и серьезнее.

Однажды взволнованный оперативный дежурный доложил комкору, что в 299-м гвардейском полку 98-й гв. вд

пьяный часовой не подпускает никого к посту и угрожает расстрелять караул и командира полка.

Встревоженный Маргелов тут же поехал в полк и, увидев растерявшегося командира полка, подполковника Власова, пришел в ярость.

Расстегнув шинель, комкор, невзирая на протесты бывших с ним офицеров, решительно направился к посту.

Идя к часовому, он резко крикнул ему: — Ты знаешь меня?

— Да, знаю. Вы генерал Маргелов! Не подходите, застрелю вас!

— Слушай, солдат! Даю тебе честное генеральское слово, если отдашь мне автомат, судить тебя не буду!

— Товарищ генерал! Не подходите, застрелю!

— Ах, ты, м... паршивый, стреляй, гад, в своего генерала! Меня фашисты расстреливали четыре года и не убили! А ты, засранец, хочешь убить!

Распахнув шинель, решительно двинулся на пост.

Солдат явно растерялся. Такого оборота дела не ждал, и, видимо, трезвея, крикнул:

— А Вы действительно не накажете меня?

— Даю генеральское слово, что судить не буду!

Солдат был разоружен и посажен на гауптвахту.

Уезжая из полка, Маргелов едко заметил командиру полка:

— Из тебя, подполковник, командир полка, что из собачьего дерьма пуля!

Возникает вопрос, стоило ли командиру корпуса так безрассудно рисковать жизнью? Но в поступке этом — весь Василий Филиппович Маргелов.

Случай этот стал известен и Главкому, который в телефонном разговоре объявил комкору выговор.

37-й гвардейский воздушно-десантный корпус с прибытием в Приамурье решением Главкома был оперативно подчинен Командующему 1-ой Отдельной Краснознаменной армии (1 ОКА), штаб и войска которой размещались на территории Амурской области.

1-ой ОКА командовал тогда известный военачальник, дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Лелюшенко Д.С.

Решение о переподчинении было не лучшим. Большинство из руководства этой армии о десантных войсках и их специфике имели представление не больше, чем о царстве Божьем. И, тем не менее, вмешивались в дела корпуса, часто мешая делу.

Взаимоотношениям с десанниками не способствовал и командарм, человек властный и даже деспотичный. Решения,

Знакомство с генералом

касающиеся корпуса, принимались иногда на эмоциях, непродуманно. Служебные совещания руководящего состава из деловых встреч командарм превращал в издевательские экзамены по знанию уставов и технических характеристик бронетанковой техники. Так что подчиненность эта доставляла комкору немало головной боли. В этих условиях Василию Филипповичу приходилось проявлять немалое искусство дипломатии, чтобы как-то ослабить пресс армейского руководства на войска корпуса и защитить офицеров от напрасных наказаний.

В послевоенные годы офицерам жилось трудно. Большинство ютилось на частных квартирах. Некоторые умудрялись держать кур и даже коров.

Скромно жил и комкор Маргелов В.Ф. Он занимал половину одноэтажного барачного типа строения напротив штаба корпуса. Оно отличалось от других тем, что было обнесено двухметровым деревянным забором. Жена его, Анна Александровна, симпатичная блондинка, работала врачом в гарнизонной поликлинике, слыла хорошим специалистом, и считалось престижным попасть к ней на прием.

Лето 1953 года было особенно тревожным. Резко обострилась война в Корею. Несколько провокационных налетов было совершено американской авиацией даже на объекты в Приморье.

Но особенное беспокойство и тревогу в обществе вызвало необдуманное популистское решение тогдашних правителей во главе с Ворошиловым К.Е. о всеобщей амнистии заключенным.

Многочисленные эшелоны зеков, словно бурный поток, двинулись на Запад. По пути следования уголовники учиняли погромы и, буквально как ураган, сметали

Войска Дяди Васи

и грабили ларьки и магазины на станциях. Многие из них как тараканы разбегались из эшелонов и оседали в окрестных городах и поселках.

Из Хабаровска пришел приказ: к каждому эшелону, прибывающему на станцию, высылать вооруженную роту десантников, чтобы предотвратить грабежи и погромы.

Участились разбои и убийства, и в нашем гарнизоне комкор своим приказом разрешил офицерам носить личное оружие. Многие тогда жили в напряжении и постоянной тревоге, опасаясь за жизнь близких.

Как-то летом, будучи дежурным, я был свидетелем любопытного разговора комкора с начальником штаба генералом Савчуком В.И.

— Знаешь, Валерий Иванович, сегодня едва с ума не сошел. Рано утром слышу — кто-то ходит в соседней комнате. Мысль — бродяги залезли! Схватил «маузер» и думаю, как только откроют дверь

в нашу комнату, сразу же влеплю в лоб пулю. И тут открывается дверь, и к нам вбегает один из моих близняшек! Пистолет буквально выпал из рук... Ты понимаешь, что могло бы случиться?! До сих пор не могу очухаться!

Осенью этого же года, вопреки желанию, меня определили работать в десантном отделе штаба только что созданного Дальневосточного округа. Комкор долго не отпускал, собиравшись говорить с командующим, но, в конце концов, был вынужден откомандировать меня в Хабаровск.

Встречи с генералом Маргеловым В.Ф. стали редкими, от случая к случаю, когда он приезжал в Хабаровск или мы — в корпус.

Десантный корпус считался одним из лучших соединений в войсках округа, а его командир — комкор Маргелов В.Ф. — авторитетнейшим и, пожалуй, самым известным генералом. Утверждение это — не искусственная дань Василию Филипповичу. Работая в Управлении командующего ДВО, мы знали состояние всех войск округа и цену их командирам.

В начале лета 1954 года комкор Маргелов В.Ф. был назначен командующим Воздушно-десантными войсками. Провожали его в Москву тепло, всем корпусом. Искренне жалели, что он уходит и, в то же время, гордились, что наш комкор, а не кто-то другой назначен на эту высокую должность.

Полагаю, что время командования 37-м гв. ВДК и служба на Дальнем Востоке были не худшим периодом в жизни Василия Филипповича Маргелова на пути его становления крупным военачальником в Советской Армии.

Стрельба по живому танку

Я уже отмечал, что в боевой подготовке командующий не терпел застоя, благодушия и самоуспокоенности. Постоянно напоминал нам о необходимости все время искать новые, более эффективные приемы и методы, резко повышающие качество обучения.

Офицеры самозабвенно трудились, выполняя указания командующего.

В этой связи вспоминаю один из показательных эпизодов той поры.

Одно время в войсках возникла определенная трудность с обучением гранатометчиков стрельбе из РПГ-7.

Надо было искать что-то новое в их подготовке, приближая стрельбу к реальным условиям.

Обсуждая проблему с Петром Васильевичем Чаплыгиным — заместителем командующего по боевой подготовке, мы вспомнили: немцы когда-то имели мини-

атюрный самодвижущийся танк-мишень. И мы решили использовать в качестве «живой» движущийся мишени для стрельбы из РПГ-7 инертной гранатой настоящего танка.

К этому времени в наших полках уже имелись танки Т-34, которые использовались в учебных городках по борьбе с танками.

Об этой идее мы доложили командующему. Василий Филиппович, выслушав, сказал:

— Петро! Ты втягиваешь меня в очередное ЧП. Их у нас и так не меньше, чем блох на дворе Бобике! Но идея интересная! Чем черт не шутит, давайте попробуем! Но смотрите, чтоб без происшествий!

Через трое суток в учебном центре Тульской дивизии решили опробовать нашу задумку.

Условились, что я сяду рядом с механиком-водителем, чтобы объективно ощутить результаты обстрела.

Чтобы гранатометчик не промахнулся, стрелять решили по неподвижному танку на дальности всего лишь 150 м.

Заткнув уши ватой и, надев шлемы танкистов, мы с механиком-водителем влезли в танк, задраили люки и стали ждать выстрела. Я закрыл ладонями глаза, посоветовал это сделать и механику.

Минуты через две услышали выстрел, и тут же под башню танка ударила граната. Удар был сильный, будто кувалдой стукнули по пустой бочке.

Мгновение, и танк наполнился едкой густой желтой пылью. Это был порошок — наполнитель инертной гранаты.

В ушах гудело, глаза слезились от едкой пыли. Гимнастерка, брюки и сапоги были покрыты слоем желтого порошка. Но, в целом, все было терпимо, т. е. нормально, как и ожидалось.

Обсудив результаты обстрела, решили, что перед стрельбой надо все щели в танке законопатить и замазать, а лучше заварить, а механику-водителю во время стрельбы надевать маску противогаза.

Провели еще несколько стрельб, в т. ч. и по движущемуся танку, все было нормально, результаты доложили командующему.

С этого момента во всех дивизиях начались стрельбы инертной гранатой по живой цели.

Вскоре по решению главного маршала бронетанковых войск Бабаджаняна Т-34 заменили герметичными танками Т-54 и Т-55, и дело пошло куда лучше. Пробовали стрелять и ПТУРСами.

Маршал Гречко А.А. на военных советах не раз ставил Василия Филипповича в пример как новатора в вопросах обучения войск.

Сергей Скрипник

Майор. Участвовал: Афганистан
<http://www.artofwar.net.ru/>

СОРОК ДНЕЙ — КАК ВСЯ ЖИЗНЬ

Всем, кто служил, служит и будет служить под девизом «Никто, кроме нас!» посвящаю

...Казалось бы — тридцать лет прошло, а все стоит перед глазами так выпукло и отчетливо, будто было вчера. И это не в далеком 1977-м, а вчера я — восемнадцатилетний пацан — ноябрьским холодным утром вместе со своим лучшим корешем Игорехой Голиковым жмемся посреди огороженного забором заасфальтированного квадрата. И квадрат этот именуется не абы как, а центральным кишиневским призывным пунктом РВК. Впрочем, тут нужна небольшая поправка: пацанами нас с Голиком можно было назвать лишь по возрасту. А так мы были уже мастерами спорта. Я по классической борьбе, а Голиков — по дзюдо. И потому стояли мы с ним в гордом отдалении от остальной суетливой, пьяно галдящей призывной толпы, пестро разодетой во всевозможные обноски (гражданку-то все равно отберут!). А на нас были дефицитнейшие в ту пору «нулевые» спортивные костюмы-«олимпийки», потому что мы искренне верили, что ждет нас веселая и увлекательная служба в спортроде, полная спортивных побед и рекордов.

...На пятый день ожидания на призывном пункте появились два примечательных человека, завидев которых почтительно расступались «покупатели» из числа военных строителей, танкистов и прочей «мабуть». Старший лейтенант и прапорщик — оба как с открытки к 23-му февраля — высокие, ладные, в идеально пригнанных шинелях, а на голубых петлицах блестят золотистые «птички» — парашютики — эмблема Воздушно-десантных войск. Окинув цепкими глазами кучкующихся призывников, эти двое направились напрямик к нам.

— Кто такой, представься, — обратился ко мне старлей.

— Ну, Скрипник, — отвечаю.

— Без «ну», когда разговариваете со старшим по званию!

— Скрипник Сергей Васильевич!

— Каким спортом занимался?

— Мастер спорта по «классике».

— Подходяще, — кивнул старший лейтенант. — Будешь служить в ВДВ.

Тут встрял Голиков, испугавшись, что может остаться один:

— Я тоже мастер спорта. По дзюдо!

— Этого тоже оформи, — кивнул старлей прапорщику и, уже обращаясь к нам: — Бегом марш в автобус.

Мы с Игорем переглянулись: «чего, мол, за поездка такая — в армию на автобусе!», но через десять минут уже устраивались на заднем сидении ветхого «пазика», в котором сидело еще человек десять будущих «голубых беретов». Неожиданно автобус задрожал, зашатался, и весь просвет — от пола до потолка — заполнила тень, перед которой могли бы запросто обделаться со страха Геракл с Ильей Муромцем вместе взятые.

— Привет, пацаны, — радостно заорала тень и стала расчищать себе дорогу в тесном салоне, продираясь к нам с Голиком.

Это был еще один герой моего рассказа — Пиня — Саша Пинский, добродушный весельчак, который к своим восемнадцати годам успел вырасти больше двух метров и достичь веса небольшого слона. Пиня был еврей, и этот факт впоследствии стал предметом постоянных шуток наших сослуживцев: еврей-десантник — уже смешно...

Так мы, три товарища (почти по Ремарку!), начали свою службу в доблестных гвардейских «войсках дяди Васи», как называют ВДВ сами десантники — в честь прославленного главкома генерала Василия Маргелова, который справедливо считается таким же святым символом этих войск, как голубой берет и тельняшка.

...Не стану описывать дорогу в часть, где нам предстояло служить, отмечу только, что с таким уставным понятием как «тяготы и лишения воинской службы» мы познакомились еще до того, как надели военную форму. Автобус наш, дряхлый, как заря отечественного автомобилестроения, беспрерывно ломался, и меня, Пиню и Голика, как самых здоровых, заставляли толкать его чаще других. «Пазик» нехотя заводился, кряхтя и скрежеща всеми своими деталями, брал очередную кочку, глох — и все повторялось сначала.

Наконец, с наступлением ранних осенних сумерек, мы въехали в город Болград, где на ту пору дислоцировались основные части 98-й гвардейской орденоносной Свирской дивизии. Створы ворот контрольно-пропускного пункта с нарисованными на них «птичками» раскрылись, автобус кое-как вкатился на территорию и остановился возле плаца, украшенного огромным плакатом с изображением бравого воина в лихо заломленном на ухо бере-

те. На плакате было написано «Честь и Родина превыше всего» — официальный девиз Свирской дивизии.

Нас, несколько ошалевших от дороги и впечатлений, окружили подметавшие плац солдаты, а вскоре валяжно и неторопливо стали подтягиваться старики, соревнуясь в остроумии по поводу прибывшего «зоопарка».

Тому, кто служил в ВДВ (да вообще в армии), дальнейшее описывать нет смысла: построение, которое никогда не удастся с первого раза, переключка, ну и, разумеется, поход в баню под презрительно-оценивающими взглядами сопровождающих сержантов. Презрительными — потому что отныне мы — «духи», «салабоны» и «туловища», еще не просравившиеся мамиными пирожками», а оценивающими — поскольку зоркий глаз старослужащего уже заприметил на ком-нибудь подходящие кроссовки, джинсы или куртку на случай «самохода», увольнительной или отпуска.

После бани молодой солдат представляет собой весьма комичное и одновременно плачевное зрелище, поскольку сталкивается с таким военным чудом, как выдача обмундирования.

Не стану утверждать, что так было везде, но в большинстве частей Советской Армии во все времена наибольшей чудодетельной силой обладали тыловые службы. Все их доблестные представители — от рядового каптера до высочайшего чина — пользовались необычайной популярностью и обладали огромным авторитетом. Ибо были они всемогущи. На примере простого солдата это всемогущество определялось нехитрыми формулами типа «новый берет равняется двум бутылкам водки» или «новая парадная форма равняется дембельскому набору нагрудных знаков», и так далее. А откуда оно бралось — это новое? Разумеется, отбиралось у молодого пополнения, которому доставалось старье, давно уже списанное, но хранящееся на складах рачительными магами службы тыла. Это была круговая порука: вышестоящему начальству все было прекрасно известно, но оно закрывало на все глаза, поскольку тоже «подогревалось» от подобных операций.

Я намеренно даю столь пространное и невеселое отступление, чтобы читатель мог представить, на кого мы были похожи

Войска Дяди Васи

в «обновах». Мне еще повезло, а некоторым из нас достались «пэша» еще довоенного образца — со стоячим воротничком! Больше всех не повезло Пине, который озадачил всех каптеров и самого начсклада: сапог 46-го размера в части просто не нашлось! Наконец, боец Пинский был снабжен-таки обувкой и шинелью, из рукавов которой его грабли торчали еще на полметра, а все время, пока продолжались поиски, старослужащие страшили наивных салабонов, рассказывая нам всевозможные байки о суровых десантных буднях.

— Товарищ командир, — обратился к толстомордому ефрейтору, выдававшему тельняшки, кто-то из молодых. — А когда на дембель уходят, то тельняшки домой дают?

— А на ...я? — равнодушно отозвался ефрейтор. — Там же специальная краска: носишь два года тельник, и полоски на теле остаются на всю жизнь!

— Че, серьезно? — изумлялся молодой...

— Через плечо, — лениво огрызнулся ефрейтор.

Вообще армейский юмор — отдельная тема, ее можно развивать бесконечно, недаром вполне справедливой считается приписка «кто в армии служил, тот в ширке не смеется». Удачные шутки и выдумки в солдатской среде передаются из поколения в поколение, перерастая в традиции. Чего стоит только знаменитый ритуал «посвящения в десантники»!

После первых обязательных прыжков с парашютом в ротах, через несколько часов после отбоя, начинается активное движение. В какое-нибудь отдельное подсобное помещение вносится двухъярусная койка, перед ней на пол кладется табуретка ножками вверх. В помещении присутствуют старослужащие и санинструктор. Молодые солдаты вызываются в «ритуальную комнату» по очереди, где им с вполне серьезным видом объясняется, что они должны будут с завязанными глазами, со связанными за спиной руками ситануть вниз головой с верхнего яруса, да так, чтобы попасть темечком аккуратно между ножек табуретки. Молодой, разумеется, в шоке, но его успокаивают: мол, все через это прошли, мол, если ты настоящий десантник, то прыгнуть должен, а если не повезет — тут вот у нас на этот случай санинструктор имеется. И прыгают ведь, черти! Разумеется, им не дают упасть, подхватывают на лету, но заставляют покричать (чтобы за дверью слышно было), потом санинструктор обматывает счастливому десантнику голову бинтами, и молодого выпускают, проинструктировав напоследок, чтобы не дай бог не разболтал секрет!

Да, шутить в ВДВ любят. Бывают разные шутки. Одни — беззлобные, когда, например, после отбоя прибывают твои сапоги к полу, а среди ночи орут над ухом: «подъем, боевая тревога!» И вся рота уже построена и претя оттого, что ты никак не

поймешь спросонка: почему тебя не слушаются сапоги? Бывают шутки просто глупые: насыпают тебе, к примеру, под простыню свежих хлебных крошек, и в первые несколько часов сна ты их не чувствуешь, а затем под действием тепла человеческого тела крошки превращаются в сухари и жалят тебя похлеще клопов. А бывают шутки нравоучительные. Служил с нами один прибалт, из спортсменов-парашютистов, с высоты своих пятисот с гаком прыжков надменно поглядывавший даже на офицеров-инструкторов. На первом прыжке с АН-2 выпускающий прапорщик легонько так придержал этого спортсмена за ранец парашюта в тот момент, когда тот отталкивался. Весь полк потом ржал, когда прапор рассказывал, что даже в салоне самолета было слышно, как спортсмен мордой считает заклепки на борту «кукурузника»...

Впрочем, вернемся... После описанных мной выше злоключений Пини нас отвели в столовую, где Сашке отчасти компенсировали моральный ущерб: его габариты предсказывали по армейским нормативам двойной паек. Забегая вперед скажу, что радость Пини была недолгой: когда мы принимали пищу уже вместе со старослужащими, имевшими право первого доступа к бачку с кашей, двойной паек Пинского превращался в обычный... Спасали Пиню посылки из дома, с завидной регулярностью доставлявшиеся чуть ли не с первых дней нашей службы. Спасали, конечно, относительно — эти посылки доставляли неизменную радость старослужащим, а Пинскому оставалась едва ли половина. При этом дембеля подходили к Сашке, покровительственно хлопали его по плечу и говорили: «Ты своим домой почаще пиши, пусть побольше присылают!» Пинский вздыхал и садился писать очередное душещипательное письмо в стиле «Вышли сала, здравствуй, мама!»

Вообще, первый месяц службы запомнился мне (как и всякому, наверное) по двум невыполнимым желаниям: есть

и спать. Чувство голода и недосып неотвязно преследуют молодого солдата всегда и везде. Я научился дремать даже во время марш-бросков и кроссов уже на второй неделе службы...

После ужина нас строем повели в казарму, то бишь, в расположение роты, в которой нам предстояло служить еще 730 дней. Распределив пополнение по отделениям, ротный отдал распоряжения и убыл. Близился отбой, нам показали наши койки, тумбочки и табуретки, объяснили, как складывать обмундирование.

Подойдя ко мне «дед» сержантскими лычками вдруг неожиданно зло сказал:

— Запомни, дух бестелесный, армия тебе — мать, а дедушка — отец родной! И у тебя теперь одна радость: тебя е...ут, а ты крепчаешь!

— Меня вообще-то никто не е...ал, и не будет, — спокойно ответил я.

Мы стояли, пристально глядя друг другу в глаза, как боксеры перед схваткой, и тогда я понял, что здесь придется ежедневно доказывать свое право на уважение и достоинство. Наша стычка привлекла внимание других старослужащих, сразу нас окруживших.

— Слышь, дух, ты в соплях ходил, когда я уже в стропах висел! — не унимался сержант.

— Да и я в стропах висел, — спокойно продолжал отвечать я (до армии я прыгал с парашютом в ДОСААФ).

— Бл...! Да ты выежистый, дух! Ты у меня кровью харкать будешь! Ты у меня на первом марш-броске сдохнешь!

— Посмотрим...

Меня явно провоцировали, проверяли «на прочность», и таких проверок было еще множество, но об этом чуть позже...

Мне досталась одна с Пиней койка, только его (может, смея ради — ноги-то еще на полметра от спинки торчат) распределили на верхний ярус.

...Наутро я искренне поблагодарил Господа за то, что он создал меня физически крепким парнем. Поскольку после крика дежурного «рота подъем!» на меня, полу-сонного, обрушилось с верхнего яруса тело ничего не соображающего Пинского. Так начался мой второй день в ВДВ. А дальше, наверное, как у всех: мудреная наука подшивания подворотничка, заправления койки, да так, чтобы край одеяла был с «кантиком». Кантик набивался при помощи табуретки, поставленной на одеяло ножками вверх и пряжки ремня. Зацепивший меня сержант, который оказался командиром моего отделения, не замедлил начать выполнять свои обещания. Подшитый подворотничок всякий раз отрывался: то край выступал на миллиметр больше, то стезок шва был неровным. Моя постель после очередной заправки и набивки кантика неизменно летела на пол...

Но важнее, чем подшиваться и заправлять койку, было научиться правильно наматывать портянки: малейшее отклонение

«от стандарта» — и на марш-броске ноги стираются в кровь... Со всех этих премудростей и начинается комплекс, который в армии с некоторым пафосом называется КМБ — курс молодого бойца. Плюс множество дисциплин, которые в него входят: физподготовка, тактическая и строевая, ВДП — воздушно-десантная подготовка, стрельбы, рукопашный бой и так далее. Но в ВДВ важнее другое, и этому самому важному учат тебя с первых дней службы — взаимовыручке. Учут сурово, зато, что это такое, запоминаешь на всю жизнь.

Мне легко было выдерживать ежедневные физические нагрузки, в том числе семикилометровые марш-броски в полной выкладке. А это еще килограммов двадцать дополнительного веса на себе: автомат, рюкзак десантника, саперная лопатка и прочие «прелести». А Пиня, спортом никогда не занимавшийся, на первом марш-броске «сдох» уже через километр. «Кто его дружка?» — только и спросил комвзвода. «Мы!» — сразу отозвались я и Голик. «Тогда тащите его на себе». И мы с Игорем, проклиная все на свете, тащили огромного Пинского со всем его снаряжением, и таскали его до тех пор, пока он не начал справляться с нагрузками сам...

Или другой пример: кто-то один в отделении не успевает уложиться в норматив по команде «отбой». И тогда все отделение вместе с бедолагой будет выполнять эту команду — до одури, до дрожи в мышцах, пока этот один в норматив не уложится.

Не дай Бог тебе получить посылку из дома и не поделиться, слопать ее втихую самому! Тогда все твоё отделение будет от отбоя до подъема ночевать в позе «сушилки». Это когда руками обхватываешь одну пере-кладную койку, а ногами упираешься в другую. И висишь так над кроватью до кровавых крутов в глазах.

Вот так воспитывается солдатская взаимовыручка. Кто-то скажет — жестоко, мол, бесчеловечно. Да, жестоко. Но другого способа сделать прививку этого чувства за столь короткий срок я просто не знаю. И многих ребят эта прививка впоследствии спасала в боевых условиях.

Впрочем, это уже поэзия, а проза заключалась в том, что уже к концу первой недели службы пацаны выли, проклиная «продуваемые всеми ветрами войска», вынашивая планы о том, как бы поскорее отсюда свалить. «Меня заберут в спортроту, меня заберут в спортроту», — бубнил как заклинание Голиков после очередного марш-броска. «Меня комиссуют, я заболею, меня родители заберут», — ныкал Пинский. А я молчал — мне-то деваться некуда было...

...Однажды в роте меня подозвал замкомвзвода:

— Скрипник, я тут твоё личное дело смотрел, ты, оказывается, на гражданке прыгал уже?

— Так точно, прыгал, — отвечал.

А я действительно еще до армии прошел подготовку в школе парашютного

спорта ДОСААФ — были такие организации во всех городах Союза в ту пору.

— И удостоверение есть? — продолжает комвзвода.

— Так точно.

— А на мастера спорта есть удостоверение?

— Так точно.

— А почему значки не носишь? Тебе положено.

И сам мне мелком на груди две точки поставил — чтоб строго по уставу — в том месте, куда я должен был нацепить значки. Замок наш был мужиком хорошим — сам мастер спорта по дзюдо и к «своим» относился по-особому.

Ну, я и нацепил с гордостью маленькую латунную капельку парашютиста-любителя и рядом — мастера спорта. Нацепил и вышел в курилку, где рассуждали (как всегда) о женских достоинствах старики... Увидев духа со значками, они оторопели от такой наглости. Один, который больше всех на меня наскакивал и явно провоцировал на драку, своего добился. После того, как он, описав дугу, рухнул на пол курилки, я понял, что теперь бить будут все. И точно: огреб я тогда по полной... После отбоя я уже вынашивал планы: кого из стариков каким способом я буду убивать. Но на следующий день в мои планы вмешался случай — я так думаю, без вмешательства замкомвзвода тут не обошлось — мне предложили доказать

Первый прыжок в армии я запомнил навсегда. Он оказался совсем не таким, как прыжки на гражданке. Во-первых, сам армейский парашют Д-6 отличается от «гражданских» куполов. Он необычайно надежен, но сложнее в управлении. Во-вторых — сапоги (прыжковых ботинок солдатам не выдавали).

свое право носить значки в спортзале, по-мужски, один на один. Помню, вышел против меня здоровенный детина-белорус. Сделал я из него тогда клоуна, и больше никто из стариков меня не трогал...

Надо сказать, ВДВ я полюбил сразу. Понял: это — мое, это — мужское. И был на хорошем счету у командиров. Уже через месяц после начала службы выполнял обязанности командира отделения в его отсутствие и, к тому же, стал помощником инструктора по ВДП, укладывал купола без проверяющего.

Первый прыжок в армии я запомнил навсегда. Он оказался совсем не таким, как прыжки на гражданке. Во-первых, сам армейский парашют Д-6 отличается от «гражданских» куполов. Он необычайно надежен, но сложнее в управлении. Во-вторых, — сапоги (прыжковых ботинок солдатам не выдавали). Удар в сапогах о землю в момент приземления эквивалентен прыжку с двухметровой высоты. Кстати, сапоги десантника не случайно снабжены скобу шнуровой! — чтобы надежно привязывать их к ногам. Игорь Голиков при первом прыжке этим правилом пренебрег,

и воздушным потоком ему сорвало сапог с одной ноги. Вся площадка приземления ржала, наблюдая, как он бегает по полю в поисках сапога. Ржала площадка в тот день еще, на этот раз над Пиней, который, приземлившись, не сумел «погасить» купол, и ветер еще минут десять таскал это слоноподобное туловище за его парашютом по всей площадке... В общем, каждому из нас первый прыжок запомнился по-своему.

Как-то пошла служба у меня сразу. И командир роты написал рапорт о моем целевом переводе в сержантскую учебку. Целевой перевод — это когда ты заканчиваешь учебное подразделение по подготовке младших командиров и возвращаешься в родную часть уже сержантом-специалистом. Тогда основной состав младших командиров готовил, в основном, прославленный Гайжюнайский учебный центр. Тот самый, где снимали знаменитый фильм «В зоне особого внимания». Кто из мальчишек после него не бредил десантной романтикой?! В общем, ждал я присяги и перевода, а присяга затягивалась. Дело в том, что в ВДВ уже с середины семидесятых стояла острая проблема по укомплектованию частей пополнением, полностью пригодным по здоровью и психике. Вот и у нас ждали, пока заполнятся батальоны, роты и взводы «согласно штатного расписания».

А за пару дней до присяги меня вызвали в штаб, где представили незнакомому офи-

церу в десантной форме. «Ну, думаю, вот и моя сержантская учебка!»

Мы действительно отравились с ним в учебную часть. Но не в литовский Гайжюнай, а под российский городок Солнечногорск, и не в десантную учебку. То была учебная часть спецназа ГРУ, но это уже другая история...

Может, кому-то странным покажутся эти воспоминания о сорока днях моей службы в ВДВ. Но — кто знает — как бы сложилась моя жизнь дальше, если бы тогда, осенью 1977 года, не заметили меня на кишиневском призывном пункте старший лейтенант и прапорщик из Свирской дивизии? Кто знает, отдал бы я армии и ГРУ полжизни, если бы не те сорок дней в ВДВ?

И потому, как всегда, 2 августа, в День Воздушно-десантных войск, я подниму стакан за тех, кто в стропах. Помяну Игоря Голикова, которого уже нет в живых, и мысленно — через океан — чокнусь стаканом с Сашей Пинским, который живет в Америке. И также мысленно — с тысячами настоящих мужчин, служивших Отечеству в голубых беретах. За тех, кто в стропах! Никто, кроме нас, мужики!

Войска Дяди Васи

Владимир Осипенко

Полковник. Участвовал: Афганистан, Югославия
http://artofwar.ru/o/osipenko_w_w/

БАЛДА

Деревня без дурака, как полк без химика. В нашем полку был свой химик, но на дурака он не тянул, зато был свой Балда. Он носил исконно русскую фамилию Иванов и звали его основательно и просто — Василий Васильевич. Но, начиная с крупного начальства и заканчивая последним кочегаром в полку, за глаза все его называли «Балда». Причём я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь это слово произнёс с пренебрежением. С уважением, юмором или даже животным ужасом — сколько угодно, но с пренебрежением — никогда. Завистники намекали на мужское достоинство, бойцы на кулаки, штабные на интеллект, но никто не мог точно сказать почему. Это прозвище ходило за ним по Союзу, не отстало и в Афгане.

Внешность Балда имел колоритную. Рост под метр девяносто. Лицо его не было обезображено интеллектом. Наоборот, носило печать многолетнего увлечения боксом, борьбой и рукопашным боем — сломанный нос, характерные уши и волевой подбородок. Плюс пара-тройка шрамов, полученных явно не в ринге. Только глаза из-под многократно разбитых бровей смотрели пытливо и внимательно. Лицо без признаков растительности, загорело-бронзовый череп и мощная шея, плавно перетекающая в покатые плечи и перевитый узлами мышц торс — ни намёка на жир. Руки заканчивались кувалдами, которые смешно сравнивать с головой пионера. Они скорее были похожи на стандартные гири. Те, кто имел счастье почувствовать их прикосновение, утверждали, что попадали под паровой молот и лучше бы их ударили той самой гирей. Засада заключалась в том, что Балда никогда не повышал голоса. Говорил ровно, совершенно по-детски грассируя некоторые звуки, с бойцами даже ласково, но... только один раз. Потом он подошёл к человеку и одним движением убеждал, что этого дядю нужно было слушать внимательно, выполнять просьбы беспрекословно ещё вчера и молчать в тряпочку, даже если ты очень здоровый или важный перец. Большим счастьем

было для причащённого, если обходилось без перелома. Правда, такое случалось не часто, за что неоднократно Василь Васильич был бит по командирской, партийной и всем остальным воспитательным линиям. Взысканий имел, как дворовая собака блох, но ни у одного начальника даже мысли в голове не было, что его можно уволить, потому как это был начальник физической подготовки полка, с большой буквы Ф. Он был фанатиком спорта, считал, что с его помощью можно решить любые проблемы и искренне недоумевал, если кто-то думал не так. Всеми силами и средствами стремился насадить культ спорта в полку. А силы и упорства у главного мускула полка было в избытке. Балду ценили, уважали, боялись и старались по пустякам не противоречить.

Отчаянно смелый поступок однажды на полковом собрании совершил полковой комсомолец капитан Козыро, высказавшись в духе, что вот бывают у нас ещё в полку не совсем хорошие факты, когда майор Иванов разлаёт на зарядке тумачи комсомольцам. Тоже мне секрет раскрыл! Слёзнутый начальником политотдела с места Балда, весь из себя виноватый, обратился к присутствующим с короткой просьбой:

— Всё дело в том, что на физической заглядке все солдаты бегают в т'гусах и мне т'гудно разобрат, кто из них комсомолец, а кто нет. Пусть това'гиш Козы'о поп'тосит прик'гугить всем членам ВЛКСМ значки на т'гусы, и я обещаю больше его комсомольцев не т'гугать...

Всё это было сказано с такой детской непосредственностью, что зал грохнул. Даже высокое партийное начальство. Ну, Балда и есть балда, что с него взять? Всё, что каса-

Самый непобедимый человек — это тот, кому не страшно быть глупым.
Василий Ключевский

лось физо и спорта, в его полку было на самом высоком уровне. А физическая зарядка — вообще песня. Бойцы искренне считали: зарядка закончилась — день прошёл! Что делают 99% начальников физической подготовки во время утренней физической зарядки? В лучшем случае — контролируют, может, раз, а карьеристы, возможно, два раза в неделю, пишут рапорт командиру, что та рота не вовремя вышла, а другая не в полном составе и, с чувством выполненного долга идут отдыхать. Наш Балда ПРОВОДИЛ физическую зарядку со ВСЕМ полком ВСЕГДА, то есть шесть раз в неделю. При этом, так называемые, ответственные офицеры, приходящие на подъём своих подразделений, ему были не нужны. Этот час был его и только его. Он дирижировал полком, как большим оркестром, и горе было тому, кто допускал фальшивую ноту. Если он замечал, что в той или иной роте недостаточно людей в строю, заставлял бегать до тех пор, пока численный состав не восстанавливался, пусть даже за счёт суточного наряда. Мог неожиданно забежать в казарму. Крик дневального «Балда!» для задержавшихся означал одно — прыгайте в окна, пока не поздно. И прыгали, не различая этажей. Потому как он рапортов не строчил, за него их потом писал начмед, по поводу очередного перелома челюсти или ребра

Балда

у зазевавшегося любителя посачковать на зарядке. При этом сроки службы, звания, должности и былые заслуги в расчёт не брались. Даже родственные связи не каптили. Прибыв из Афгана в отпуск, он обнаружил незваного гостя в доме и избыточный вес у жены. В результате весь городок был свидетелем, как гость вылетел через окно, а Балда, стоя на балконе с секундомером, контролировал, как любимая нарезала круги вокруг дома. Это после годовой разлуки. Что же тогда нерадивому солдату обижаться?

Впервые я встретил гвардии майора Иванова в крепости Бала Хисар в Кабуле, где размещался 357-й гвардейский парашютно-десантный полк. Уладил свои вопросы в штабе, и, дожидаясь пока старшины получат со склада продовольствие, я решил, наконец, впервые пройти к достопримечательности полка — бассейну. В летнее афганское пекло это творение рук английских колонизаторов, выложенное мрамором, со львами, с исключительно чистой и холодной проточной водой, тонущее в буйной зелени, манило и притягивало всех, но право посещения для офицеров и служащих полка было строго регламентировано. За порядком следил Балда.

— Вы куда, това'гиш капитан,— услышал я ласковый голос, исходивший от загорелого лысого мужчины в одних плавках.

— В бассейн, — не найдя ничего более оригинального, самоуверенно ответил я.

— Постойте, а вы кто такой? — голос звучал по-прежнему мягко и ровно.

При этом мужчина, видя моё движение вперёд, как-то эластично поднялся и по-кошачьи мягко двинулся мне навстречу. Он — на полголовы выше меня — приближался красиво, легко и излучал какую-то звериную мощь. Ничего доброго не сулил и взгляд, который профессионально оценил меня, и, как бы ненароком, упёрся в подбородок.

— Я начальник штаба 3-го батальона,— сказал я, как оказалось, очень вовремя.

— Из Дехсабза? — в глазах незнакомца мелькнула искорка интереса.

— Да.

— Тогда, това'гиш капитан, снимите свои говнодавы, сполосните ноги и п'гоходите в душ. Вашему батальону можно п'тиходить в бассейн в любое в'гемя.

— Да я так, только посмотреть, у меня даже плавков нет.

— Плавки — не самое главное. После душа можно и так. Баб нет и до 14.00 не будет.

Через 10 минут я нежился и блаженствовал в прохладной и удивительно чистой воде.

— Откуда п'тибыли? — спросил амбал, внимательно наблюдая за мной.

— Из Алитуса, 7-ая...

— Чем занимались?

— ????

— Я в смысле, спо'тгом каким увлекались?

— Да, так, всем понемногу.

— Ясно. Бассейн перен'гнёт?

— Можно попробовать...

Через три минуты, хватая воздух ртом, я гордился собой невероятно, что дотерпел и вынырнул только, когда упёрся в противоположную стенку. Свои скоростные возможности на воде я оценивал трезво, плавал не намного лучше топора без топорика, но нырять, вроде, умел. Каково же было моё разочарование, когда нехотя отвалившись от стенки, мой новый знакомый перенырнул бассейн два с половиной раза!!! Однако, подплыв ко мне, он совсем по-дружески, спросил: — Зовут, как? Меня Василий Васильевич...

— Владимир.

Поговорили о спорте. Я ответил на несколько конкретных вопросов по нормативам. Заикнулся об участии в соревнованиях на первенство ВДВ. Нашли общих знакомых. Не знаю, почему, но с тех пор майор Иванов стал относиться ко мне очень по-товарищески. А когда однажды столкнулись на заставе, вообще стал приводить в пример.

До этого, правда, его сняли со смотрящего за бассейном. Пока он гонял и, шутя, топил своих полковых офицеров и прапорщиков за то, что те после очередного возлиания пытались без спросу охладиться в бассейне, командир полка терпел и закрывал глаза. Тем более, что никто так элегантно не умел отпивать многочисленное кабульское начальство, которое стекалось в полк, как мухи на свежее... Ну, вы знаете на что.

Обеденный перерыв, вокруг бассейна полно офицеров, которые лежат там в предвкушении очередного представления. Действующие лица не заставили себя долго ждать. Перед бассейном останавливается «Волга», из неё появляются полковник и три женщины. Все в радостном предвкушении поднимаются по ступенькам в бассейн. Балда вырастает на их пути:

— Вы куда?

— Я прокурор гарнизона, а эти со мной, — небрежно бросил полковник в сторону девиц.

— Вы, това'гиш полковник, проходите в душ, а вы, девушки, п'гедьявите справки.

— Какие справки?

— Медицинские. Вы должны понимать, что здесь отдыхают боевые офицеры, а вд'туг у вас какие заразные болезни?

— Вы что? Какие болезни?

— Вене'гические, например, сифилис или гонорея, да мало ли чего у вас там в п'токугатуре может быть... А у нас полк боевой, в любой момент могут поднять по т'гевое...

Офицеры давятся от хохота и как тюлени сползают в бассейн. Женщины пунцовые, прокурорский, наоборот, бледный от бешенства, но молчит, наслышан, видно, о характере Балды. Дружно в машину прыг и упылили.

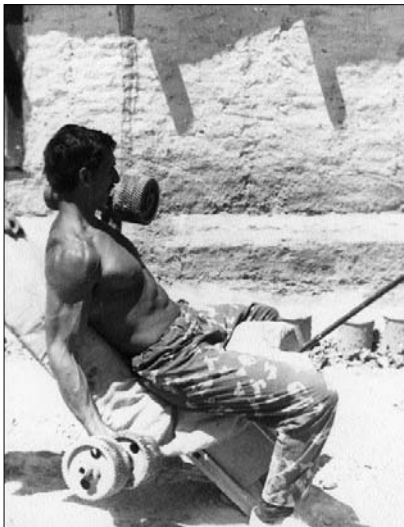
Но однажды туда с подругой припёрся советник одного из первых лиц государства, не знавший характера ответственного за чистоту бассейна. Очень важный в Москве, в Кабуле он вообще считал себя вторым после «Коли Бабракова». На вежливое замечание Василь Васильича очень опрометчиво не отреагировал, а стал зачем-то на повышенных тонах рассказывать, кто он такой и кого из начальства он знает в штабе Армии. Попытка пройти к бассейну в обуви была пресечена самым радикальным и привычным для Балды способом, закончилась госпитализацией и грандиозным скандалом. Это вам не петух пионера в попу клюнул, тут была высокая политика, и Васильича отправили инспектировать батальоны, находящиеся в отрыве от полка. В том числе и наш.

Я застал его в кругу бойцов на одной из застав, где он ласково, голосом воспитателя детского сада, рассказывал солдатам устройство двухпудовой гири.

— Вот это г'учка, — говорил он, — за неё г'ию можно поднимать. А можно вот так аккуратно на г'учку поставить. А потом можно вот так взять за г'учку сбоку и пе'гекреститься, держа попкой кверху.

При этом он брал 32-килограммовую гирю за ручку сбоку и, не торопясь, подносил её ко лбу, к животу, к каждому плечу. Одной рукой! Со стороны это выглядело вполне безобидно. Но повторить движение не все бойцы сумели да-

Войска Дяди Васи

же двумя руками. Меня поразила не столько сила Балды, а его умение говорить, заинтересовать, увлечь... Бойцы сидели просто с открытыми ртами. Я сам невольно заслушался и подошёл ближе, на что Василь Васильич отреагировал моментально:

— Вы не можете, а вот ваш начальник штаба сейчас покажет.

Я попытался откосить, поскольку речь уже шла о перекладине, и я не то, что не делал показанное Балдой упражнение, а просто ничего подобного не видел. По взгляду бойцов понял, что риску потерял нечто большее, чем просто свой авторитет. На кону был авторитет батальона. Мысленно матеря на чём свет стоит Балду, я запрыгнул на перекладину тем самым способом, который продемонстрировал нафиз. Среди бойцов прошёл ропот одобрения.

— А вот таким хватом сможете?

Балда тут же продемонстрировал другое упражнение на брусках. Я снова повторил и, не дожидаясь очередной проверки на вшивость, сослался на дела и смелся.

— Вот видите, я вам гово'гил, что ваш начальник штаба... — услышал я в спину ровный голос Балды. — Теперь давайте вы по одному, посмот'гим, что вы можете.

Через час бойцы были не просто мокрые и выдрюченные. Они в паузах между висом на перекладине и отжиманиями в упоре узнали очень много о физиологии человека, о назначении, свойствах и особенностях тех или иных мышц, не говоря уже об устройстве гири, перекладины или бруска. Я же перед ужасным удостоился длительной беседы с Ва-

силием Васильевичем и поразила его уму, кругозору и образованности. Меня поразило, насколько легенды о нём не в полной мере соответствуют его многообразной натуре и его качествам. Например — его спокойствие и непроницаемая логика.

Одна из полковых легенд гласит. Балду поставили оперативным дежурным по полку. Просто дежурным был мой друг Сергей Капустин, поэтому историю знаю почти из первых рук. Поскольку майор Иванов не очень придерживался графика проверок, то вскоре лично им был зафиксирован спящий часовой. Через час часовой был уже зафиксирован в гипсе, так как замечание, вынесенное оперативным дежурным, оказалось слишком тяжёлым для его здоровья. Это все остальные понимают, что часовой есть лицо неприкосновенное, а Балда считал, что часовой — прежде всего — есть лицо бдительное. А если оно не бдительное, то заслуживает прикосновения. Кто скажет, что не логично?

К несчастью, это было не последнее происшествие за ту злополучную ночь. В 4.03 утра поступил доклад из 2-го батальона, дислоцированного в Бамиане, что при построении в роте, вернувшейся с засады, произошёл случайный выстрел из автоматического гранатомёта АГС-17. Граната прошла солдата навзлет, смерть моментальная. Глупая, нелепая, обидная, но уже ничего не исправишь, бойцу не поможешь. Ещё повезло остальным, что граната не разорвалась. Оперативный дежурный, гвардии майор Иванов доложил командиру полка только утром, когда он вышел из своего помешения. Естественно: «В полку происшествий не случилось, за исключением...» А далее подробно про бойца 2-го батальона и, заодно, про караул. Ровным спокойным голосом. Командир полка — Салдобай Васильевич Етабаев — начал наливатьс кровью:

— Чтооооо!? Вы пачччему, товарищ майор, мне сррразу(!) не доложили?

— Това'гиш подполковник, ну, что вы так нервничаете, вон весь пок'гаснели. Так вы никогда пе'гвым бурятским генералом не станете. Чем вы могли помочь этим солдатам? Только бы ночь не спали. А вам сейчас тяжёлый день п'гедстоит, перед комдивом оправдываться, — начал излагать логику своих умозаключений дежурный.

— Чтооооо??? Да я тебе, Бааа..., как бабахнул бы сейчас!!! — даже командир полка в очень сильном гневе не мог назвать Балду балдой.

— А вы, това'гиш подполковник, поп'гобуйте, — многообещающе сказал Василий и стал сокращать положенные

при докладе три-четыре шага до дистанции вытянутой руки.

Утро перестало быть томным, и Серёге грозило счастье стать свидетелем сцены, за которую потом пришлось бы долго и нудно отписываться. Однако КэП проявил десантную смекалку и скорость хорошего спринтера. Дверь в кабинет захлопнулась за ним прямо перед носом оперативного дежурного. Балда так и замер перед табличкой «п/п-к Етабаев С.В.». Он, в силу «тактичности и воспитания», в кабинет командира без вызова не заходил. Только, повернувшись к Капустину, торжествуя изрёк:

— Как я его!?

Через полчаса командир вызвал к себе оперативного дежурного и спокойно уточнил нюансы происшествий. Легенда гласит, что часовой даже без высказаний. А за что наказывать? Погиб боец по собственной вине, причем здесь оперативный? Спать же на посту в крепости, где полвека назад афганцы вырезали английский гарнизон, нехорошо, если не сказать преступно. Солдатам об этом на каждом разводе не только рассказывают, но ещё и под роспись доводят. И что? Спят через раз. Зато когда узнают, что дежурным заступает или будет проверять караул Балда, сон у часовых, как рукой снимает. Этот на полимарсос давить не будет, он его будет вбивать! Запоминалось надолго, действовало безотказно. Бдительность на постах просто зашкаливала. А что ещё надо?

Может возникнуть банальная мысль, мол, сила есть ума не надо. Я не соглашусь в данном конкретном случае — и вот почему. Иванов с блеском решал гораздо более сложные задачи. Мог не только своих офицеров и бойцов построить, но и добиться уважения у противника. Здесь одних кулаков мало.

Была на нашей дивизии ещё задача — это проводка колонн с материально-техническим обеспечением для себя и кабульского гарнизона. Дороги, как специально, идеально приспособлены для засад и налётов. Сотня-полторы автомобилей, треть из которых — бензовозы. Горят, как бенгальские огни, только загораются легче. Жирный и лакомый кусок для духов —

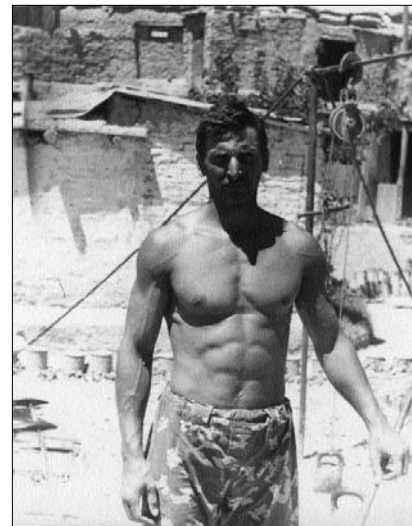
максимальный эффект при минимуме риска и затрат для нападающей стороны. Заместители командиров батальонов, которые вели колонны, возвращались осипшие, поседевшие, похудевшие, с изрядно расшатанными нервами. Требовали отдыха, наград и уважения. Потери колонны в 10-15% считались нормальными. Некоторые пехотные колонны не досчитывались при возвращении в своём составе до 50%! Вдоль маршрутов — сплошное кладбище из искорёженных и сгоревших машин. Эдакая растянутая вдоль дороги Прохоровка. Если бы кто-то вздумал ставить кресты, как у нас отмечают места аварий с жертвами у дорог, то на некоторых участках был бы сплошной частокол и не в один ряд.

Так вот, по причине болезни или ранения одного из замкомбатов отправили во главе колонны гвардии майора Иванова. Видно, очень уж безвыходное положение сложилось. Некоторые ехидно хихикали — в основном те, кто знал Балду только по легендам... Кто с тревогой, кто с интересом, ждали возвращения колонны. Результат шокировал — он не потерял ни одного бойца, ни одного автомобиля, ни одного килограмма груза! Следующая колонна — опять без потерь!

Рассказывал мне при встрече, какая это тошная работа, как ему надоело трястись в кабине, ни пробежаться, ни размяться, скука зелёная, а на следующей неделе опять ему с колонной на Хайратон. В общем, тоска!!! Ничего героического или, на худой конец, необычайного. Ну, построил бойцов, проинструктировал, по дороге сам тормознул, пропустил колонну мимо себя, проверил дисциплину марша. На привале двоих за невыполнение инструкции, не различая должностей и званий, размазал об радиатор. Не сильно, чтобы избежать госпитализации, но доходчиво. Больше никто ничего не нарушил. Бойцы понятливые попались, хотя и были собраны из разных частей. А духи? Что духи, стоят, машут руками, бакшиш просят. Мы их не оби-

жали — они нас. Сигареты, пачку-другую галет бачатам давали, а чтобы из кузова чего, не дай Бог!!! Пообещал голову оторвать, никто и не рискнул. И в кишлаках тихо-мирно — ни наши, ни духи ни в кого не стреляют. В общем, тоска. ...Я вспомнил, как неделю назад на одной из застав, стоящих на трассе со стороны Гардеза, встретил колонну. Проверяя боеспособность заставы, рассматривал таблицы огня у миномётчиков, когда часовой благим матом заорал: «Застава!!! Тревога!!! В укрытия!!!» Я ничего не понял и посмотрел на проходящую в 20 метрах от заставы дорогу. По ней на огромной скорости пронеслась пара БТРов. Потом со всё нарастающим интервалом пошёл грузовых всё и наливники. Все мои бойцы метнулись по щелям, а мимо заставы стали проноситься наши «Уралы» и «Камазы». Из-за приспущенных правых стёкол поверх выброшенных бронежилетов торчали стволы автоматов, и одетые в бронежилеты на голое тело водили, одной рукой держась за руль, другой поливали из автоматов всё, что шевелилось вдоль дороги и особенно «зелёнку». У нас на заставе даже собаки позабывались в окопы. Я еле успел заскочить в глинобитный дом, служивший и казармой, и штабом, и командно-наблюдательным пунктом.

— Во, суки! Мы же за 100 метров закопали шит, где по-русски написано: «Товарищ водитель! Впереди советская застава. Прекратить огни!!!» Ни хера не доходит! — делился со мной начальник заставы, благоразумно прижавшись спи-

ной к глухой стенке, закрывавшей нас от дороги.

— И часто так? — спросил я, когда смолкла очередь.

— Да постоянно, как мобута идёт. Мне самому хочется в ответ стволы прогреть, аж зубы сводит. Понятно, почему их колонны духи уполовинивают...

— А наши, что, не так?

— Не, наши здесь редко ходят. А если прут, то плотно, о проходе через зону ответственности предупреждают заранее, а оружие на коленях или рядом на седушке. Чтобы палить почём зря — нет. Свои же командиры потом голову откусят. Вон, Иванов-Балда недавно прошёл, так вообще как на параде. Любо-дорого! А тут анархия. Каждый за себя, машина от машины растягиваются на километры. «Папоротники» в кишлаках торгуют напропалую, потом сами же машины жгут, чтобы концы в воду.

— Ты-то откуда знаешь?

— Отстал тут один бойчина, ремонтировался у нас. Порассказал...

Да уж, колонна — это не фунт изюму. Там могут убить, сжечь и продать, а лишить погон и подвести под трибунал, вообще, как два пальца об асфальт. Халыва не проскочит и везение не причём. Здесь думать и крутиться надо, как блохе на кончике шила, чтобы управлять в горах колонной, растянутой на десятки километров. Это, если хотите, искусство. А у Балды — всё обыденно и просто! Слушал я рассказ Василь Васильича и внимал, каким невероятно скучным и рутинным делом он занимался последнее время, воля колонны. И только по глазам видел, что всё он понимал и оценивал правильно, но проверял, как отреагирую.

Послужив ещё немного, узнал, что на каждом маршруте духи знали подноготную почти каждого начальника колонны. Кто чем торгует, как ведёт себя на трассе, как действует в случае нападения, как взаимодействует с ближайшими гарнизонами и авиацией. Подлости и обмана не прощали. За раздолбайство и неумелое руководство наказывали жестоко. И гвардии майора Иванова знали и уважали. И неважно, что он учился не тактике, а преподаванию физической культуры. Важно, как он руководил. В прямом и переносном смысле. Уже вторую его колонну бачата на маршруте встречали криком: «Как деля? Бальда — хуп командор! Бальда — это пи...дец!!!»

Я не видел ни одного смелого, кто бы Балде, сказал, что он балда. Но вместе с тем, уверен, что он знал свою кликуху. Не комплексовал, а, наоборот, посмеивался про себя. Поп тоже сказочного Балду балдой считал, ну и кто из них оказался умным? Вот то-то и оно!

Войска Дяди Васи

Владимир Тарасов

Участовал: Афганистан

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО СОЛДАТА

Отрывок из книги

«Первая засада»

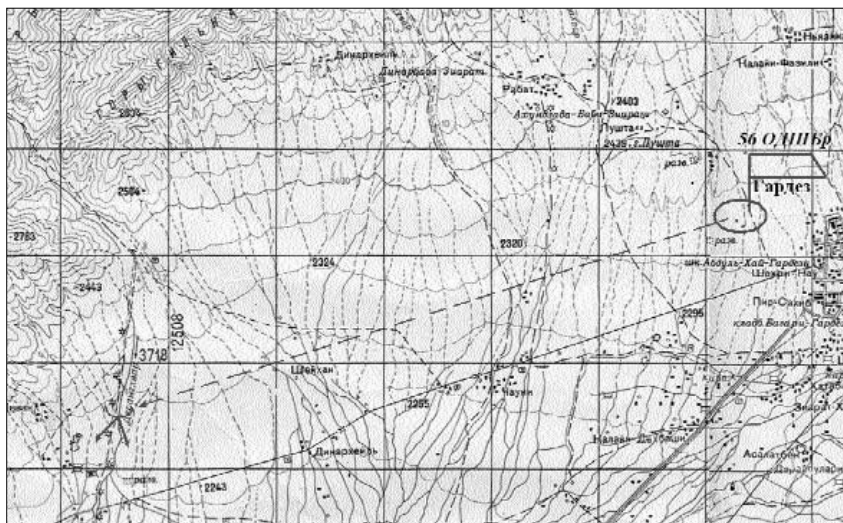
По возвращении с бригадной операции под Кабулом заглянул в план разведки на месяц, и стало ясно, что дело тёмное с результативностью, которую надо повышать. Это потом, спустя годик, услышав песенку о находчивых, красивых, дураках и прочих («...дурак навоюется...»), стало понятно, как планируются и, главное, как проводятся подобные мероприятия. Но тогда для меня всё выглядело интереснее, чем в книге «Боевой устав»... Намеченные мероприятия по подготовке были выполнены в необходимом, привычном и отстроенном задолго до меня ритме и объёме. Единственная промашка моя, по которой я не вписался в схему: перед строем отдал боевой приказ на засаду — а такого никто и никогда раньше не делал. Ли-ха беда начало... Выходили пешим порядком на запад в полночь. Головной дозор возглавил Глеб Юрченко, «старый и мудрый воин», выпускник киевского училища уже имевший боевую награду и хороший опыт.

Ночь выдалась облачная, небо было затянуто сплошной пеленой, звёзд не видно, очертания гор угадывались с трудом...

Выдвигаемся достаточно бодро и по расчётам вот-вот должны прибыть на намеченное место, к старым разрушенным мельницам у входа в ущелье речушки Дерангхвар.

Со старшиной роты, Володи Куренчаниным, у мельниц Дерангхвара.

Небо на востоке стало светлеть, горы проявляются лучше, как фотка в ванночке с проявителем. Мельниц не видно. Рассветает ещё больше, скоро солнце. Подзываю Глеба, накрываемся плащ-палаткой, свечу мини-фонариком в карту: «Где мы?» Ответ гласит, что, мол, примерно тут, но хрен его знает, кажется, блуданули... Веселее. Подаю команду, чтобы заняли круговую оборону, обложились камнями, а там разберёмся. Рассветает. Наблюдаем мельницы метрах в трёхстах от нас и выше, ближе к горам. Над ближайшей струится лёгкий дымок, видимо, внутри кто-то ночевал. Минут

через пять из неё выходят два человека и двигаются в сторону ущелья, видно, что вооружены. Все молчат, ясно почему... Принимаю решение. На голову наматываю два офицерских шарфа в виде чалмы, на себя быстренько накидываю обыкновенное солдатское одеяло, заряжаю ПМБ, пара Ф-1 на поясе, нож НР в левую руку... «Прикрывайте! Если что, тело не оставляйте духам...» Двигаюсь к мельнице, слышу, как за спиной меня «ласкают» бойцы добрым матерным напутствием. Шагов через сто соглашаюсь с ними, но не

возвращаться же, тем более что уже замечен духами, если они до сих пор там...

Приблизившись к дверям, мысленно перекрестился и ударом ноги открываю двери (руки ведь заняты), врываюсь внутрь...

Пусто! Никого нет, только курится пепелище небольшого костерка. Подаю сигнал на выдвижение всей группы. Минут через пять все собрались. Размышляем, что делать дальше, ведь, скорее всего, мы засветились, коль сели засветло, а не в темноте. Осмотрели и заняли другие мельницы, что были выше.

В крайнем случае, оборону держать можно. Посидим, подождем, может, что и выйдет из этой затеи... Часа через два докладывают наблюдатели, что видят двух «духов» поднимающихся из ближайшего кишлака по тропе в нашу сторону. Я нахожусь в мельнице ближайшей к ним. Перезарядил магазин на АКМСе, снаряженный патронами УС, навинтил ПБС, установил прицельную планку...

В голове промелькнула мысль: а каким прицелом и куда целиться?

В теле появилась дрожь. Адреналин бил в голову и руки отбойным молотком... Двести метров... Готовитесь узаконенное убийство, сто метров — ещё рановато...

Подходят ближе, о чём-то спокойно разговаривают...

Вдох, задержка, целюсь, плавный спуск... Выстрел! Отчётливо слышу затворную раму... Красивый и смачный металлический звук.

Тот, в которого не стрелял, поворачивается и удивленно смотрит на медленно оседающего на землю попутчика... Выстрел! Он тоже падает рядом, и ничто не говорит о том, что он когда-нибудь встанет. По команде два бойца (Чепик и кто-то с ним)

ползком выдвигаются к духам и волоком на себе доставляют убитых. Китайский АК, Бур и мина (итальянка) лежат перед моими глазами, а я размышляю о бренности человеческой жизни. Так всё просто устроено — были люди, шли куда-то, нарвались на неприятности в нашем лице и уже не дойдут никуда... «Наверное, пора сваливать, результат есть, или подождем немного, ведь в бригаде механики только завтракают...»

«Наблюдаем ещё двух человек!», — докладывают часа через три... Метрах в двухстах от нас в сторону гор выдвигаются люди, похоже, что они в форме, а не в национальной одежде. Разрешаю открыть огонь отделению, находящемуся рядом со мной...

Загрохотало. Вижу, как вокруг двух бегущих человек рикошетируют пули, поднимая пыль и брызги камней, а люди продолжают бежать и почему-то в нашу сторону.

Народ перезарядил автоматы вторыми магазинами, продолжает стрелять, но уже без прежнего энтузиазма.

Когда «черти» подбежали метров на сто, подаю группе команду на прекращение огня. К нам подходят два сарбоза (солдата), они без оружия, но главное, удивительно, — они даже не ранены.

Ни одна пуля не попала в них ни из одного ствола! Я обалдело смотрю на эту картину и понимаю в чём тут дело. Все заняты боевой работой, подвигами во благо апрельской революции и прочими делами, но никто не смог мне ответить — когда последний раз оружие в роте приводилось к нормальному бою, не говоря уже о вооружении БМДешек...

Духи оказались дезертирами из Гардеского корпуса. По возвращении в ППД их сдали в ХАД (орган гос. безо-

пасности), а что было с ними дальше — не знаю, наверное, продолжили защищать «идеалы апрельской революции», отсидев на губе.

Весь следующий день был посвящен нашему любимому ротному вооружению на стрельбище. Это было сделано хорошо и как всегда кстати...

«Заговорённый»

Бригада вышла на очередную войну, в «зелёнку», в направлении на Газни. Хотя, какая уж там в декабре зелёнка, это не в Бараках... Утро 9 декабря. Лёгкий морозец...

Всё как обычно и даже скучновато. Много войск, много шума и суеты, мало толку... На моей БМДешке приютился начальник связи, майор Костарев Александр Николаевич, замечательный мужик, любил с разведчиками «погулять связистом», с нами веселее, чем при штабе...

Мы двигаемся вторыми, перед нами танк с сапёрами. Подходим к Некнамкале. По радио слышу команду: «Стой!» Останавливаемся на колее, метрах в пятидесяти за танком с сапёрами.

К нам бежит офицер-танкист, ругается по-русски, не добегаем метров десять и показывает нам, «счастливчикам», что-

Воспоминания старого солдата

бы посмотрели вниз, под себя... Свешиваюсь в указанную сторону и вижу... Прямо подо мной гусеница машины стоит на «прищепке» (замыкатель), от неё отходят провода к кювету... По спине побежали мурашки, и под шлемофоном что-то зашевелилось. Мне, кажется, фугас не взорвался потому, что танк гусеницей порвал провод, иначе нас собирали бы по частям.

Ветераны насмотрелись на результаты работы мин и фугасов на афганских дорогах. Весёлого мало и тем, кто их ищет, и тем, кто поймал их гусеницей или колесом.

«Баракинцы» помнят подрыв БТРД и гибель Володи Остякова 17 мая 1983 года возле Мухамед-Ага...

Колонна остановилась, спешили, укрылись, бледный механик отвёл машину, сапёры наложили заряд — бах! Всё здорово, двинулись дальше со скоростью пешего сапёра. Вокруг стандартный пейзаж: необработанные квадратики полей, разрушенные войной стены и дома, не видно местного населения, а это уже плохой разведпризнак. Возможно, что-то будет... Остановка. Бригада располагается лагерем.

У Николаича рождается предложение: а не сходить ли нам в Некнамкалу и Матварх, посмотреть, что там, да как?

Пошли так пошли! Одна БМД и группа человек семь, включая связистов. Развалины, но и жилые дома есть. Бродим-ходим и видим, как местные начинают погрузку своего скарба в кузов трактора. Выходим... Здравсье! Не ждали?! Они удивленно уставились на нас — вот уж действительно не ждали. Но мы, шурави, «гриб-деханей» не обижаем, мы хорошие и благородные. Даже угощаем грязную паянцу сахаром из пайка.

Что делать?!... Ну, пойдём дальше... Костарев: «Вова! Я знаю, тут рядом афганская колонна сгоревшая есть! В том году сюда они ходили и духи им вломили по самые помидоры, пойдём, покажу...!» И мы пошли... Машину поставил у моста, среди невысоких деревьев, приказал наблюдать и, если что, прикрыть. Переходим мостик, за ним справа большой дом, заходим, шаримся — никого нет, ни людей, ни животных, все свалили сегодня с утра, печи

Войска Дяди Васи

тёплые, ворота открыты, открыта и тыльная дверь. Время, проведённое в этом жилище, позже сыграло важную роль.

Прошли по дороге метров двести-триста... Вот она! Колонна останков сгоревшей техники. Первым шёл танк, Т-55. Ему первому и досталось из РПГ, а добить остальных — дело времени и мастерства... Помню, как я даже взял веточку и попробовал её просунуть в отверстие от кумулятивной струи. Минут через пять стало скучно и неинтересно, как на кладбище, а вокруг ни души... Пора возвращаться...

Выходим на дорогу, собираемся идти к мосту, и тут Николаичу становится интересно: а «кто в том домике живёт!»?

Он показывает назад и влево. Ну, что же, пойдём и там посмотрим... Зашли во двор, одни женщины и грязная детвора, мужиков нет — все уехали в Кабул (они всегда так врут). Одно слово — гарибдекхане — все они тут мирные и никогда про моджахедов, ИПА, НИСА, ДИРА и прочие ИФОА не слышали.

Муторно, грязно, холодно и скучно...

«Товарищ майор, с БМДешки запрашивают товарища старшего лейтенанта!» Подхожу к связисту, беру гарнитуру, запрашиваю... Ответ: «Вы чё за маскарад устроили!? Это вы или духи идут по дороге в нашу сторону!?» Вижу, как у Костарева широко открываются глаза. Себя не вижу, но думаю, что с меня тоже можно было бы ухотаться. Мы выбегаем за ворота и сразу падаем за низенькую глинобитную стеночку. По дороге, спиной к нам двигаются духи, как на прогулке. Спокойно и с оружием. До них метров двести. По радио сообщаем на БМД, что это духи, быть в готовности, но духи-то, находясь между машиной и нами. Они не знают, что мы у них в тылу...

«Что будем делать?» — спрашиваю у Костарева. «Да хрен ли тут думать...» Он вскакивает и бежит к дороге. Я наблюдаю, как духи засекли машину за мостом и резко двинулись влево, скрываясь за жилище, в котором мы уже побывали ранее, в самом начале. Пришла и моя оче-

редь. Вскрываю и бегу со всей мочи по полю в левую сторону от дома, из-за угла вот-вот покажутся «ребятишки». Глина налипает на башмаки, но я так быстро в 35-ой бригаде стометровку не бегал... Я уже на ближнем углу и тут вижу, как прямо передо мной, обернув голову в сторону машины, крадучись, выходят моджа-

хеды. Автоматчик, пулемётчик, автоматчик, а вот и с гранатомётом... Я бью по тормозам и, вскинув автомат, открываю огонь от пояса... Раздаются одиночные выстрелы моего АКСа. Он стоит на одиночном темпе. Вижу, как пули бьют в грунт, пытаюсь скорректировать огонь, а духи испуганно и обалдело поворачиваются в мою сторону, недоумевая, откуда взялся этот идиот с автоматом, и бросаются обратно, за спасительный угол дувала. Но ведь мы его уже изучили... Я быстро отскакиваю к тыльной двери и вижу в проёме, напротив меня, пробегают душары. Вскидываю автомат и начинаю стрелять просто в проём с интервалом примерно в секунду, а там появляются и исчезают духи, пробегая в проёме дверей по линии огня. Пауза. Никого не видно и не слышно. Крадучись подхожу к проёму и вижу — лежат два тела, одно неподвижно, второе пытается шевелиться. Поднимаю автомат и, целясь, добиваю его парой выстрелов.

Боковым зрением вижу, как из арыка, метрах в пятнадцати чуть левее меня,

С Костаревым А.Н. спускаемся с Банозаи.

встаёт душара и начинает стрелять в меня одиночными.

Поворачиваю ствол — щёлк! Выстрела нет. Патроны кончились! Магазин пуст. Как я вылетел из проёма, как стартонул и с прыжка влетел в стойло для ишаков, как перезарядил автомат и достал эфку, можно только в боевиках снимать. Высовываюсь, никого не видно только слышу — вокруг стрельба. Сам себе говорю вслух про Магомета и гору..., осторожно вылезая и крадучись иду обратно. Подхожу к дверному проёму, сразу не высываюсь. Бросаю гранату через забор, вскакиваю сразу после взрыва. Над телами стоит дух и медленно оседает и падает назад, его побил осколками. Облегчил очередью его страдания, а из-под моста, по которому движется БМД, выскакивает ещё один бес и бежит по руслу реки прочь от нас. Фраза вслух: «Да куда же ты денешься от АКСа...»

Собираю оружие, боеприпасы, документы, я весь в крови, но не в своей, не знаю, где и когда извалялся. Из дверей вылетает Николаич. Он похож на Змея-Горыныча — глаза бешеные, ноздри пузырями: «...Мы думали, что тебя отбивать уже надо, а ты навалил их тут...»

После того, как отработала БМД и пара вертушек (24-ки, красиво и страшно), всё успокоилось, мы проверились, сосчитались. Оказалось, что у меня прострелена ствольная коробка, рукав и портупец. Через часик, когда мы заминировали убитых врагов, оставив для тех, кто придёт сюда после нас, «сюрпризы» (которые, кстати говоря, сработали следующим утром), мы вернулись в лагерь.

Везучий! Это уж точно, но для одного дня многовато приключений. В голову тогда пришла мысль, коль сегодня не подорвался, не убили, то уже не погибну в Афгане никогда! То 9 декабря смело можно считать моим вторым днём рождения.

Старшина, Володя Куренчанин (по прозвищу «Кам-кам»), любитель пострелять и покромсать, вечером за ужином удовлетворённо заключил: пора, мол, на «рейнджера» наградной писать...

На следующее утро мы снова вышли к тому месту под Матвархом, но опоздали примерно на час. Находясь в километре от моста, услышали взрывы. Когда доехали-дошли, на месте, где лежали заминированные трупы душманов, на свежеснеженном снежке, были видны следы от взрывов, лужи крови и кровавые следы на снегу от тел, которые утащили волоком в кишлак, несколько костей даже висело на ветках. Но мы не стали уже идти по следам — приключений хватало, да и пусть духов, наконец-то, похоронят по их обычаям.

Войска Дяди Васи

Сергей Саливанов

НЕ ПОТЕРЯЛ НИ ОДНОГО УБИТЫМ

Беседовал Илья Плеханов

Саливанов Сергей Васильевич родился в 1966 году в г. Златоуст Челябинской области. В 1981 году поступил в Свердловское суворовское училище, которое окончил в 1983 г., тогда же поступил в Рязанское высшее воздушно-десантное дважды краснознаменное училище им. Ленинского Комсомола, которое окончил в 1987 году. С 1987 года по настоящее время проходит службу в 106-й гвардейской воздушно-десантной дивизии на должностях от командира разведвзвода до начальника полигона управления.

Боевой путь начался в 1992 году с событий в Молдавии. В конце июля-декабре 1992 года во время конфликта между Молдавской и Приднестровской Республиками в составе российской группировки по разведению противоборствующих сторон вошел в Бендеры под командованием генерал-майора Лебеда, который потом стал командиром 14-ой общевойсковой армии. С 10 декабря 1994 года в составе сводной группировки воздушно-десантных войск по май 1995 года находился и выполнял задачу в Чеченской Республике, командовал дивизионной разведротой. Награжден Орденом Мужества за выполнение правительственных задач.

С конца ноября 1996 по ноябрь 1997 года принимал участие в югославских событиях в составе 554-го отдельного пехотного батальона миротворческих сил, будучи командиром 3-ей мотострелковой роты, хотя начинал заместителем по воспитательной работе командира штабной роты.

После 1997 года находился на командных должностях в 106-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, выполняя функции боевой подготовки войск в Учебном центре полигона имени 40-летия ВДВ, где налаживал учебный процесс, боевую подготовку тех подразделений, которые выполняли боевые задачи во второй Чеченской кампании.

На данный момент является Председателем Специального Совета Региональной общественной организации «Ветеранов миротворческих миссий и локальных конфликтов».

— Как выбирали путь военного?

— Среди родственников военных не было. В те времена престиж военной службы был очень высок. Все подростки

занимались спортом и всегда находились в хорошей спортивной форме, поскольку готовились к службе в армии. Велась хорошая патриотическая работа, в частности, в 21-ой школе, в которой я учился. Все это вместе повлияло на мое решение о посвящении дальнейшей жизни службе в ВС. Как-то, случайно открыв военный журнал, который учитель принес в школу, обнаружил в конце него краткий справочник по поступлению в Суворовские училища. Выписал из журнала координаты того Суворовского училища, куда решил поступать, выяснил, в какой военкомат необходимо обратиться, и поступил. После окончания училища было преимущественное распределение по ВУзам, так я и попал в Рязанское высшее воздушно-десантное училище. На тот момент у меня не было еще ни одного прыжка, а на сегодняшний день я совершил 234 прыжка, из которых 45 прыжков с «ласточки ВДВ» — самолета Ил-76. Это самые запоминающиеся, ответственные и высоко котирующиеся среди десантников с профессиональной точки зрения прыжки. Остальные прыжки с самолета Ан-2.

— Откуда узнали, что вас направляют в Молдавию? Знали ли заранее?

— Нет, не знал, все произошло внезапно. Шла плановая подготовка, и мы с ротой только вернулись с разведывательного выхода в пункт постоянной дислокации. На третий день нас собрали на совещание к командиру дивизии, где была поставлена задача: убить со своей ротой в город Рязань, где в составе сводной группировки Рязанского 137-го парашютного полка готовиться к отправке. Тогда шли такие негласные разговоры, что группировка полетит в Таджикистан. Позже, когда формировали по самолетам, командование приоткрыло карты, что готовимся к молдавской операции. Готовили технику, поскольку предстоял бросок из Тирасполя в Бендеры, где уже шли боевые действия, имевшие свою специфику, поэтому окончательная задача была поставлена уже перед вылетом.

Мы должны были приземлиться в Тирасполе и комбинированным маршем, т. к.

у нас была еще колесная техника, выйти в Бендеры. Уже на месте перед нами были поставлены задачи о занятии ключевых объектов города. Активная фаза действий там уже закончилась, поскольку за две недели до этого туда прилетел генерал Лебедь и поднял по тревоге и привел в боевую готовность группировку 14-ой общевойсковой армии. Выдвинув на передние рубежи ближе к городу Бендеры основные силы, в частности, танковый батальон, подкрепив его спецназом нашего, 45 полка, генерал Лебедь показал, что мы не будем ждаль, пока перебыют наших ополченцев, и, когда мы туда подошли, практически боестолкновения были закончены, город буквально начал оживать. В Бендерах были ополченцы, были казаки, были различного рода милициские подразделения, которые в тот момент не имели еще четкого согласования своих действий. Естественно, первые несколько ночей, когда мы туда вошли, только успели взять основные здания, в городе постоянно возникали перестрелки, беспорядки. Но когда в город прибыла общевойсковая группировка, и контроль над городом взял военный комендант, полковник Жданини, он первым делом собрал у себя представителей всех силовых и несиловых подразделений — казачества, МВД, наших войск. Начали наводить элементарный организованный порядок военного управления: кто за какую функцию будет отвечать, какие блокпосты будут работать. Пригласили туда представителей с молдавской стороны, со стороны Приднестровской республики. Организовали совместное патрулирование на блокпостах с присутствием трех представителей: представитель с молдавской стороны,

Войска Дяди Васи

представитель с приднестровской стороны и, чтобы стабилизировать эту ситуацию, представитель нашего контингента. Т. е. на всех ключевых постах, на развилках стояли представители всех трех сторон.

— А лично Вы чем занимались в это время?

— Я, будучи командиром дивизионной разведроты, охранял все ключевые, важные административные здания: горисполком, суд, открытые цеха заводов, фабрик, крупные склады. В первые три ночи в городе были случаи мародерства: грабили магазины, склады, разносили витрины, грабили брошенные дома. Для борьбы с мародерством была создана комиссия по борьбе с бандитизмом, которая патрулировала город по ночам. Плюс я держал резервную группу в составе взвода в военной комендатуре, и после объявления комендантского часа в городе Бендеры, который длился с 10 часов вечера до 6 часов утра, эта группа выезжала на все тревожные вызовы милиции, блокпостов, местных жителей. Света в городе не было ночью, перемещаться во время комендантского часа можно было только по специальным пропускам, и всех подозрительных людей наши мобильные группы разведчиков задерживали, доставляли в комендатуру, где компетентные органы проводили с ними соответствующие мероприятия и определяли их дальнейшую судьбу.

— Без потерь все прошло с нашей стороны?

— Да, с нашей стороны потерь не было. Правда, в группировке Псковской дивизии один человек погиб.

— Как складывались отношения с казаками? Какое от них осталось общее впечатление?

— Практически, когда мы пришли, миссия казаков была уже выполнена, и когда был определен порядок налаживания мирной жизни на совместных совещаниях, представители казачества определили порядок выхода из города. Такой функции, как патрульной, постовой или милицмейской службы им так и не придали, т. к., не будем скрывать, в тот период не сильна была дисциплина в войсках казачьего ополчения, хотя, когда шли боевые действия, они себя показали храбрыми и умелыми воинами, и многие ключевые, особенно в городских условиях, здания были взяты именно ими. К сожалению, потом, когда боевые действия закончились, казаки стали сами создавать проблемы своим некорректным поведением, неподчинением общепринятым законам военной службы, поскольку, находясь вроде бы тоже «на го-

сударевой службе», военным они не подчиняются. Казаков отправили в Тирасполь, откуда они самолетами и эшелонами отбыли по домам. Некоторое их количество осталось в Тирасполе, но вскоре и они отсюда ушли.

— Были ли Вы лично знакомы с генералом Лебедем? Доводилось ли с ним пересекаться?

— Да, с генералом Лебедем был лично знаком. До 1992 года он был нашим командиром 106-ой гвардейской воздушно-десантной дивизии. Непосредственно нам доводилось с генералом Лебедем выполнять правительственную задачу по восстановлению законности и правопорядка ввиду надвигающихся событий 1990, 1991 годов, когда хотели «некорректными» способами изменить власть в стране. Ни для кого не секрет, что наши подразделения входили в Москву, например, под предлогом, что военнослужащие помогают собирать урожай. Перед Бендерами в 1991 году мы выходили сюда, к Белому дому.

— Как Вы оцениваете его роль в Молдавии? Как решающую?

— Я считаю, что основная его роль была, в первую очередь, в прекращении кровопролития. Он практически остановил там боевые действия. Прибыв туда и взяв командование на себя, он повел реальную, решительную политику, не дожи-

сударств, жили представители различных национальностей. Поведя жесткую, решительную политику, он принял на себя функции, может быть, без согласования с некоторыми сторонами, но тем самым он спас в городе многие жизни. Потому что, пока бы все это согласовалось, пока внутренние войска дошли бы, шестая часть города была бы вырезана. Хотя ополченцы бились за город, казаки помогали, но им пришлось противостоять сильным и хорошо вооруженным людям, среди которых, по достоверным сведениям, было много специально выпущенных из тюрем заключенных, которым чуть ли не пообещали дать город на разграбление. Так что там были действительно серьезные события, серьезные моменты, и когда все это закончилось, авторитет Лебеда возрос до невиданных высот.

— Скажите, а к Лебеде изменилось отношение после Хасавюртовских соглашений? Как к человеку, я имею в виду.

— Его поставили в такие рамки, в такие условия, что он поступить по-иному не смог. В тот момент была некоторая нерешительность, все основывалось на доверии, и вдруг произошло это вероломное нападение на Грозный. Хотя по впечатлениям и по разведанным, перед тем, как все это началось, предвзято Хасавюртовские соглашения, они же пришли в Хасавюрт уже после того, как практически пал Грозный, там было, конечно, известно.

Я считаю, что Лебеде в тот момент просто нечего было сказать. Он оправдывался тогда за всю страну, за всю беспомощность политиков, которые раньше времени прекратили боевые действия и тем самым довели эту ситуацию до абсурда. Ведь в первую чеченскую кампанию, учитывая, что были взяты Ведено и Шатой, практически оставалось разбить, как сам тогда говорил представитель дудаевского руководства, остававшиеся на всю Чечню полторы тысячи вооруженных боевиков, остальные все разбежались, все были разбиты и бежали в Грузию, поняв

безысходность своей затеи. Но тогда нас не поддержало, прежде всего, политическое руководство, не дав их задавить, навести порядок, тогда политики оказались неправы и опять завели все в тупик, разложив армию предварительными увещеваниями со стороны президента России, который говорил, что война закончилась, в то время когда все военные понимали, что она только началась, что закончилась одна фаза боевых действий — открытая война, а сейчас начнется партизанская. Естественно, Лебедь был поставлен в такие условия, что я лично его не осуждал.

— Когда появилась первая мысль о возможной войне в Чечне?

— Я до сих пор вспоминаю представителя полиции из Украины, капитана, из Львова, который в 1992 году на всех мероприятиях в Молдавии был ярым сторонником Дудаева. Он говорил, что все во Львове поддерживают Дудаева и считают, что то, что он делает, абсолютно правильно. Да, разговоры уже были, и хотя никто не думал, что через два года мы пойдем в Чечню, но действия Дудаева мы уже обсуждали. У них были свои взгляды на это дело, у нас были свои, но так как в то время решалась другая задача, то разговоры эти велись только за столом. Всем доводилось слышать, что ведутся разговоры, что Дудаев все-таки управляем, что те события, которые там происходят, держатся нашими политическими лидерами, партиями под контролем. Не секрет, что туда и Жириновский в свое время приезжал, что с Дудаевым он был в очень теплых отношениях, и Явлинский — так по телевизору показывалось, что ситуация управляемая. Те негативные моменты, которые, может быть, там происходили, до нас просто не доходили.

Где-то в середине 1994 года, когда мы находились в Московском военном округе, по негласной информации наших, скажем так, военных источников, из общения офицеров между собой, с представителями других родов войск было известно, что были приезды в Кантемировскую дивизию, в Таманскую дивизию. Там реально уже путем агитации, разговоров — приезжали представители чеченской диаспоры, оппозиции Дудаеву — делались попытки формирования танковых батальонов для выдвижения в город Грозный и выполнения различных функций усмирительного плана. Якобы, чтоб не ушел политический курс Чеченской республики в ненужное русло.

Когда в конце 1994 года начали показывать по ТВ, что ситуация там выходит из-под контроля, и когда в ноябре показали неудачный, так называемый, штурм Грозного, штурмом, конечно, это не назовешь, в тот момент стало понятно, что мы туда полетим. В ноябре стало ясно, очевидно, когда по ТВ по всему миру показали наших танкистов, от которых, к сожалению, даже министерство обороны отказалось, сказало, что такие у них не служат, хоть наши танкисты показывали по телевизору свои медальоны. Вот тогда мы уже понимали, что нам придется в эту мясорубку влезать. Хотя, все-таки надеялись, что все решится политическими методами, все закончится миром.

— Расскажите, как вас отправляли туда и кем Вы были на тот момент.

— Был я командиром дивизионной разведроты 106-ой дивизии. Это был ко-

нец ноября. В конце рабочего дня собрали нас, командиров частей, на совещание к командиру дивизии, где была поставлена задача создать сводную группировку, выдвинуться на аэродром города Рязани, знаменитое Дягилево, откуда и в Югославию я улетал, и в Бендеры. И с этого аэродрома убыть туда, где на месте перед нами будет поставлена задача, которую предстоит выполнять в дальнейшем. Пока мы туда шли, мы надеялись, что это будет Таджикистан, к которому мы готовились еще с 1992 года. Но по прибытию на аэродром, где уже стояли самолеты, нас собрали в палатке, где находился импровизированный штаб группировки, и раздали карты города Моздок. Поставлена была задача совершить перелет в город Моздок. В то же утро мы погрузились в самолеты и через несколько часов приземлились в Моздоке, где с 1 по 10 декабря мы проходили так называемое боевое слаживание в составе объединенной группировки. В это время проводились занятия по боеподготовке, в частности, по огневой подготовке, по метанию ручных гранат, по изучению карт, по изучению обстановки.

— Как с картами дела обстояли?

— Те карты, которые нам выдали, были далеки от совершенства. Масштаб я не помню. Нам выдавали карты до Грозного, они, в принципе, соответствовали действительности. Я помню, как сейчас, квадрат на карте, где находился город, был закодирован словом «Шакал». На сам Грозный карт не было. Фактически, когда мы туда входили, карт не было, был только выдан напечатанный план города, который не всегда соответствовал действительности.

— Вы говорите, слаживание проходило с 1 по 10 декабря. В то время уже доводилось слышать, что можно ожидать?

— Да, тогда собралась большая группировка, проводились общие совещания с представителями МВД, тогда был генерал Романов, до сих пор его хорошо помню. Перед выходом, 9 декабря, нас собрали на крайнее совещание, там выступали представители органов контрразведки, рассказывали об обстановке, показывали видеоролики, показывали съемки некоторых моментов перемещений, дорог, некоторых ситуаций на КПП, при подходе к городу. И потом в конце выступал генерал Романов, который говорил, что задача у нас одна — за один день дойти до Грозного, войскам взять его в блокаду и обеспечить вход туда внутренних войск. О штурме, как таковом, речи не было. Была поставлена задача город блокировать, и потом силами внутренних войск, группировка которых была не меньше, чем наша (нас было 3,5, а их — 5 тысяч человек)

Не потерял ни одного убитым

должны были проводиться мероприятия по изъятию оружия у населения. Так он и говорил: «В данной ситуации нам, внутренним войскам, предстоит работать от 10 до 15 лет. Когда вы, войска, выполните свою задачу — проведете внутренние войска, расчистите дороги, поскольку могут быть завалы на дорогах, местное население может блокировать прохождение колонн, возможна вероятность боестолкновений. Но главная задача — взять город в кольцо и показать своим присутствием, что здесь находится сильная группировка российских войск, тем самым обеспечив работу внутренним войскам, помочь им выполнить свои функции на своей территории».

— То есть, организованного крупномасштабного сопротивления не ожидалось?

— Не ожидалось, оно предполагалось, но не ожидалось. Если сейчас сказать честно, если бы нам хоть немного больше сказали бы о сложившейся ситуации и о масштабе противостоящих нам войск, то, конечно, некоторые операции спланированы были бы более грамотно, и в результате часть людей можно было бы спасти. Нам говорили, что есть бандформирования, есть внутренняя оппозиция, которая нам поможет, что она нас ждет и, как только мы подойдем, оппозиция поднимет голову и тем самым поможет нам навести конституционный порядок.

— Какие-то шли переговоры, были ли договоренности с представителями чеченской оппозиции?

— Я их встретил уже на второй день, 11 декабря, когда мы пошли в сторону Грозного. За населенным пунктом Горьгорск, навстречу нашей колонне, поскольку мы, разведчики, шли впереди, к нам на 4-5 легковых машинах, в основном это были «шестерки», подъехали чеченские десантники в маскхалатах, часть были в беретах, с оружием. Они представились представителями Автурханова и предупредили, что по той дороге, по которой мы идем на Грозный, идти не надо: она простреливается, впереди стоят боеспособные подразделения, у которых есть система залпового огня, к тому же дорога заминирована. Они предложили изменить маршрут, и после того, как они переговорили со штабом группировки, было принято решение по дорогам к Грозному не идти. Мы

Войска Дяди Васи

сошли с шоссе, по которому двигались, выбрали обходной путь и ушли в горы. Тем самым, я считаю, они нам помогли.

— **Огневой контакт первый когда состоялся?**

— Первый огневой контакт состоялся на следующий день, когда мы стояли под населенным пунктом Долинский, примерно в 50 км от Грозного. По нашим разведанным в Долинском находились части бандформирований с системой залпового огня. Когда мы подошли непосредственно к населенному пункту, остановили колонну и начали рассматривать его в бинокли. В результате осмотра мы могли уже предполагать, где могут размещаться снайперы, спрятанные зенитные установки, системы залпового огня, и мы предложили нанести удар боевой парой вертолетов, потому что с нами в группировке находился артобстрел и авиакорректировщик. Но летчики в тот момент отказались наносить огневой удар по этому населенному пункту, мотивируя это тем, что у них должен быть приказ от их руководства, причем, приказ они должны получить только в письменном виде. От такой практики отошли уже через несколько дней. В результате, после неудавшейся нашей попытки нанести огневой удар с воздуха, противник нанес его первым. Впереди бы-

И вдруг внезапно, под самый вечер, уже начинает смеркаться, нам дают команду: «Внимание! Огонь не открывать. Сейчас подойдет колонна 136-ой бригады, у нее такие-то позывные». Мы должны были, раздвинув наши засадные группы, колонну пропустить, указать ей направление. Колонна пойдет напрямую в Грозный. И вот идет эта колонна. Мы с 10 числа за 20 дней нахождения на месте уже поняли, что идти ночью надо с потушенными фарами, производя как можно меньше шума, вперед надо пропустить разведку, что обязательно в этот Грозный должен предвзительно ночью кто-то сползать, хотя бы на окраину. И вот я вспоминаю, как идет эта колонна: она вся светится, никаких светомаскирующих устройств нет, свет у всех включен. Мощная, свеженькая колонна, как мне показалось, только что с разгрузки, мы-то уже подустали, немножко уже были грязненькие, немножко потрепанные — было видно, что мы 20 дней уже сидим в окопах, немые, нестиранные, хотя перед Новым годом мы постарались привести себя в порядок, насколько это было возможно.

И вот, эта колонна прошла через нас, и дальнейшая судьба ее известна, когда они в новгородскую ночь вошли в Грозный. Поначалу, конечно, ошарашены были чеченцы, которые против них воевали, кото-

манду, чтоб они несли воду, несли наши боеприпасы и практически в боевых действиях не участвовали. Дней семь они были со мной. Потом, когда активные боевые действия прошли, был приказ собрать всех живых, уцелевших и отправить их в тыл. Под самым Грозным был сделан маленький тыловой район, туда и отправили всех выживших, здоровых и раненых, бойцов 136-ой бригады.

Это было ужасное зрелище, просто ужасное... Я подошел туда со своей ротой, немного задержался в парке на постановке задачи, немножко впереди меня шел Рязанский батальон (зам. комбат Голубятников, будущий Герой России, зам. комбат Кувшинов). Мою дивизионную разведроту бросили на усиление Рязанскому батальону именно на этот вокзал. У нас были приборы ночного видения, и в первую ночь нам дали команду разведать, не осталось ли кого-нибудь еще в живых. Мелкими группами по 3-5 человек мы проползли к сожженной технике. Никаких живых мы там, конечно, не нашли, только лежали трупы одни, некоторые лежали рядком, видимо, чеченцы их сносили в одно место. Даже помню, когда я проходил по багажному отделению вокзала, в каталке для багажа лежал наш убитый солдат. Мы, разведчики, выдвинулись немного вперед и ночью взяли мебельную фабрику неподалеку от вокзала. В подвале этой фабрики мы нашли бойца, которого, видимо, пытали. Он был уже мертвый, по пояс раздетый, видно ему выкалывали печень, прижигали... он умер с гримасой боли... страшная была гримаса боли. А с другой стороны этой мебельной фабрики стояли две подбитые БМП, одна врезалась в стену, рядом лежали убитые. Днем мы отстреляли собак, они уже начали есть трупы. Чеченские трупы мы не видели, они своих уже подобрали.

— **Двигались вы первое время без активного сопротивления?**

— Да, потому что впереди прошел Рязанский батальон, прорвался туда на вокзал ночью, чем был достигнут успех того, что нам удалось закрепиться на площади вокзала. Когда я зашел на фабрику, то увидел, что там лежит еда, мешки с сахаром, мешки с рисом, рядом, т. к. станция, вагон с соком стоит, тут же лежат боеприпасы, лежит оружие, тут же лежат книги. Они, как ночь, домой уходили, прям, брали, и уходили к себе домой, а утром возвращались. Рязанский батальон ночью зашел, занял высоты. И когда утром чеченцы пошли, как на работу, к себе на позиции, там, в крайней высоте, где был ожесточенный бой, сидел капитан Теплинский, командир разведроты 137-го полка, он первый начал вести огонь на поражение этих боевиков. И практически два дня на этой площади Рязанская группировка бы-

ла в окружении. И меня потом, мою разведроту, выдвинули им на помощь. Там были солдаты, которые на БТРах по железнодорожным путям нас туда перебросили, вдоль железнодорожных путей были сделаны отвалы, прикрывавшие БТРы от попадания. Тем самым рязанцам удалось закрепиться, войти в очень нужный район города, потому что рядом стояли правительственные здания, и занять главные высоты — девятиэтажки. Заняли верхние этажи, освободив их от боевиков, и получили преимущество, т. е. могли контролировать заход наших войск.

— **Какой день был для Вас самым тяжелым за время боев за Грозный?**

— Это, конечно, первый день. Я пришел туда в качестве командира разведроты в подчинение Рязанскому батальону, мне сказали: вот с левой стороны стоит мебельная фабрика, у нас не хватает сил, мы взяли высоту, мы взяли вокзал, багажное отделение, но в этой фабрике сидят ополченцы, и от этой фабрики идет прямая улица, по которой они подходят и простреливают наши здания. Передо мной была поставлена конкретная задача ночью туда выдвинуться, взять здание фабрики. В первый день было важно занять это здание, которое приносило нам очень много вреда, было много погибших. Здания стояли плотно друг к другу — вокзал, мебельная фабрика... И вот ночью мы с ротой выдвинулись туда, предвзительно разведав днем выходы, поскольку ночью света не было и очень тяжело было заходить. На этой фабрике мы и нашли того бойца, которого пытали очень сильно. Заняли этот блок из двух зданий — корпус управления, там находился кабинет директора, и с левой стороны был какой-то цех, в котором находился склад готовой продукции, а рядом примыкала сама фабрика. И вот утром, я помню, они идут по центральной аллее, как на работу, люди в кожаных плащах, с оружием, горланят. А мы их ждем. И буквально до указанного момента — я указывал: к этому дому подойдут, мы начнем стрелять — загавкала собака. И, видно, что-то они поняли, заподозрили, кинулись врассыпную, но первых человек десять-пятнадцать нам удалось уничтожить, а потом целый день у нас там шел бой. Целый день они пытались взять эту мебельную фабрику, там моя рота стояла, плюс 8 человек было со 136-ой бригады. Целый день нас обстреливали, у нас было трое раненых,

один из них до сих пор служит в армии — Алексей Усенко, которому пуля пробила гланды, а мы не могли дотемна его эвакуировать, другому прострелили ногу, видимо, где-то сидел хорошо снайпер, поскольку через окошко он ранил двоих. К фабрике примыкал зеленый сектор — маленькие дачные домики. Их надо было все снести, потому что не было за ними ничего видно: кто где, кто откуда стреляет.

— **Был ли такой момент, когда появилось ощущение, что это уже полномасштабная война не против, пусть и большой, части чеченцев, дудаевцев, а против всей Чеченской республики как таковой?**

— Конечно, мы это почувствовали. Мы почувствовали это в Грозном, потому что против нас стояли танки. Потом мне довелось побывать на аэродроме Северный. Хорошо, что наша авиация разбила те самолеты, которые там стояли. Пусть их было немного, но там было несколько боевых самолетов, там было несколько боевых вертолетов. Я видел на аэродроме сожженные самолеты и вертолеты, которые они не подняли в воздух. Я видел сто-

решившие танки, которые стреляли против нас, я видел танки, которые мы отвоевывали и ставили себе в строй. Я видел, как они воюют группами по три-пять человек, великолепно обученные тактике, обязательно гранатометчик, обязательно снайпер, пулеметчик и два стрелка. Просто бандиты не могут так действовать. Видел, какие у них средства связи, слышал, как они засоряли наш радиоэфир. Видел, как местное население к нам относится, что рады нам не только русские, которые вылезли из подвалов, в которых прятались, а мы их поили, давали им сухпайки, еду. Они там сидели впроголодь, практически, в первые дни в Грозном, в тех районах, где нам удалось нашу территорию

Не потерял ни одного убитым

взять, мы местное население кормили, поили и содержали за счет солдатского пайка, того, что офицеры отдавали.

— **Возникали ли ситуации, когда местное население надо было эвакуировать?**

— Мы старались в Грозном местное население эвакуировать. Было такое распоряжение: отправлять их через парк, там их будут регистрировать, выдавать какие-то справки, считать и по коридору, который вел в тыловой район, откуда мы заходили, отправлять в тыл, где их будут обеспечивать палатками, питанием, продуктами и всем остальным. Но они отказывались уходить, потому что верили, что, если мы пришли, то жизнь у них будет налажена. Они говорили: «Куда нам идти? Мы тут всю жизнь прожили. Да, здесь было плохо. Да, нас тут угнетали. Да, конечно, нам досталось. Но сейчас вы придете, ситуация изменится, надемся, вы нас не бросите после того, что здесь произошло. Наверно, здесь что-то наладится». Они с верой нас встречали, и многие не ушли в тыл. Искренне нам они верили, про все эти ужасы рассказывали. И когда мы увидели наше местное население, это нас поддержало очень сильно. Не то злое население, которое нас встречало, когда мы проходили еще до Грозного, которое махало нам палками, дубинками, перекрывало дороги, проклятиями нас осыпало, женщины выбегали на дорогу, колонну пытались остановить, кричали, визжали. Не стесняясь говорили, что ваши матери получают одни гробы. Кричали, чтоб мы убирались. И когда мы зашли в Грозный после 136-ой бригады, настроение было, конечно, подавленное, но когда у нас пошли успехи и мы к тому же увидели, что мы наших защищаем, то это очень сильно нам помогло и подняло боевой дух.

— **Были случаи, когда вернувшиеся из Чечни люди Вас благодарили за подготовку?**

— Это было в личных беседах. Меня больше радует то, что солдаты моей роты звонили и звонят, вспоминают. Мне удалось не только создать в роте сплоченный коллектив, но и офицеры все были очень грамотные, хорошие. 10 декабря мы собираемся, отмечаем День ввода войск в Чечню. Раньше мы раз в пять лет собирались, а сейчас, видимо, постарели, стараемся собираться каждый год. У нас ни одного погибшего в роте нет за то время, пока я командовал. До сих пор я помню список раненых, контуженых — их у меня 17 человек, из них 12 раненых, 5 контуженых, но все, слава богу, живы-здоровы.

Мы старались в Грозном местное население эвакуировать. Было такое распоряжение: отправлять их через парк, там их будут регистрировать, выдавать какие-то справки, считать и по коридору, который вел в тыловой район, откуда мы заходили, отправлять в тыл, где их будут обеспечивать палатками, питанием, продуктами и всем остальным.

ла лощина, в которой показались дымки, — это они по нам били системой залпового огня. Я думаю, это были «Грады». Тогда у нас и случились первые потери. Люди были на броне, а сзади на машине стоял бензоагрегат, в который попал снаряд, несколько человек посекло осколками, они получили тяжелые ранения и к тому же загорелись от бензоагрегата. Первые два погибших у нас были под этим населенным пунктом.

Наши первые активные действия состоялись уже непосредственно после нового года. Перед новым годом мы остановились под самым Грозным. Встали на свои точки, на свои горки, с которых просматривался город. Я стоял на территории нефтяных вышек со стороны Промыслового района. Мы открывали коридор для движения, по которому в Грозный вошла 136-ая бригада. До сих пор у меня стоит в памяти, как они входили туда в ночь 31 декабря. По нашим данным, нам хотели дать команду войти в город 2 января.

ры 2-3 часа ничего не делали, поскольку не могли понять, что происходит. Они, естественно вошли в город ночью, часть из них дошла до центра, дошла до этого вокзала, где потом мы их собирали... Вторая часть немножко спутала маршрут, вышла в стороне от установленных координат не на свою территорию, вошла в этот город, и всем известно, что в дальнейшем получилось. Я всё это наблюдал в бинокль, а радиоэфир у нас тогда был свой, открытого радиоэфира с теми, кто пошел туда, в Грозный, у меня тогда не было. Ситуацию, в которой они оказались, я увидел уже через двое суток, когда за ними вошел в Грозный. Я зашел в город через парк, через штаб Рохлина, и сразу пошел на этот вокзал, увидел, что там с ними стало, увидел все эти сожженные машины, трупы солдат. Как командир роты я собрал остатки этой — вокзальной — части бригады, у меня их было 8 человек. Естественно, все бойцы были полностью деморализованы, все были в шоковом состоянии. Я дал ко-

Войска Дяди Васи

Раян Фарукшин

http://artofwar.ru/ff/farukshin_r_n/

ДЕНИС ИВАНОВ — ИСТОРИЯ «ВЕЗУНЧИКА»

За судьбой десантника Дениса Иванова слежу второй год. Горжусь его успехами, огорчаюсь его мелким неудачам. Радуюсь тому, что он жив, и своей жизнью является хорошим примером тем, кто после участия в боевых действиях «срывается и падает на дно»: лезет в петлю, ищет правду в стакане, теряет веру и не хочет жить и работать. Надо работать, ребята, надо! Надо работать и верить в себя, только так можно оставаться человеком и не чувствовать себя лишним в современном обществе.

— Родился 28 января 1979 года в Тбилиси, с 1986 года живу в Новороссийске. Рос без отца, но под строгим надзором мамы, деда и бабушки. Есть младшие сестренка и братишка, очень их люблю.

В 1998 году окончил индустриальный техникум и, как только получил диплом, так призвали на срочную службу. Учебку прошел в городе Камышине Волгоградской области, оттуда направили в 136-ю буйнакскую мотострелковую бригаду, в солнечный Дагестан.

Второго августа 1999 года боевики Шамиля Басаева и Хаттаба вторглись на территорию соседнего Дагестана. Началась вторая чеченская военная кампания.

Первыми в бой вступили милиционеры села Гагатли Цумадинского района. Атаку боевиков им удалось отбить, через несколько часов сумбурной перестрелки нападавшие были вынуждены отойти назад в Чечню и быстро скрыться, унося с собой убитых и раненых.

В последующие дни случаи обстрелов военных городков, застав внутренних войск и милицейских блокпостов со стороны «Независимой Ичкерии» заметно участились, бандиты открыто вошли в Ботлихский район и заняли небольшие горные села Ансалта, Рахата, Шодрода, Тандо, Зиберхали.

С 8 августа подразделения Министерства обороны и Внутренних войск МВД начинают активные действия по вытеснению и уничтожению боевиков на Ботлихском направлении.

Утром 17 августа 696-й батальон 136-й бригады Минобороны выдвинулся

в направлении Тандо с целью освободить его от боевиков.

Тандо — маленькое горное село на крутом склоне хребта посередине между ложем и вершиной. Подступы к нему снизу защищают многочисленные ложины, и единственная доступная для машин дорога петляет между скал безымянной высоты, нависавшей над Тандо с востока. Штурмовать село без тщательной арт-подготовки, а еще лучше — удара с воздуха — безумие. Но именно так и действовал батальон: первая рота шла по ущелью, третья рота должна была ударить «духам» с фланга, на который сначала надо попасть, вторая рота туло шла колонной вверх по горной дороге.

— Там разведка плохо сработала. О засаде на этой дороге догадывались все, в том числе и я, но что делать, приказ — есть приказ.

Почему догадывались о засаде? Да боевики прекрасно видели, что мы остановились и нарыли окопов недалеко от дороги. Ясно, что дальше мы двинемся вверх.

Еще 14 августа к нам спускались с гор двое неизвестных. С белыми тряпками в руках. Мы их скрутили. А они кричат: «Отведите к командирам! Мы — переговорщики!» Отвели. Один из них потом ушел назад в село. Даже если он и был мирным дагестанцем, все равно легко мог посчитать количество нашего личного состава и техники да доложить чеченцам.

А 16 августа парни моей роты зарезали раненую корову. Она бродила в зеленке и подорвалась на mine. Не бросать же изнемогающее от боли животное! Туша оказалась достаточно большой, мы объялись жирного, вареного без соли и специй мяса, и потом, с непривычки, сильно мучились от жажды. Вода была в шестиестах метрах от окопов, в трубопроводе, проложенном от реки к виноградику. Днем в трубе пробил небольшую дырку и через нее набирали воды. Ночью запасы любых жидкостей иссякли, и жажда напрягала все сильнее. А ночь такая лунная была, светло очень, видимость хоро-

шая, вот мы страх и потеряли, не стерпели, да вдвоем с товарищем тихонько потопали к трубе. Первым к воде припал товарищ, я его прикрывал. Затем пригнулся я, а он встал с автоматом чуть поодаль. Напились я воды вдоволь, начал подниматься, вдруг замечаю: что-то блеснуло на земле. Провел там рукой, зацепил пальцами, поднял. Цепочка с полумесяцем, новая. Враг был где-то рядом и, скорее всего, следил за нами!

Утром, пока я думал, говорить командиру о находке или нет, быстро сформировали колонну, сели на БМП и — вперед, двинули в направлении Тандо. Мы, бойцы, как обычно — на броне. Я на башне второй машины, как сейчас помню.

Едем. Только втянулись в ущелье, поняли — нам крышка, не надо быть стратегом с высшим академическим образованием, чтобы понимать, что в горах побеждает тот, кто сидит выше. Боевики на горе, мы снизу, и участь наша ясна. И засаду они организовали классическую: сначала ударили по головным и замыкающим машинам, потом расстреляли в упор остальные.

У бойцов наших опыта боевой работы — мизер; офицеры, в основном, молодые, участников первой чеченской можно было пересчитать по пальцам одной руки. Наивность, неопытность, этакий романтизм необстрелянных тел и умов тоже сыграл злую шутку. Почти все офицеры сели на броню моей, второй БМП, причем погон своих никто не снял. Может, именно поэтому первую машину боевики пропустили, а шквал огня обрушили именно на нас?

Несмотря на грохот работающей техники, я услышал громкий свист, видимо, условный знак боевиков на начало атаки и, почти одновременно, пишение первых летящих в нас пуль и крик комбата: «К машинам!»

У меня всегда автомат был перезаряжен и снят с предохранителя, а в тот день почему-то патрон в патроннике отсутствовал. Вот я снимаю автомат с предохранителя, дергаю затвор, и тут «бабах!» — прямо под мной взрыв.

Очнулся метрах в пятидесяти от горячей БМП. Огляделся. И снова потерял сознание.

По официальным данным тогда мы потеряли 34 человека погибшими и 6 БМП. Думаю, потерь было больше, колонна насчитывала порядка ста человек на 11 машинах.

Примерно через год, когда смотрел по телевизору документальный фильм о боях в Дагестане, увидел что-то до боли знакомое. Вгляделся повнимательнее в экран, и меня аж передернуло, я узнал в череде чадавшей растерзанной бронетехнике свою колонну. Эта была пленка, изъятая у уничтоженного где-то в Чечне боевика. Узнал я и боевую машину пехоты №222, на которой находился в момент взрыва, ее развороченная башня валялась далеко в стороне от дороги. Посмотрел. Понервничал. Но осознал, что мне реально повезло, и то, что я остался жив — чудо. Да, меня опалило, здорово посекло осколками, у меня нет ноги и проблема с рукой, но голова почти не пострадала, я способен мыслить, способен жить, и это главное!

Мы медленно идем по набережной, долго говорим о битве в Дагестане. О боях в горах, о штурме высоты «Ослиное ухо», о героях и СОЧниках, о командирах и «шакалах», об ополченцах и политиках, о врачах и медсестрах. Беседуем о людях, получивших увечья на войне: «афганцах», «чеченцах», «вет-

намцах». Денис делится личным опытом, я рассказываю об инвалидах из разных уголков бывшего СССР, с которыми свела жизнь.

На первый взгляд, Денис ничем не выделяется из толпы гуляющих по набережной горожан. Высокий, стройный, опрятно одетый мужчина. Но — с тростью. И слегка прихрамывает. Что же, всякое бывает.

Остановились у скамейки, где мирно ворковала семейная пара средних лет, присели, посмотрели на чаек над морем, Денис вспомнил госпиталь. Операции, уколы, перевязки, тихие стоны, слезы в подушку: «Нет надежды впереди». Семейные люди недобро на нас глянули и поспешили ретироваться. Кому нужны чужие проблемы? Мы всегда наедине со своими болячками, поражениями и переживаниями.

— Спасибо пацанам, прибывшим под Тандо и вытащившим нас, раненых, из-под огня. Если бы не они, мы бы погибли. А вот кто это был точно, не знаю, некоторые говорят, что новороссийские десантники нас вывозили.

Первую операцию мне сделали через несколько часов после боя, в Буйнакске — отрезали ногу. Потом извлекали осколки, лечили от ожогов в Ростове.

В Москву, в главный клинический госпиталь имени Бурденко, попал случайно. В Ростове в палату зашла вице-премьер правительства России Валентина Матвиенко, она помогала госпиталю со строительством и оборудованием кардиологического центра, и спросила: «Рейбата, кто хочет на лечение в Москву? Я постараюсь вам помочь!» Ну, думаю, я вообще нетранспортабельный и валяться мне на койке еще долго, а так, может,

История везунчика

хоть столицу нашей Родины увижу, и попросился в Москву.

Переезд дался тяжело. В Москве меня положили в реанимацию. Слава Богу, потихоньку, полегоньку, благодаря стараниям персонала, я стал поправляться. Ко дню своего 21-го дня рождения мое состояние заметно улучшилось.

К нашему разговору присоединяется Ирина, супруга Дениса:

— Я из Тамбовской области. В госпитале имени Бурденко служила по контракту, медсестрой. Тогда там девушки со всей России собрались, и всем нам безразлична была судьба наших солдат, поэтому именно в госпиталь и ехали, за ранеными ухаживать.

Когда работала в пищеблоке, кормила солдат, видела таких вновь прибывших с войн, которые на еду бросались, как с цепи сорвавшиеся. Они, съев все до последней крошки, тарелки облизывали до блеска, можно было за ними не мыть. Глядя на таких — исхудавших, больных, истекших кровью — так было обидно за нашу страну, так больно. Я не могла понять: почему, когда одни наши граждане по ресторанам сидят, да в казино миллионы проигрывают, другие — солдатики, защитники Отечества, от голода сознание теряют...

Дениса заметила сразу. Не понравился мне он, привередливый какой-то был, нудный, нервный. Сильно удивилась, когда он пригласил меня на свой день рождения. Он только восстанавливался, и я решила не наносить ему новые травмы, пришла. Пообщались. Поняла, что Денис совсем не такой, каким показывался сначала и, честно говоря, поняла, что он — моя судьба, и я хочу быть с ним всегда.

Какой у Дениса рост я увидела только через 13 ме-

Войска Дяди Васи

сяцев после знакомства. Он ведь с аппаратом Илизарова лежал около года, затем в гипсе, затем сидя в коляске передвигался. Наконец, пришло время заново учиться ходить. И мы научились.

Была и сестрой у Дениса на операции. Ковырялись у него сразу в двух местах: с бедра брали косточку и вставляли в правую руку, чтобы работала. Сейчас работает.

Свадьбу сыграли 17 августа 2001 года. Специально, в годовщину ранения. Чтобы эта дата несла не только отрицательные воспоминания, но еще больше — приятные.

— Меня ранило около полудня, почти ровно в 12 часов. И расписывались мы с Ирой в ЗАГСе в полдень. А что? Начало новой жизни через два года после второго дня рождения, разве плохо? Думаю, нет! — улыбается Денис.

— Конечно, нам повезло с жильем, и в Новороссийск мы ехали, зная, что нас ждет своя квартира. Это очень помогло быстрее наладить быт. Ведь я долго работала одна, Денис сидел дома, проходил курс реабилитации, привыкал к быту, осваивал незаметные для здорового человека «мелочи жизни», — вздыхает Ирина. — В госпиталь на возросшей волне патриотизма приходило много людей: и бизнесмены, и политики, и артисты, и журналисты, и простые пенсионеры. Возможно, некоторые разыгрывали какую-то удобную для себя политическую карту, но некоторые помогали от души: несли последние деньги, продукты, вещи, медикаменты. Спасибо великодушному русскому народу.

Приехал в свое подведомственное учреждение и министр обороны маршал Игорь Сергеев. Привез награды, подарки, грамоты. Когда вручал моему жениху орден Мужества, Денис даже козырнуть не смог как положено по уставу, руки не слушались, коматозное состояние, и выговорить «Служу России» не получилось как следует. А Сергеев его почему-то запомнил. Это мы поняли позже, когда министр снова был в госпитале и, зайдя в палату и поздоровавшись, пробасил: «Вижу, поправляешься. Это хорошо. Говори, чего хочешь, боец!» Денис отвечает: «Хочу продолжить службу в рядах вооруженных сил! Инвалидов, известно, в армии не держат, вот вы и пособите, пожалуйста!» Потрясенный мужеством

рядового, маршал заметил своему адъютанту, полковнику: «Запиши. Помогли. Проследи». Полковник засуетился, записал данные Дениса. А Сергеев тут и добавляет: «Помогите парню с жильем, не в казарме же такому жить». Спасибо, не обманули, свое слово маршал сдержал. В виде исключения Денису разрешили продолжить службу и, к моменту выписки из госпиталя, выделили от вооруженных сил однокомнатную квартиру.

Еще, в тот же день появились представители журнала «За рулем» и вручили Денису сертификат на новый автомобиль с ручным управлением. И им спасибо огромное за подарок!

Я понимаю, как нам повезло, ведь военнослужащих, получивших травмы и увечья, много, и у большинства жизнь складывается несладко, и ни жилья, ни транспорта им никто не выделяет. Но когда нам открыто завидуют вполне здоровые люди, это меня шокирует. Так, подобные вездесущие злопыхатели называют мужа «везунчиком».

Болезнь не отступила полностью. Денис и сейчас иногда просыпается от фантомных болей, ему кажется, что ноют пальцы ампутированной ноги. А но-

жительству, в Новороссийск, на должность планшета в штаб дивизии, но первое время ходить на службу не мог. Спасибо ВДВ и командованию 7-ой воздушно-десантной дивизии, поддержали, помогли и всячески помогают сейчас.

Постоянно помогал мне решать бытовые проблемы Андрей Понамаренко, мой товарищ, участник боевых действий в Чечне. Познакомились мы в госпитале, а оказалось, чуть ли не соседями по кварталу были до службы. К сожалению, Андрей умер от рака два года назад. Ни жены, ни детей у него не осталось. Очень жаль, такой был хороший парень!

Когда возникли сложности с протезом, на помощь пришли сослуживцы по дивизии — музыканты из группы «Синева». Офицеры устроили целую акцию, отыграли серию концертов, а вырученные средства направили на приобретение нового импортного протеза. Руководитель ансамбля Олег Босенко приложил массу усилий для ускорения процесса замены моего протеза, и вот, скоро я поеду в московский госпиталь на протезирование.

Еще мне никак не могли выдать удостоверение участника боевых действий. А без этой «ксивы» я не мог пользоваться

предоставляемым государством социальным пакетом для ветеранов БД. Бюрократия сплошная! Буквально на днях, через столько лет бесполезных самостоятельных блужданий по коридорам власти, после вмешательства в бездействие бывших моих командиров, председателя местной ветеранской организации десантников Аркадия Егорова и его ходатайства в столицу, мое удостоверение дошло до адресата. Те десять-двенадцать тысяч рублей, что накопились за год на моем ветеранском счету, потратим на продолжение обучения Ирины в институте.

— Весной Денис стал начальником тренажера противоракетного зенитного комплекса и получил звание прапорщика. Служба ему нравится. Весь горит своей работой, кипит энергией, учит молодых солдат уму-разуму! — радуется за мужа Ирина. — Мой Денис считает службу в войсках «Дяди Васи» самой настоящей мужской профессией, гордится тем, что попал в ВДВ, носит голубой берет и тельняшку. Считаю, носит по праву.

ги-то нет уже 9 лет. Еще когда погода меняется, так хоть волком он от боли вой, спасу нет, культю ломит.

Пару лет назад Денис нашел однополчанина, Алексея. Парень в Сочи живет, и все у него хорошо: жена, ребенок, работа. Там, в горящем Дагестане, Алексей видел, что стало с БМП мужа, и он очень удивился, что Денис не погиб: «Оттуда невозможно было выбраться живым! Это был ад! Тебя, наверное, ангелы на крыльях вынесли! Ну, Денис, раз выжил, ты точно будешь жить долго и счастливо!» Знаете, вот ему я хочу верить...

— Я получил распределение на продолжение дальнейшей службы по месту

Войска Дяди Васи

Аркадий Бабченко

Старшина. Участвовал: Чечня

<http://www.navoine.ru/authors/babchenko-arkadiy>

ЛАЙС

Спустя шестьдесят лет Александр Лайс повторил подвиг Александра Матросова.

В расположении 45-ого разведывательного полка ВДВ есть стела памяти. На черном мраморе выбиты фамилии десантников, которые погибли в двух чеченских войнах. Одной из последних здесь появилась фамилия Александра Лайса — у части долгое время не было денег, чтобы установить мемориальную доску с его именем.

Когда капитан Владимир Шабалин приезжает сюда, он привозит единственную оставшуюся в батальоне фотографию Александра и живые цветы. По традиции ставит стакан водки, накрытый черным хлебом. И долго стоит, глядя в лица тех, кто не вернулся с войны.

— Вот, здесь все его данные, — протягивает мне штатное расписание второй роты заместить командира батальона майор Агапов. Я читаю: «Лайс Александр Викторович, гвардии рядовой, пулеметчик, уроженец села Ненинка, 1982-2001».

Александр Викторович... Тогда, в две тысячи первом, ему было всего девятнадцать лет. И все звали его просто Сашка — Сашка Лайс. Он погиб седьмого августа, через неделю после того, как попал на войну.

— Я видел его всего один раз, — говорит майор Агапов. — В Ханкале. Я тогда был «принимающим» офицером, а их команда как раз прибыла в Чечню. Не могу сказать, что он как-то сразу бросился в глаза. Нет. Обычный парень, рядовой боец. Не было в нем чего-то героического, солдат как солдат. Но мне он почему-то запомнился. Из-за фамилии, наверное. А может, потому что добрый был... Вот, возьмите его фотографию. С возвратом.

Лайс ушел на войну из маленькой алтайской деревеньки Ненинка. Он прожил там десять лет. Последний год перед армией Саша жил с бабушкой и дедуш-

кой. Его мама и сестренка с отчимом, потомком депортированных немцев, уехали в Германию. Они были уверены, что сын, окончив лицей в Бийске, приедет к ним. Но началась вторая Чечня, и Саша сделал свой выбор. Он даже и не пытался «косить» от армии, хотя у него были для этого все основания и возможности. Служить Лайс пошел добровольно.

Сейчас его учительница, Наталья Каширина, вспоминает, что, в отличие от многих своих сверстников, Саша служить хотел:

— Вы знаете, он был из числа тех людей, для которых такие понятия как «долг», «Родина» — не пустые слова. И в армию с удовольствием пошел.

Елена Ивановна и Александр Иванович получали письма и фотографии от внука практически каждую неделю. Они хранили их дома и перечитывали вечером за чаем. Последнее письмо из Москвы, где служил Александр, они помнят наизусть: «Здравствуйте, бабушка и дедушка. Как у вас дела? Как погода? У меня все хорошо, жара стоит невыносимая. Через неделю мы должны улететь в Чечню, но вы пишите мне в часть. Эти письма будут пересылать нам. Ну, а так все нормально. Я вам пару дней назад выслал три письма сразу; в них 12 фотографий. Напишите, получили или нет. А до этого я вам выслал пленку в письме. Ну, ладно, не волнуйтесь, я вам буду писать. Когда вы письмо получите, я уже буду в Чечне, отправка 24 июля. До свидания. Ваш внук».

Спустя две недели он погиб.

Лайс А.В.

С капитаном Владимиром Шабалиным мы встретились в курилке второй роты.

— Расскажи про тот бой, — прошу я его.

Владимир морщится:

— Я не люблю вспоминать об этом.

— И все же...

...В тот день, 7 августа 2001 года, группе была поставлена задача по организации засады на одной из троп боевиков. На тот момент банды сильно активизировались в районе, и командование полагало, что боевики могут попытаться напасть на тыловую колонну, которая должна была доставить в отряд про-

Выписка из наградного листа на рядового Лайса А.В.

«07.08.2001 разведывательная группа осуществляла поиск складов, схронов и тайников с оружием, проводя разведывательно-поисковые действия в районе населенного пункта Хатуни. Во время движения группы дозор обнаружил отряд противника в количестве пятнадцати человек, следовавший в направлении дороги Киров-Юрт — Агиты с целью организации засады на колонну центроподвоза. По приказу командира группы капитана Шабалина В.В. разведчики сходу вступили в бой, нанеся противнику огневое поражение с фланга...»

Войска Дяди Васи

дукты питания и воду. К тому же, информация о готовящейся засаде уже поступала.

— Мы решили воспользоваться этой колонной, как приманкой, и выманить «чехов» с гор, — говорит Шабалин. — Иначе их оттуда никак не достать. Сельментаузен — такое село, в котором советской власти не будет никогда. Недалеко от границы с Грузией, со всех сторон хребты. Там очень удобные подходы, можно и раненых эвакуировать, и боеприпасы незаметно доставлять.

Вышли на рассвете, задолго до выдвижения колонны. По плану отряд должен был опередить боевиков и организовать противозасаду. Судя по карте, это можно было сделать только в одном месте.

В первой половине дня все шло как по писаному. Колонна выдвинулась в назначенный срок, отряд к тому времени уже выходил в заданный район. Боевики, в свою очередь, клюнули на приманку и стали готовиться к засаде. Казалось, что и колонна, и «чехи», и десантники встретятся в нужном месте в нужное время. Но...

Война — такая штука, которая не начинается по чьему-либо хотению. На каждое действие есть тысяча противодействий — от невовремя выпавшего снега до замыслов врага. Можно месяцами рыть фортификации и минировать зеленку, можно пристреливать позиции и до дыр стереть карты, вычерчивая хитроумные планы — и ничего не произойдет. Но стоит только оказаться в самом неудобном месте в самое неподходящее время, например, приспустить штаны под кустиком, как в тебя сразу же начинает стрелять какая-нибудь бородатая дрянь.

Группа Шабалина шла впереди отряда в головном дозоре. Она прошла исходную точку на двадцать минут раньше основных сил и «чехи» попросту не заметили её и беспрепятственно пропустили. Однако и десантники не заметили «чехов» и продолжали движение.

Они вышли на боевиков с фланга. Все произошло очень быстро. Рядовой Кузин, который шел первым в дозоре, поднял согнутую в локте руку вверх — «чехи!» и несколько раз опустил её вниз — «много». И тут же началась стрельба.

— Мы столкнулись с ними практически нос к носу, — вспоминает Шабалин. Они никак не ждали нас так рано да, к тому же, с этой стороны и готовились

встречать отряд, который должен был подтянуться минут через двадцать. Их командир в это время рассказывал боевиков по позициям. Кузин первым же выстрелом снял его из «бесшумки» и еще одного ранил. Мы, в свою очередь, ждали этой встречи, но оказались в очень уж неудобном месте — между двух высот, как на ладони. Тропинка там изгибается буквой «Г», мы высочили из-за поворота, и... Там даже травы не было, чтобы укрыться.

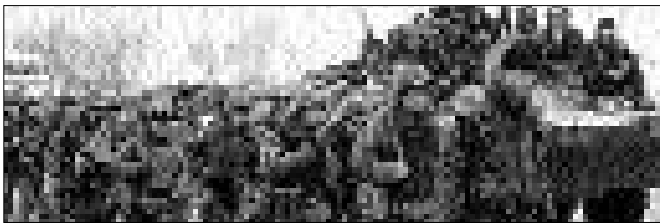
Прежде чем погибнуть, чеченский полевой командир все же успел грамотно распределить своих бойцов. Боевики оказались в более выгодном положении. Тремя стволами с господствующей высоты они прижали группу к земле, а остальные начали расстреливать разведчиков с сопки справа. Получилось так, что десантники попали в ловушку сами.

Прежде чем погибнуть, чеченский полевой командир все же успел грамотно распределить своих бойцов. Боевики оказались в более выгодном положении. Тремя стволами с господствующей высоты они прижали группу к земле, а остальные начали расстреливать разведчиков с сопки справа. Получилось так, что десантники попали в ловушку сами.

Огонь был настолько плотный, что, казалось, невозможно поднять голову. Отход отрезала еще одна группа «чехов» в несколько человек, которые заняли позиции около обрыва. К тому же, отходить было нельзя — впереди остались двое дозорных — Сагдеев и Кузин.

Первыми же выстрелами Сагдеева тяжело ранило. Ему пробило челюсть, разорвало кисть правой руки и сильно раздробило бедро. Отстреливаться он уже не мог.

— Он лежал прямо на тропинке, на спине, и каждая обезьяна считала своим долгом выпустить по нему очередь. Мы огнем прижимали их к земле,

как могли, но нам самим не давали поднимать головы те трое, которые были на высоте. И все же мы не позволили им вести прицельный огонь, — говорит Шабалин.

Позже, после боя, в обмундировании Сагдеева насчитали одиннадцать дырок.

Одна из пуль попала в висевшую на его ремне гранату Ф-1, но не смогла пробить её прочный корпус.

Группа залегла, прижатая огнем к земле. Долго так продолжаться не могло. По рации Шабалин вызвал артиллерию. Первые снаряды легли дальше чем нужно, и, корректируя огонь, Шабалин, сам того не желая, начал выдавливать «чехов» на себя. Боевики решили уйти из-под обстрела, прижавшись вплотную к группе. Десантники стали готовиться к рукопашной.

— Они подошли в упор. Даже слышали мои переговоры по рации, как мне отвечают с той стороны. Мне говорили: «Держись, мы уже на подходе», а они орал в ответ: «Давай-давай, подходи, мы покажем тебе ближний бой!» Нас разделяло метров пятнадцать, наверное.

На этих метрах оставались еще раненый Сагдеев и зажаты в ложбинке Кузин. Боевики предлагали тому сдаться, но он в ответ кричал, что русские не сдаются, и забрасывал их гранатами.

— Они вычислили, что я — командир группы, и начали стрелять прицельно по мне, — вспоминает Шабалин. — Помню, били «подствольники», но меня все время спасала кочка перед головой, гранаты ударялись об неё и рвались на той стороне. В общем, положение было очень серьезное. Долго мы бы не смогли здесь отстреливаться, но и уйти не могли тоже — тогда «чехи» убили бы Сагдеева и Кузина. Я приказал Лайсу приготовиться к броску.

В следующий момент Александр Лайс совершил подвиг.

Понимал ли он, что это смерть? Наверное, да. Не мог не понимать. Подвиг не бывает неосознанным. Но он не думал о нем. Он просто делал свое дело. Бояться уже

не было времени, жизни оставалось меньше секунды — столько, сколько нужно, чтобы шевельнуть пальцем снайперу в кустах.

И он успел. Он привстал на одном колене, закрыв командира собой.

— Я тогда ничего не понял, — продолжает Шабалин. — Лайс был справа от меня, и я приказал ему изготовиться к броску. Ну, как изготовиться, там же не присядешь на низкий старт. Он так, полулежал-полусидел на одном колене и стрелял длинными очередями. Потом приподнялся на секунду и снова осел. Повернулся ко мне и говорит: «Меня ранило». Помню, я заметил еще кровь у него на губах. Я ему говорю: «Потерпи немного, сейчас окажется тебе сменю». Тогда он снова начал стрелять, выпустил еще очереди четыре, наверное. После чего доктор оттащил его назад и под огнем начал перевязывать.

Пуля вошла Сашке под горло. Еще какое-то время он был в сознании и Шабалин даже надеялся, что все обойдется и ранение окажется не таким уж и серьезным, как он посчитал сначала. Потом доктор потянул Шабалина за рукав: «Я не могу остановить кровь, у него внутреннее кровоотечение». И тут же Сашку повело, он закачался, потерял сознание и очень быстро умер.

— Он умер. И как раз уже команда подошла, то есть время подошло команду подать «приготовиться к рукопашной». «Чехи» подходили все ближе. Такое ощущение, что если бы была шерсть на загривке, то она поднялась бы дыбом. Вот такое вот ощущение. Даже не страх, ярость такая. Вперемешку со страхом, конечно.

До рукопашной дело так и не дошло. Боевики, забирая своих убитых и раненых, отступили. Преследовать их не стали — надо было эвакуировать своего раненого и тело пулеметчика Александра Лайса.

...Пишу эти строки и ловлю себя на мысли, что не получается называть его Александром. Для меня он — Сашка. Мы запросто могли встречаться на дорогах Чечни. Может, он ехал на одном из бэтэров прикрытия, сопровождая группу журналистов, среди которых мог оказаться и я. И мы могли бы прикуривать друг у друга, я называл бы его «братишка» и говорил бы ему «ты». Мы там всегда говорим друг другу «ты». Они все для меня — Сашки, Лехи, Андрюхи...

Боевики ушли быстро, как по команде. Бой закончился так же внезапно, как

и начался. На тропинке остались лежать раненый, но чудом оставшийся в живых Сагдеев и совершивший чудо, но погибший Лайс.

Его сослуживцы, находившиеся в тот момент рядом с Александром и видевшие результат его стрельбы, говорили, что Лайсу все же удалось убить того снайпера, который убил его.

Потом, после боя, «фээсбэшники» сообщили, что десантники уничтожили пятерых боевиков. По крайней мере, именно столько свежих могил появилось в окрестных селах следующим утром.

Сегодня Владимир Шабалин вспоминает тот бой спокойно. Его волнение выдают лишь руки — он не может удерживать их на месте и постоянно мнет свой голубой берет:

— Могла ли это быть шальная пуля? Нет. Он же понимал, что вставать нельзя. И вообще, говоря об этом — могло быть, не могло быть — можно было сделать так, чтобы этого не было... В принципе, можно было и так, чтобы такого не было. То есть он мог меня не закрывать. Это же порыв человека. Надо его внутренний мир смотреть, а не мой. Нужно оценить его поступок просто. Он встал и закрыл. Вот так. Если бы не закрыл, то группа все равно бы не погибла, там заместитель оставался, и солдаты были подготовлены. Не было такого, чтобы мы на тебя молились, командир, тебя берегли, потому что ты — единственное спасение. Там все было организовано нормально. Просто солдат поступил так, как поступил, ну он поступил вот так вот. Такой человек, наверное, хороший. Да и вообще все ребята — никто же не струсил. Кузин до последнего отбивался, все гранаты перекидал — у него семь штук было, хотя мог бы затаиться или даже сдаться. Радиост мой, доктор, заместитель — все дрались. И Лайс тоже...

Звание Героя Российской Федерации Александру Лайсу было присвоено посмертно. Но этим государство и ограничилось. Никто из администрации Президента почему-то не удосужился разыскать родственников Александра и вручить им награду. И только два года спустя десантники вместе с журна-

Лайс

Шабалин В.В.

тами программы «Забитый полк» привезли из Германии Сашину маму в часть, где и передали ей Золотую Звезду сына.

Тогда же с ней встретился и Владимир Шабалин.

— В свое время был такой фильм — «Опаленный Кандагаром», — говорит он. — Там рассказывается про раненого офицера, которого спас солдат. А потом офицер повез тело этого солдата домой и родственники сказали ему: «Почему ты живой, а наш мертвый?» Я очень боялся этой встречи, боялся услышать эти слова. Но у нас сложились хорошие отношения. Мы до сих пор общаемся. Наверно, я для них теперь тоже родной. Ведь я теперь должен прожить две жизни...

Он вдруг резко кидает берет на скамейку и смотрит мне прямо в глаза.

— Ты знаешь, это не первый солдат, которого я теряю на этой войне. И тот бой не был самым страшным. И все же... В тот раз все было по-другому. Раньше парни погибали в бою и у них не было выбора, а здесь... Это было самопожертвование. Но сегодня я думаю, что зря он это сделал. Наверное, лучше было бы, чтобы тот снайпер попал в меня. Ты только не подумай, я не суицидник какой и отлично знаю цену жизни, наверное, даже как никто. Но мне не нравится эта жизнь. У меня ничего нет за спиной — ни квартиры, ни денег, ни здоровья. Только три командировки на войну и четыре звездочки на плечах. И впереди тоже ничего нет. Вся жизнь, вот она — на погонах. Что дальше?

Шабалин не любит вспоминать вслух о том, что кому-то обязан жизнью. Седьмого августа празднует не второй день рождения, а день памяти по солдату, которого не уберет. Это день траура. И каждый год он привозит его фотографию сюда, к памятнику, и по долгу стоит со стаканом водки, вглядываясь в лица...

P.S. Совсем недавно у Саши Лайса родился младший брат. Его также назвали Александром. Крестил младшего Лайса главный священник ВДВ отец Михаил. А крестным отцом Александра стал капитан российских Воздушно-десантных войск Владимир Шабалин.

Сейчас он живет в семье Лайс как приемный сын.

Выписка из наградного листа:

«За образцовое исполнение воинского долга, самоотверженность, исключительное мужество и героизм, за заслуги перед государством и народом, проявленные в ходе проведения контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона в условиях, сопряженных с риском для жизни, рядовой Лайс Александр Викторович достоин присвоения звания Герой Российской Федерации».

Вне зоны видимости

Лев Горелов

ПРАГА. 1968 г.

беседовал Артём Шейнин

С 1975 по конец 1979 года — Главный военный советник Вооруженных сил Афганистана. Награжден тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, тремя орденами Красной Звезды. Во время Великой Отечественной войны воевал на 3-м и 2-м Украинских фронтах в должности командира автоматной роты. В 1968 году командовал 7-ой ВДД в Чехословакии. В октябре 1975 года после беседы с маршалом Куликовым был назначен главным военным советником при президенте в Республику Афганистан. Организовал и провел ряд военных операций по освобождению городов Файзабад, Асадабад, Барикот, Хост, Ургун. В январе 1980 года Л.Н. Горелов назначен заместителем командующего войсками Одесского военного округа по вузам и вневойсковой подготовке. С 1984 года в запасе. До настоящего времени ведет большую общественную работу. С 1992 года является заместителем председателя комитета Одесского областного Совета ветеранов. Оказывает посильную помощь ветеранам войны в Афганистане. Проживает в Одессе.

В 6-м номере «Души подбитых танков» была опубликована первая часть интервью о войне в Афганистане. В этом номере предлагаем вашему вниманию его уникальные воспоминания о событиях в Чехословакии.

В мае месяце 1968 года я получаю шифровку — прибыть срочно в Москву к Маргелову. Я прилетел, мы с ним расцеловались, он говорит: «Едем к начальнику, к министру обороны».

Для меня это вообще было... Министр обороны и я.

Я, во-первых, его никогда не видел, никогда не встречался, ну, ты знаешь, командир дивизии есть командир дивизии.

Но, собрался, говорю:

— Товарищ командующий, какой вопрос?

— Узнаешь.

Прибываем, входим в кабинет, лежат карты.

— Здравствуйте...

Командующий докладывает:

— Товарищ министр обороны...

Его только не маршалом звали, а он любил, чтоб министром обороны...

— ...Товарищ министр обороны, командующий Воздушно-десантными войсками с командиром седьмой дивизии прибыли по вашему приказанию!

— Здравствуйте!

Генерал, обстановку знаете в Чехословакии? — ко мне.

— Товарищ министр обороны, по памяти...

— Ну, вот что: берешь командиров полков, переодеваетесь в другую форму и летите в Прагу. Разведка объектов, которые вы будете брать. А брать вы будете объекты вот эти...

И показывает мне: ЦК, Совет Министров, Министерство обороны, мосты, телецентр, радицентр, вокзал.

Я говорю:

— Товарищ министр обороны, дивизия десантная, не готова драться в населенном пункте, — набрался смелости. — У нас и в уставах и наставлениях нет — брать, драться в городе. Надо время для подготовки.

Он отвечает:

— Ты генерал — ты и думай, будь здоров...

Прилетаю в Витебск, там мой самолет стоит в Витебске, пересаживаюсь, прилетаю в Каунас. Ёпт, не успел покушать, вдруг, срочно: «В КГБ на ВЧ...», — у меня в кабинете не было ВЧ, а был ЗАС. Поэтому...

Приезжаю. Маргелов: «Завтра во столько-то часов будет самолет — с командирами полков выезжайте в Прагу на разведку, под видом дипкурьеров, пакеты вам будут, которые вы должны вручить там».

А у меня командиров полков четыре и я пятый...

«Переодеться в форму гражданского флота!»

Где форма, какая форма, где её брать?

Пошли на аэродром...

Я думаю, ни хрена не буду переодеваться, оделся в гражданский костюм, командиров полков всех одел. А как там, у летчиков, как погоны как-то по-другому прицепляются. Один прицепил не так, а ему какой-то КГБшник в Минске говорит: «Твою мать, перецепи погоны, ты лежишь, а погоны неправильно сделал!»

Прилетаем в Прагу, создается авария. Мы задерживаемся, нам нужно остановиться на шесть часов. Почему авария: самолет посадили с аварийной посадкой.

Прибыли из посольства, вывезли нас. Приезжаем в посольство, нет, в штаб ШОВ, штаб такой был, Ямшиков. А там уже наших человек 20 генералов встречаю, уже они работают.

Я ему представился, приехал, покажите мне вот такие, такие-то объекты, чтобы долго не искать. Поехали. ЦК посмотрел, Министерство обороны посмотрел, Совет Министров — все посмотрели, они всем машины дали. Они самостоятельно там передвигались.

А как все происходило: вы подъезжали, ходили, смотрели?

Ну, подъехал, посмотрел, вот так вот, да и все, зрительно, чтобы знать, ориентироваться, как идти с аэродрома Рузыне сюда, какие подходы к этим объектам.

В Прагу десантировался один полк, а два полка на другие аэродромы — Кбелы и Водоходы. Надо хоть выехать на окраину, узнать, как им входить сюда.

В общем, что надо знать о Праге? Там такие дома, литературные дома. Вот такой толщины стены. Вековые дома, вы представляете, в какие века они построены?

Я думаю: «Как драться?»

Все, собрал всех, приехали на аэродром, только дошли до самолёта, Ямшиков приезжает, ящик коньяку ставит.

Я говорю: «Товарищ генерал, как же мы его будем пить, этот коньяк? Я сразу в Москву лечу».

Выпили по 50 грамм.

— Забирай свой ящик!

Я командирам полков:

— Заберите, пейте его, этот ящик, оставьте мне несколько бутылок.

Забрали.

Прилетаю в Москву ночью, меня встречают Крипко — командующий военно-транспортной авиацией, Маргелов. Я докладываю обстановку, все доложил.

Потом вернулись в Витебск из Москвы.

«Что будем делать?» — спрашиваю у командиров полков. Ни одного учения не проведено ни с ротой, ни с батальоном, ни с полком по взятию населенного пункта или какого-нибудь дома.

В уставах ВДВ нет такого, не предназначено, чтоб драться в городах. В уставах общевойсковых, пехота где, там тоже ничего нет — «особенности ведения боевых действий»...

Что делать? Ребята из деревень, некоторые и в домах-то городских не были, не знают, что такое многоэтажный дом.

Собрал я ветеранов, которые в отставке, которые когда-то брали населенные пункты во время войны. Пишем временное наставление по взятию дома. Дома как дома, не в мировом масштабе, а как крупный дом брать. Выводим дивизию, полки, а полки стояли отдельно, а в каждом городе есть микрорайоны. Так вот, с рассвета и до тех пор, пока люди придут с работы, мы там тренировались — взятие населенного пункта отработывали. А это тактика другая: штур-

Прага. 1968 г.

мовой отряд, отряд обеспечения, огневое обеспечение, отделения прикрытия — это целая новая тактика для десантников, да и для всех. Брать населенный пункт — это создавать штурмовые группы надо. Тренирую месяц, говорят: «Комдив с ума сошел! что такое? Всех вывели, с утра до ночи, до прихода рабочего класса, штурмуют...»

А как вы штурмовали?

Создавали группы, атаковали, захватывали, атаковали...

А народ?

А народа нет с утра и до вечера, до прихода рабочего класса штурмовали. Использовали в основном микрорайоны, здания, дома, которые строятся...

Там же все равно есть какие-то дети, пенсионеры...

Мы согласовали с рабочими, с руководством. Я легенду дал, что ВДВ отрабатывает новый устав, который пишется. Надо опыт, хотя бы на учении. Вот под этой легендой я муштровал дивизию. Потом я её в июле, в первой половине, снял, выкупал, передел, и стали заниматься строевой там, но без отрыва от городков.

Где-то 10 или 12 августа — тревога. У меня пакет: выдвигать дивизию на 9 аэродромов.

В Прибалтике все аэродромы задействованы, калининградский аэродром, один белорусский аэродром. Пошла дивизия туда, в исходные районы, там встали. А что делать — ожидать.

Нашли ракетные войска, там уже дали команду, погрузили ракеты учебные и взяли рядом с населенными пунктами, говорят, что пришли солдаты рыть укрытия для ракет и шахты — это опять, чтоб задурить головы, чтоб у людей, у населения, дурных мыслей не было, зачем пришли десантники.

Потом командующий прилетел. Я ему: — Товарищ командующий, ночевать на аэродроме?

— Что? А где ты спишь?

— В лесу...

— Ты что командующего отделишь от войск? Поехали туда!

Поехали, палатку ему поставили. Он отдал приказ, подписанный министром обороны, я отдал приказ войскам, и он улетел. А 21 августа, в 10 часов вечера, как будто, да, в 10, вся дивизия вперед — на самолеты, и начали погрузку.

450 самолетов, самолётов, везли меня в Прагу, три авиационных истребительных полка — в Германии, Польше прикрывали переброску.

Шли-то на десантирование, вот это пометьте, шли на десантирование, а не на

посадку. Десант не посадочный, Политбюро два раза решение принимало, выбрасывать или сажать, и приняло мудрое решение — сажать. Если б нас ночью выбросили, то половину дивизии... Знаете, сколько людей было на аэродромах, сколько самолетов, сколько людей бы я погребил?

Посадили. Каждые 30 секунд самолет садился: раз, раз, с полосы, с полосы, сразу выгружали, выгружали, выгружали...

И пошли в Прагу.

Но, момент один есть. Дивизия, значит, артиллерия на машинах, минометы 120-мм на машинах... Ну, самоходки, само собой, и так далее. Но пехота-то вся... Только радиостанции у командиров. Ведь у десантников-то не было машин. Это сейчас они на боевых машинах, а у нас не было машин.

Так вот, мы десантировались и пошли, каждый знал куда идти, кто в ЦК, кто куда, но как идти? А на аэродроме, сотни автомобилей стоят, это иностранцы, они же и не закрывают эти машины, а десантники все знают, как водить машины, так они угнали все эти машины!

Я когда сидел в Генштабе и смотрел с балкона — вы видели в кино, как батька Махно — вот он играет на гармошке, сидя на тачанке. Так и они: сидят на этих машинах, облепили их, и входят в Прагу.

Вошли. Что нас спасло от кровопролития? Почему в Грозном мы потеряли 15 тысяч наших ребят молодых, а в Праге нет? А вот почему: там были готовы отряды, готовые заранее, Смарковский руководил, идеолог, и другие, которые выступили против Свободы. Они сформировали отряды, но оружие не выдавали, оружие по тревоге — приходи, бери оружие. Так мы знали, наша разведка знала, где эти склады. Мы захватили склады в первую

Вне зоны видимости

очередь, а потом брали ЦК, Генеральный штаб и так далее, правительство. Первую часть сил мы бросили на склады, потом всё остальное.

Короче говоря, в 2 часа 15 минут я приземлился, а в 6 часов Прага была в руках десантников. Чехи утром проснулись — к оружию, а там стоит наша охрана. Всё...

В 10 часов, поступил приказ из Москвы вывезти правительство и Дубчека на аэродром и отправить в Москву, на переговоры. Всех их вывезли туда, но уже вывозили не десантники, а БТРы 20-ой армии. Я только помогал их вынимать всех, вытаскивать.

Довезли к аэродрому, получили расшифровку — Дубчека оставить. Остальных отправить самолетом, а Дубчека оставить, чтобы он обратился к народу. Я думаю, дай поеду, посмотрю на Дубчека. Ну, надо же посмотреть, верно? Приезжаю, представляюсь ему: «Товарищ Генеральный секретарь, командир седьмой дивизии такой-то, здравствуйте!» Он выходит из машины, а тут караул, охраняют, зам. комдив — полковник, начальник караула.

Он мне говорит....

Вот когда я это рассказывал, то министр чуть со смеху не умер!

Говорит: «Товарищ генерал, а у вас нет чекушки, ну, выпить? То есть, 100 грамм, не чекушки, 100 грамм?»

Я говорю: «Товарищ Генеральный секретарь, у нас сухари есть, сухпай есть, все у нас есть, накормить вас могу, но водки нету...»

А сержант сзади стоит, говорит: «Товарищ генерал, у меня есть чекушка!»

Твою мать, я как услышал, сержант, в карауле!

Я когда министру рассказывал, он со смеху катался!...

Потом пришла 20-я армия, я ей все объекты передал, вывел дивизию в лес вокруг аэродрома. Чтоб дурака не валяли, сказал, что мы прилетим — будет инспекция. Давайте готовиться — строевой занимались, ну разной хернёй. Короче говоря, потом погрузил всех в поезд и отправил, а сам улетел самолетом. За это время встречался с Дубчеком, с Черником, с Свободой... Как встречался — уже приёмы пошли, на приёмах встречались.

Вы же парад там проводили.

Да, в одно время, получаю телеграмму — встретить командующего. Я его

встретил, привожу, говорю: «Товарищ командующий, представлю вам всю дивизию. Я её сам не видел целиком, потому что они стояли по полкам».

А тут всю дивизию построил на Рузыне, даже девчат в форме десантной, последняя колонна — медсанбат. А я тренировался, потренировался, Маргелову машину дал, себе машину, на машинах встретились, как положено. Привезли посла, все посмотрели парад... А девки красивые идут, б...

Он говорит: «Ох, лет десять назад, да как бы...»

Я говорю: «Товарищ командующий, не прибудняйтесь!»

Потом прием сделали и так далее. Всё, улетел он в Брно, там 103-я садилась и сидела.

Вы вы говорите, что перед тем, как вам лететь в Прагу, прилетал Маргелов, отдал приказ и улетел.

На аэродром, там, где мы были в исходном положении.

Вы с ним друзья, товарищи, как командующий он отдал приказ, но по-человечески Василий Филиппыч что-то должен был вам сказать?

Ничего, расцеловал и сказал: «Лев, я тебя жду с победой!»

Вот и все, больше ничего, ну, что он мне мог добавить? В приказе министра обороны, который он привез, все расписано. И следил, как я все переработал и полкам отдавал приказ.

Вы в то время были командиром дивизии. Всё-таки уже достаточно высокая должность, чтобы не только думать о выполнении приказа, но и иметь какое-то своё отношение, может быть... Когда в мае вы ездили на разведку, когда получили приказ — у вас было свое отношение к происходящему?

Значит, первое — я посмотрел Прагу, народ смотрел, внешне смотрел, не общался с народом. Но я до этого встречался, приезжали ко мне в дивизию чехи опытом обмениваться. Что вам скажу? Я воспринял приказ так, как надо, и всё сделал, чтобы меньше потерять людей, и я этим горжусь, что операция прошла бескровно.

Ну, чистил автомат солдат и по неопытности и халатности прострелил себе руку или ногу. Но это не боевые потери.

Но, чисто по-человечески я вам скажу — можно было обойтись без операции. Мне кажется, не надо было вводить войска, не может быть, чтоб нельзя было договориться. Понимаете, силой, мы все стараемся силой решить. Скажите, что, в Чехе нельзя было решить не силой?

Это сугубо мое личное мнение, у руководства были свои, видимо, данные о положении в Чехословакии. Но, моё вот личное мнение, как там побыл я, три месяца почти, вот такое... Мы потом с ними встречались со всеми — офицерами, генералами — на всех мероприятиях, и я, потом ШОВ, наш штаб, представители штаба объединенного Варшавского до-

говора, группа генералов там целая сидит. И я не думаю, что они были согласны с вводом, первое, что я с сознанием, сердечно, принял приказ, честно его выполнил, сделал все, чтоб без потерь было, а второй вопрос — вводить или не вводить. У меня личное такое, есть сомнение — не вводить. Можно договориться было со страной.

У вас был приказ, у командиров полков, наверное. А вниз, до какого уровня? Офицеры понимали, куда летим, что за задача и так далее?

На аэродроме, перед посадкой в исходном районе, была поставлена задача, какой брать объект. Были выданы всем не сами карты, а скопированы карты Праги, где все объекты, они до командира батальона имели эти схемы, где какой объект. Это все было сделано, как положено.

А ниже?

А ниже — уже перед самой посадкой. Но уже все, я скажу, догадывались, что мы куда-то идем, но не знали, что в Чехословакию. А перед посадкой, перед самой посадкой, солдатам довели.

Чтобы не просочилось это, ведь операция, вы правильный вопрос задали, операция проведена по оценке тогдашнего президента США — блестяще, скрыто и неожиданно для американцев. Неслучайно мы ракеты возили стратегического назначения, говорили, что мы тут копаем, чтоб население литовское знало, что мы тут оборудуем позиционный район для ракет. Хотя мы там ничего не делали. Солдаты там жиреть стали оттого, что питались хорошо, кормили хорошо ребят, как нужно.

Я просто этот вопрос потому и задал....

Вы правильно задали вопрос. Как могли от американцев утаить две дивизии? Как могли утаить — плохо разведка у них работала.

Или хорошо у нас.

И наша сработала хорошо.

То есть, солдаты, когда летели в самолете, уже знали куда летели...

Знали, но был такой казус, нужно ли, сам посмотришь, для печати...

Значит, когда первые мы высадились, я первым самолетом шел...

О первом самолете — Гречко мне не разрешил идти, командиру дивизии, первым самолетом. И вообще, не положено командиру дивизии лететь первым самолетом. Ему надо лететь где-то за передовым отрядом. Почему я полетел первым, потому что я уже знаю, как комдив, где какой объект, сейчас сядем, как уточнять все, понимаете.

Но когда мы сели, разведотра атаковала не командный пункт на аэродроме, а пожарную команду. Здание пожарной команды красивое такое же, как и командный пункт на аэродроме.

А ещё одну деталь я вам забыл сказать — я тренировал дивизию, передовые отряды, как только они садятся, выбрасываются, выкатываются из самолета.

та, на выстрел отвечать тысячей выстрелов...

А я подлетаю, а Рузине освещено — ходят дети, женщины. Приземляюсь почти — все недалеко от главной полосы, где я садился.

Что делать? Я командиру авиационной дивизии говорю, по радио передайте — не стрелять! — в следующие самолеты. А сам бегу в самолет, а там у меня 82 человека сидит, кричу: «Не стрелять, не стрелять!» Кто меня слышит? 4 мотора работают!

Когда открылись люки, я вот так раз руки (крестом перед собой — А. Ш.) и люди поняли, что стрелять не надо, вот скажите, ни слова не сказал. Когда я что говорил, меня никто не слышал, я просто сам растерялся. Думаю, сейчас выскочат, как дадут залп...

Я это и уточняю, когда вы селись — уже без парашютов?

Уже без парашютов, уже парашюты выброшены, как выброшены, сложены, потом мы их с трудом вывезли в Советский Союз. Они, самолеты, взлетали сразу потом: раз и пошел, раз и пошел.

Какие были потери?

Я горжусь тем, что операцию провел бескровно. Потерял там одного солдата, и то позже, в обычной жизни.

То есть, сопротивления не было?

Только в ЦК. Значит, в ЦК девять человек чехов убили наши. Дело в том, что они прошли через подвалы и вышли на противоположной стороне, коридор длинный, вы знаете, служебные эти помещения. И караул наш стоял в кабинете Дубчика, а пулеметчик сидел метров за 50 до этого кабинета и увидел — эти идут, бегут с автоматами. Прицелился и дал очередь. Он тогда из пулемета всю ленту разрядил. Чехов потом вертолетом увезли. Где похоронили, не знаю.

А вот ещё интересный эпизод: командир разведоты докладывает — он у меня ЦК брал: «Товарищ командир, сейчас освободят Дубчека».

А там собрались тысячи людей: «Дубчек, Дубчек, Дубчек, Дубчек!»

Прут. А разведоты — сто человек.

Я говорю: «Стрелять в воздух!»

Он стал стрелять в воздух, они отошли, а в это время, к моему

Прага. 1968 г.

счастью, танковый полк подошёл 20-ой армии, стал кругом ЦК и на этом все кончилось — их вывезли на аэродром. Повезло просто, а то могло быть кровопролитие.

А танки потом начали жечь?

А это когда они шли, их забросали бутылками с горючей смесью. Кто-то из молодёжи и пацанов, когда они уже пришли в себя. В центре мы объекты все контролировали, это где-то, в каком-то районе их забросали.

И ещё я видел фотографии, там ЗУшка какая-то створенная была?

Наверное, подожгли тоже, я уже детали эти не знаю, это не моя зона была, стопроцентно.

Ещё, я слышал, что участвовали какие-то подразделения из других соцстран. Кто в этом участвовал?

Доклады-то были. Ко мне на усиление прилетел полк болгарской армии, он был в моем подчинении. Я ему поставил задачу оборонять аэродром, сама дивизия же ушла в Прагу, он у меня был как бы во втором эшелоне. А немцы хотели войти с севера. По одним данным — вошли, по другим — не вошли.

Вы говорили, что у этих болгар был какой-то инцидент?

Был, ночью перерезали человек восемь, отделение, головы отрезали им и оставили прямо там.

Вы рассказали про сержанта, который водку нашел для Дубчека, а что было сержанту потом?

Ничего! Я на него искоса посмотрел, даже ничего ему не сказал. Ну, выручил, елки-палки! Я думаю так — не один этот сержант прихватил с собой в Чехословакию бутылку. Это у нас не было ничего, мне потом привезли уже, у меня ведь эскадрилья целая была. Она снабжала дивизию, питался я оттуда же — из Советского Союза. Мне Снечук (Первый секретарь ЦК КП Литвы — А.Ш.) прислал самолет коньяка, водки, колбасы, сыра — целый самолет.

Вы еще рассказывали, как главнокомандующему помидором дали.

Он ехал по Праге и мне говорит: «Я думал, тут по трупам буду ехать, а все гуляют...»

Я говорю: «Вы закройте, плащ-накидкой свой мундир...»

А в это время помидор — раз ему сюда, в грудь...

Я говорю: «Вот видите, боевые действия идут!»

Чечня

Андрей Загорцев

Подполковник. Участвовал: Приднестровье, Чечня

http://artofwar.ru/z/zagorcew_a_w/

ГОРОД

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

В соответствии с указом Президента РФ N 2137с «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики» от 30.11.94 г., Вооруженным силам РФ, Внутренним Войскам МВД, Федеральной службе контрразведки, была поставлена задача стабилизировать обстановку, разоружить незаконные вооруженные формирования (НВФ), восстановить законность и правопорядок в соответствии с законодательными актами Российской Федерации.

А теперь мы в Ханкале, со всех сторон слышна стрельба, рядышком развертывается какая-то часть, ревет техника, орут люди, а мне все по барабану, делать ничего неохота. Даже уже и думать лень.

Началось, какой-то борзый военный ввалил в палатку и начал орать на моих бойцов, в том числе и на меня. Наорался, успокоился и обрадовал меня новостью. Сейчас в моей палатке разместится еще с десяток офицеров. Ну ладно, мне не жалко, но орать-то зачем?

Ввалились какие-то офицеры и тоже начали орать, строить и командовать, стогнать моих бойцов с лежанок. Потом подвалили еще какие-то «деловые», в палатке стало накурено, шумно и еще более грязно. Моих бойцов стали строить все кому ни лень, ставить какие-то задачи: принести еще дров, найти кого-то, кого-то вызвать, освободить место. Во мне начала закипать обоснованная злость.

— Группа, подъём, бл..., строиться! — заорал я во всю глотку.

Шум в палатке притих, вновь прибывшие незваные гости вылупились на меня и попытались что-то вякнуть, типа, не пошел бы я со своими бойцами на улицу и там строился. Я проигнорировал все сторонние советы и поставил задачу на свертывание палатки. Бойцы мои злорадно оскальбились. Хрен с ним, что снова придется работать, главное, показать, кто тут хозяин. В несколько минут разобрали жутко задымившую печку, выволокли ее наружу, и начали вытаскивать колья. Тол-

па внутри начала жутко материться и выползать наружу.

— Ты что делаешь, лейтенант? — ко мне подскочил моложавый подполковник в десантном бушлате и солдатской шапке.

— Что надо, то и делаю, — сквозь зубы отвечал я подполковнику.

— Как вы разговариваете, товарищ лейтенант, кто у вас командир подразделения, выньте руки из карманов! — заорал на меня подпол.

— Я командир подразделения, имущество мое, не орите...

Подпол схватил меня за воротник бушлата и подтянул к себе, злобно дыша и чуть ли не плюясь в лицо от злости.

— Тттыыы, лейтенантишкааа, — взвыл он.

Ну, что же, товарищ подполковник, на голос меня можно было взять пару недель назад, а сейчас уже нет, отдавать свой дом кому-либо я не собираюсь. Противодействие адекватно действию. Я вытащил руки из карманов и неожиданно для подполковника схватил его за воротник, тоже притянул к себе и молча со всей дури врезал ему лбом в нос.

Незнакомый начальник мотнул головой, шапка его слетела куда-то в грязь, меня тут же окружили мои бойцы с кольями

ставили палатку поближе к штабным кунгам, разместившимся неподалеку и снова попытались обустроиться.

Да, однако, размечтался. Только затопили корявую буржуйку, в палатку снова завалился какой-то представительный мужичонка. Этот, однако, был бывалый, на голос не брал, поинтересовался, кто здесь обосновался, сколько нас и какую задачу выполняем. Я доложил. Незнакомый офицер предложил мне компромисс: здесь, в половине палатки он размещает отдел какого-то штаба, помогает нам провести свет от движка тархатевшего неподалеку, обещает нам помочь достать еще одну печку и дрова. Мы же помогаем в обустройстве и несем охрану. Я долго и не думал. Какое-никакое прикрытие от неожиданных и непрошенных сожителей весьма кстати. Пока мое начальство не объявилось в этой кутерьме, пусть будет хотя бы такое, да и наверняка чем-нибудь удастся пожить, как обычно за чужой счет. Уже глубокой ночью мы обустроили отцов-командиров, притащили грубо сколоченные столы под карты, протянули от движка провода. Зажглись две тусклые лампочки, появились связисты с мотками кабелями и радиостанциями. Меня это уже не волновало: мы отгородили себе

«Бойцы стали обшаривать кузов грузовика и обнаружили несколько комплектов нового горного обмундирования и еще какое-то барахло, а среди них спрятавшегося бойца. После пристрастных допросов и тычков по почкам, солдат доложил, что он — ефрейтор Садыков, водитель этого самого КАМАЗа из РМО 135-ой Прохладненской бригады. У нас, пока никто не спохватился, есть грузовик с огромным кузовом, в котором можно устроить целую квартиру.»

от палатки в руках, некоторые стали переводить автоматы из-за спины на грудь. Инцидент, кроме меня и моих подчиненных, не видел никто. Возмущающиеся «гости» вылезали из палатки с другой стороны. Подполковник вытер рукавом бушлата кровь и, злобно прошипев, что мне трындец, куда-то умчался. Чёрт, все-таки придется смываться, нажил я себе еще одну проблему. Через сорок минут мы пере-

угол куском брезента, печка уютно потрескивала и тихонько дымила. На ней грелся большой чугунный чайник, презентованный откуда-то из штабных машин, иногда за брезент заглядывал кто-то из соседей, просил чайку или что-то спрашивал, я в полудреме отвечал и был рад сложившейся обстановке. Выставил одного бойца на вход, проинструктировал по порядку смен, кого запускать, кого нет — это уже

не мои проблемы, пусть штабные сами разбираются.

Сон меня сморил, и я, ощущая приближение болезни под названием «педикулез» или форма двадцать, лениво почесался и заснул.

Сон мне не снился никакой, зато почему-то стало казаться, что палатка рушится прямо на меня. Кто-то рядом заорал, и тут же неизвестному вторил многоголосый рев. Я открыл глаза и понял, что палатка действительно рушится и сминается, погребая под брезентовыми сводами орущих людей. Слава богу, я спал в обуви, как и все мои бойцы.

— Группааа, наружу все бегом! — успел рывкнуться я и, прижав к груди автомат, вынырнул на воздух.

Выскочить успели все за какие-то доли секунды, на палатку наехал огромный КАМАЗ-длинномер и пытался отъехать или сдать обратно. Под палаткой барахтались люди и дико орали. Мне было плевать, что там и кто, возле входа с другой стороны должен стоять мой боец-матрос, и я рванул туда. Мой человек был жив. Боец, закинув автомат за спину, вытаскивал из-под полога какого-то офицера. КАМАЗ фырчал и крутил колесами под многоголосый ор и вопль.

Плюнув на все, я побежал по чьим-то барахтающимся телам, ворочающимся под брезентом обрушенной палатки, вспрыгнул на подножку, рванул дверь на себя и врезал со всей дури магазином автомата в чью-то белую от страха и воняющую перегаром физиономию.

— Сукааа, не верти рулем, урод, стой на месте...

Неизвестный водила, схватившись за разбитое лицо, вынырнул через пассажирскую дверь и попытался скрыться, кто-то бросился ему навстречу, пытаясь перехватить. Послышались выстрелы, «нашкодивший» водила упал, к нему подбежали какие-то военные начали переворачивать. Пьяного контрактника застрелили всего одним выстрелом, пуля прошила левую лопатку и попала в сердце. Слава богу, стреляли не мои, стрелял кто-то из штабников из пистолета. Я выпрыгнул из кабины и, пока вокруг царила неразбериха, пришлось вытаскивать людей из обрушившейся палатки. Брезент безжалостно изрезали, доставая тела. Мы лишились своего «жилища». Однако это всё было ерунда. Пьяный придурок задавил шесте-

рых человек насмерть, двоих бойцов-связистов и четверых офицеров в званиях от капитана до подполковника. Несколько человек было в тяжелом состоянии, многие с переломами. Штабное имущество не подлежало восстановлению. Ближе к утру народ, суетившийся вокруг палатки, разошелся кто куда.

Немного отоспавшись, я устроил строевой смотр. Выглядело мое воинство, как куча оборванцев с явным намеком на какое-то военное подразделение. Все грязные, в нестиранном обмундировании, с помятыми небритыми лицами. Нужно всех мыть-купать, нужно стираться, нужна новая обувь. Пора искать начальство. Начальство я нашел по знакомым штабным кунгам с прищепам. Мне удивились, но не обрадовались, честно говоря, было не до меня — на плане стоял ввод войск в город. Я, представившись своему направленцу, попытался слинять, но не тут-то было. Штабу нужна была вода. А кого озадачить добыванием нужного для обязательного функционирования штаба компонента? Конечно же, лётёху, шатающегося без дела. Слава богу, мне хоть выделили водовозку с пьяным седым контрактником, больше похожим на шолоховского деда Шукаря, чем на военного. Контрабас дынул на меня перегаром и просипел:

— Ну, что, лейтенант, куда ехать?

Вот интересный вопрос — куда? Хотя я помню, что когда-то, во времена Союза, на Ханкале была где-то скважина неподалеку от железнодорожных путей за расположением лётчиков.

Туда, в принципе, можно проехать, если обогнуть взлётку и справа от дач. Но сейчас там идёт интенсивная стрельба, и черт знает что может случиться. Ну ладно, попробуем прорваться. По пути мы подъехали к соседям-пехотинцам, и я зашел к командиру в штабную палатку. Вода мотострелкам нужна была еще как, и водо-

возка на ходу, и пара цистерн «ЦВ» в наличии, но, где воду брать, они еще не определились. Так что, я был кстати. Командир батальона дал команду, и, пока пехотинцы, выделенные в сопровождение, залезали на БМП и выстраивались в колонну, я заглянул к своим. Кузов был тщательно выметен. Из палатки выкроили печную металлическую планку с круглой дырой под трубу и уже прилаживали печку. Оставив троих и водителя, я посадил своих на броню к пехоте, сам вызвал к себе командиров экипажей, механиков и наводчиков. Пехота удивилась моей наглости, командир взвода, назначенный старшим от батальона, подбежал и, размахивая руками, попытался восстановить статус-кво и занять руководящее кресло в руководстве этой немудреной операцией. Лейтенант, как и я, был выпускник этого года, общевойсковик из Омского ВОКУ.

— Ты что тут раскомандовался моими людьми, залазь на свою цистерну с колесами и езжай помалкивай, водовоз хренов...

— Сам водовоз, ты знаешь, куда ехать?

Лейтенант замаялся.

— Так вот, а я знаю, тем более знаю, откуда по нам могут шарахнуть, так что, если проинструктирую твои экипажи, ничего страшного не будет.

Взводник помолчал, потом, узнав из какого я училища, одобрительно кивнул и застроил своих подчиненных. Кратко проинструктировал механиков и наводчиков, я полез на головную машину. Лейтенант сел за штурвал сам, напялил шлемофон, проверил связь. Вроде все готовы. Двинулись. Память меня все-таки не подвела: свернув направо и не доезжая железной дороги, мы выехали на полуразрушенное здание водоканчки. Здесь уже суетились федералы, стояло несколько машин различного назначения. Вода была, заправиться можно без проблем, главное — выстоять небольшую очередь из страждущих и не попасть под минометный обстрел из города. Распоряжался заправкой воды какой-то военный в непонятном звании с инженерными эмблемами на грязной песочке. Узнав, кто мы такие, он ответил, что без проблем, насосы не сломаны, саперы кое-что подправили, воду проверили — использовать в технических целях можно, а обеззараживанием для приго-

Чечня

товления пищи пусть занимаются наши медики. Вопрос решен положительно. В разговоре военный, оказавшийся майором, рассказал, что неподалеку стоит пожарная часть, которую недавно отбили у боевиков, и, если мы интересуемся, может сопроводить нас туда, пока дойдет наша очередь. Просто так он бы стараться не стал, значит, имел какой-то свой шкурный интерес. Так оно и было. На пожарке стояли вполне целые пожарные спецавтомобили, которые можно было использовать как передвижные цистерны. Посоветовавшись с командиром взвода, мы решили, что ничего страшного не случится, если прокатимся с майором. Возле зданий пехота спешила и перебежками ринулась вперед, наводчики навели пушки и дали пару очередей поверх крыши. Внутри дворика все было перепаханно взрывами, заброшено пустыми цинками из-под патронов и окровавленными бинтами. Здания были полуразрушены и пусты. Однако, несколько полезных предметов обихода в виде мебели все-таки нашлось. Мы сграбастали по неплохому столу, набрали стульев, и бойцы стали все это затаскивать на бэхи. Боевые машины стали выглядеть как цыганские кибитки, но меня и взводника внешний вид брони абсолютно не волновал. В крошечном автопарке стояли три вполне целые пожарные машины ярко-красного цвета. Машины были раскурочены, колеса прострелены, но цистерны вполне пригодны. Майор, пообещав пехотному летехе всегда внеочередное «водяное обслуживание и полное радушие», договорился о буксировке одной из машин к водокачке. Почувствовав прилив наглости, я оттащил летеху в сторонку.

— Давай и мне одну подцепим!

— Бл..., нам обратно еще до батальона тащиться, вдруг обстрел по дороге?

— Ну, и что? Ежели что, сбросим нахрен, и вообще, прикинь, какой запас будет, да и вообще, водку пьешь?

— Пять пузырей, — кратко подвел итог омич, — дотащим, не дотащим — один хрен, пять пузырей ты мне все равно даешь, ведь я еще мебель твою повезу.

БМП стали задом сдавать в парк и цеплять на жесткую сцепку пожарные цистерны. Я посадил одного из разведчиков за руль, запрыгнул на БМП, и мы, весело матерясь, потащились к водокачке. Заправлялись, однако, долго, выезжали с двумя водовозками, а заправлять пришлось три. Обратный путь начали далеко за обед. Слава богу, добрались без происшествий, буксируемую пожарку мотало из стороны в сторону, нас обгоняла различ-

ная боевая техника, народ матерился, но мне было абсолютно по барабану — у меня было несколько тонн воды. В моей подвижной «квартире» было чисто убрано, печка уже затоплена. Бойцы приладили баки внутри и вывели краны наружу. К моему удивлению из тюков с формой и из ящиков с водкой ничего не пропало. Еще при первом знакомстве я дал им понять, что все, что ни делается, все делается для группы, а если что не так, расстреляю как предателя и шпицу на боевые потери. Не знаю, что подействовало больше: осознание того, что все, что ни достается, это имущество группы или мое шутовское предупреждение о расстреле. В группе не было ни одного случая крысятничества или «чмырства». Коллектив был маленький и что-либо утаить друг от друга было весьма проблематично. Свои пять пузырей водки лейтенант-взводник получил, довольный прыгнул на броню и укатил к своим. Дюралевые баки заполнили до отказа, естественно, из штабной водовозки. Один бак Садыков упротил оставить для создания «титана». Как он его делать собирался, меня это абсолютно не колыхало. Вызвался — делай. Как оказалось, татарин из 135-ой бригады — вполне неплохое приобретение. Ушлый ефрейтор, освобожденный от опеки своих сослуживцев и контрактников, оказался весьма контактным,

легко заводил знакомства и друзей, умудрялся без проблем отыскивать земляков и использовать вновьприобретенные связи на пользу коллективу, в который он влился.

Не откладывая дел в долгий ящик, приказал всем ужинать. Паша выдал дополнительно несколько банок тушенки. Самому мне есть пока не хотелось, и я, закутив, выпрыгнул наружу. Вода в баке еще была, и я решил постирнуть свое грязное белье, которую он тоже использовал для стирки. Удобно расположившись на крышке от ящика, я намыливал щетку и отдраивал камуфляж, управлялся довольно быстро, сполоснул шмотье и развесил

его на растяжке от палатки, на которую вешали ширму для душа бойцы.

Разведчик подошёл ко мне и кивнул в сторону города:

— Товарищ лейтенант, а мы тоже пойдем туда?

— Не знаю, но как-то не хочется, уж лучше здесь, при штабе группировки, ошиваться.

— А как вы думаете, когда туда пойдут войска? Неужто на Новый Год?

— Да навряд ли, думаю, народу отдохнуть дадут, тут же все увязать надо, согласовать: полосы наступления там, всякие разграничии да много еще чего надо сделать, вряд ли..

Перекурив, я полез в свой уголок высыпать, часовой продолжал бродить вокруг машин.

Наш начальник беседовал с каким-то бородатым военным в пестром камуфляже.

На этот раз на мое появление шеф отреагировал довольно бурно. Он представил меня незнакомцу, кратко пояснив мне, что это человек из взаимодействующей структуры.

Меня начали допрашивать и расспрашивать, в какие годы я проживал в Грозном, на какой улице, знаю ли я окрестности и многое другое. Бородатый достал план города и, тыкая пальцем то в одно, то в другое место, продолжал расспросы.

Ответы мои его полностью удовлетворили, и он, довольно кивнув, попросил меня выйти на пару минут из кунга. Я перекурив, пошарахался вокруг, поглазев на военного люд, получил людей от какого-то военного, обремененного большой властью, и, наконец, меня позвали обратно.

Выдвигаться с полком ленинградцев мне больше не предстояло — меня перенацелили и переподчинили этому бородатому незнакомцу. Я не знал, радоваться мне или горевать.

Однако, что ни делается, всё к лучшему. Так оно впоследствии оказалось. Незнакомец попросил называть его по имени-отчеству Владимир Петрович и спросил, где мы располагаемся. Через пятнадцать минут мы были возле моего мини-ПВД. Владимир Петрович оценил наше походное жилище и предложил где-нибудь скрыться от посторонних глаз, чтобы он мне мог пояснить мою задачу. Расположились в «командирском закутке». Петрович достал карту и вкратце пояснил обстановку и обрисовал задачи войск. Мне предстояла отдельная задача: со своим малочисленным подразделением мне не надо было участвовать в штурме, надо просто под покровом ночи выйти в условленный район города, встретить каких-то людей

Город

порвав себе полморды, залез в кузов, плюхнулся в свой закуток, накрылся спальником и заснул.

Разбудил меня мой замок Паша.

— Командир, там бородатый приехал на БТРе. Вас кличет.

Ну все, вот и началось. Владимир Петрович был невесел и явно чем-то встревожен.

— Давай, карту, — сразу приступил он к делу. — Вот здесь нужно людей забрать, — он ткнул пальцем в квадратики домов.

Ох ты, господа, от указанного им района до кинотеатра «Россия» с полкилометра всего, до моста и того меньше. Как он мне сам рассказывал, тот район кишит укрепленными позициями боевиков. Интересно, что же будет, если мы запремся прямо к ним в логово?

Да и вообще, будут ли там какие-то люди нас ждать? Сам новоявленный шеф ответа на этот вопрос не знал. Он заученно повторял, что мы должны встретить двух человек, чеченцев, которые отзовутся на пароль «Аслан», и проводить их на Ханкалу. Более idiotской постановки задачи я не слышал. По всем правилам у нас должно быть заранее обусловленное место встречи, знакомое как им, так и нам. Должно быть определено конкретное время встречи, после просроченного времени наша группа, занимающаяся физическим прикрытием агентуры, должна срочно эвакуироваться. Никто нас не прикрывает никаким огнем, никто с нами не взаимодействует. Связи с этими самыми агентурщиками абсолютно никакой.

терять мне было абсолютно нечего, и я все, что думал, высказал Петровичу, он грустно покачал головой, абсолютно не слушая меня, передал мне оранжевую медицинскую аптечку.

— На, тут промедол на всех твоих, отчитываться не надо, он уже списан. Ты продумал, откуда будешь выходить? Я уже своим сказал, что повез тебя на вывод.

Выходить я решил от той самой пожарной части возле водокачки, по крайней мере, если удачно пройдем железнодорожные пути и миную насыпь, то можно будет хотя бы изучить обстановку и попытаться проникнуть в город. От намеченного мною места выхода до точки встречи с агентами было рукой подать.

Петрович одобрил мои действия и спросил, как будем возвращаться. Я решил возвращаться в пешем порядке, как-то мне очень жалко стало КАМАЗ, временно ставший нашим приютом.

Через пятнадцать минут моя группа сидела на БТРе. Я сидел рядом с грустным «шефом» и подсчитывал шансы прибыть с этой задачи живым и здоровым, сохранив личный состав.

Шансов было не очень много. Как оказалось, у Петровича шансов было еще меньше — он выдвигался в город вместе с общей колонной, вот поэтому был не в хорошем расположении духа.

На водокачке скучилось несколько водовозных машин, суеился какой-то грязный военный люд. Невдалеке горела та самая пожарная часть, откуда мы собирались выходить.

Водила БТРа поддал газу, и мы на полном ходу, идя юзом по грязи, подкатились к висающим серым воротам. Бойцы, как горох, сыпанули вниз. Мои меня все-таки порадовали, сразу же откатились от брони, заняли позиции для стрельбы и начали зыркать по сторонам. Отлежались в грязи, осмотрелись и двойками ринулись в дворик. Все пусто. Многочисленные следы мародерства, в парке горят какие-то постройки, административное здание практически целое. Тут я и решил остаться до тех пор, пока не стемнеет и более-менее не изучим обстановку.

БТР укатил прочь. Со стороны города запоздало прилетела пара мин, хлопнули, не причинив никакого вреда. Прислонив бинокль к глазам, я обозрел обстановку на водокачке. Страждущие живительной

Чечня

влаги, бестолково носились и стреляли из автоматов неизвестно куда. Потом выехало несколько БМП из состава сопровождения водовозов. Тонкоствольные автоматические пушки выпустили по несколько очередей по видневшимся вдалеке домам, на том все и успокоилось. Заправка воды продолжилась обычным порядком. Распределив бойцов по наблюдательным постам, я начал обшаривать взглядом близлежащие окрестности, пытаясь воссоединить расстилавшуюся перед глазами местность с обрывками памяти и с корявенькой план-схемой города. Ничего не вспоминалось, а карта отдаленно напоминала действительность. В конце концов я наметил путь выдвижения и вызвал пару бойцов, ходивших у меня в головном дозоре. Конечно, было бы хорошо иметь головной дозор из полноценной тройки, но при нехватке личного состава сойдет и пара.

Бойцы заползли ко мне на второй этаж и, пригibasя, подбежали к окошку, возле которого я вел наблюдение.

— Так, товарищи Котельский и Ежов, слушайте боевую задачу, матросы!

Бойцы привалились спинами к стене и, шмыгая носами, стали выслушивать мои наставления.

— Так как вы у меня головной дозор, то вам и все карты в руки. Сейчас берете мой бинокль и тщательно рассматриваете свой маршрут, нам надо выйти к насыпи напротив вон того дома. Думаю, лучше

мы выполним задачу. Я удивился. Когда? Да черт его знает, когда. Мне погрозили, и связь оборвалась. Потом в течение нескольких часов на связь никто не выходил, про нас то ли забыли, то ли было не до нас. Откуда-то со стороны насыпи по водокачке заработал крупнокалиберный пулемет, поддерживая кочующий миномёт. И опять я не понял, откуда бьют. Потом уже дошло, что установки были подвижными, стреляли скорее всего с кузовов грузовиков. Обстрел перенёсся в сторону дач. Я решил, что пользуясь суматохой можно пробраться к насыпи незамеченными. Через пару минут Котельский и Ежов, выпучив глаза, стартанули и с бешеной скоростью понесли к железнодорожным путям.

Пробежав метров тридцать, они упали в грязь; как только первая пара заняла прикрывающую позицию, резко рванула вторая. Пара добежала до головного дозора, головняк, увидев своих, резко подорвался и рванул дальше, одновременно с головняком стартовала третья пара, я и связист, а потом за нами, как только остановимся, рванет тыловой дозор. Так, бегом своеобразной «гусеницей» при миномётном обстреле мы, почти не останавливаясь, добрались до насыпи. Бежать приходилось то в раскорячку, то высоко поднимая ноги перескакивая через рельсы. На бегу я понял, что барабанный магазин к РПК-С имеет свои недостатки — семьдесят два патрона весьма ощутительно тряслись и бренчали в круглом магази-

Котел очумело мотнул головой, сдал вправо и подбежал к глухой бетонной стене дома. Я специально выбирал такое место для перебежки, чтобы стена была глухая и из окон нас было бы не видно. Я подбежал к Котельскому, развернул Ежа, пыхтевшего у меня за спиной.

выдвигаться перебежками по парам, возле насыпи осторожнее — там скорее всего заминировано. Задача ясна?

Бойцы звалили головами, взяли бинокль и начали осторожно пялиться в разбитое окно, о чём-то в полголоса переговариваясь между собой. Я прошелся по остальным постам, напоминая всем порядок выдвижения. Вскоре стемнело. Лежащий перед нами город расцветился росчерками трассеров. С Ханкалы отвечали адекватно очередями и ракетами.

Начался миномётный обстрел: лупили по водокачке, по дороге и по пожарке. Одна из мин рванула во внутреннем дворе, осколки грохнули по кирпичным стенам, отбивая крошки.

Миномёт бил то с одного, то с другого направления, засечь я его так и не смог. Связист подполз и протянул мне тангенту. Меня спрашивали про обстановку и когда

не. Возле насыпи группа растеклась в линию. Ко мне, надсадно дыша, подполз Котельский.

— Тщ лейтенант, кажись, мины, чо делать нам?

— Котёл, делай то, что учили, кошка с веревкой у Паши...

Боец, пригнувшись, подбежал к замкомгруппы, тот кивнул ему за спину. Котел отвязал самодельную кошку и, сжав моток веревки в руке, стал красться вдоль насыпи, выискивая место наиболее удобное для подъема наверх. Ежов рыснул рядом, прикрывая напарника и зыкая по сторонам. Наконец, обнаружили еле заметную тропку и принялись её тралить, стараясь дергать за веревку под разрывы миномётных мин. С концом траления бойцы отползали все дальше и дальше, стараясь укрыться от ожидаемых осколков.

Наблюдая за манипуляциями суеятшихся невдалеке разведчиков, я с ужасом пришёл к выводу, что я их реально представляю под осколки. Зацепи кошка гранату Ф-1 на растяжке, радиус разлёта осколков которой 200 метров, и хрен бы, что их спасло. Однако все обошлось, путь наверх был протрален. Группа подтянулась к тропинке и головная пара чуть ли не на четырех косях потихоньку поползла наверх. Я с замиранием сердца следил за бойцами, хоть и предупреждал, чтобы не вставали и сильно не высывались, мало ли что?

Чччччччч!! С находящегося от нас примерно в километре слева железнодорожного моста послышалась интенсивная стрельба, и в небо взвилось несколько осветительных ракет, раздалися какие-то вопли, начал гулко ухать танк. Слава богу, ракеты ушли в сторону Октябрьского, и нас это событие никак не коснулось. Головной дозор был уже наверху, поправив подсумки, я натянул перчатки на ладони и, повесив пулемет на шею, начал карабкаться вверх, прихватив с собой веревку с кошкой, чтобы закрепить её наверху, дабы облегчить подъём оставшейся части группы. Бойцы наверху лежали уткнувшись лицом в руки и старались по возможности не высываться. Всё правильно, как и учил. Эх, сейчас бы сюда ТР-8 (трубу разведчика), выставил бы потихоньку и рассматривал окрестности, да жаль нету.

— Что там? — вполголоса спросил я Ежова, находившегося ближе ко мне.

— Чечены бродят, бегают туда-сюда целыми толпами, товарищ лейтенант.

Я осторожно высунулся из-за насыпи. Действительно, недалеко от нас, метрах в двухстах, перемещались еле видимые в темноте фигурки, причём перемещались не хаотично, а вполне осознанно, как муравьи. Пришлось достать из-за пазухи бинокль. Группы различной численности двигались среди домов, но в основном все шли влево, в сторону железнодорожного моста и кинотеатра. Я разглядел и мужиков с бородами, и каких-то пацанов с непонятно чем в руках. Издалека доносились какие-то крики. По дороге проехала пара ГАЗ-66-ых, к которым были прицеплены миномёты, в которых я узнал 2Б-9 «Васильки». В кузовах восседали люди одетые в белые маскхалаты. Как только я увидел маскхалаты и подумал, нахрен они нужны, пошел легкий снежок. М-да, однако, природа, мать её, она здесь работает почему-то не на нас.

И какой, извините за выражение, чу-дак на букву М придумал для нас эту нелепую задачу?

Как мне узнать этот чертов дом? Подходить ко всем подряд и спрашивать? Или вылезти на бруствер и громко орать «Ас-

лаааааааа!!!»... Вот задача так задача. Нахрен этому непонятному Владимиру Петровичу такие же непонятные чечены? Что они ему могут сказать? О передвижении и концентрации боевиков в таких-то районах? Да я это и сам прекрасно вижу. О наличии передвижных огневых точек? Так это разве новость?

Часть группы я поднял наверх, вторую половину оставил с Пашей внизу. Оставалось одно — ждать. Ждать непонятно чего. Ладно, так и поступим, по крайней мере, посмотрим, когда боевики прекратят свои передвижения. Многие окна в домах на удивление светились ровным электрическим светом. Где-то вдалеке тарахтел движок, а мы все лежали и лежали, и снежок постепенно покрывал наши спины, делая нас неотличимой частью ландшафта. Несмотря на то, что я продрог и заledenел, очень хотелось спать и курить. Минометный обстрел прекратился, и откуда-то издалека по городу начала долбить артиллерия федеральных войск. Где-то бухали разрывы, в ночное небо пыхали языки огня. Даже в черном ночном небе был виден смог растливающий над городом. Я тихонечко задом-задом сполз по веревке вниз. Пригibasя, подкрался Паша и спросил, что там наверху?

Я прикинул и, пряча сигарету в кулаке, жадно затянулся и выпустил дым вдоль земли.

— Духи перемещаются, в сторону моста идут, дальше, по ходу дела, на Минутку или Гудермесскую. Чую, Паша, будет замес у наших колонн.

— Командор, так, может, оно и к лучшему, что мы здесь Асланов ищем?

— Чую, что к лучшему, сейчас, наверно, попробуем рвануть к домам. Паша, ты наверху сидишь со связистом, я с Ежиком и Котлом сам пойду. Смотри за нами в оба, ежели что — крой и рвем когти отсюда.

— Боюсь я, командир, что-то, ох, боюсь, даже живот схватило...

— Я сам боюсь, однако помню, что очко десантника в момент покидания борта самолёта способно перекусить лом!!

— Однако не обеспечивает полной герметичности говнобака, — закончил за меня замек. — Ну, что? Я за тобой наверх?

Я кивнул и, повесив пулемёт на шею, начал карабкаться вверх. Когда подгруппа

прикрытия забралась наверх, я решил.с. Вроде, пусто.

— Ну что, вперед, — бросил-выдохнул я паре Котельский-Ежов и ринулся к дороге, перепрыгивая на ходу колдобины. Бежали мы к группе гаражей, за которыми я наметил укрыться после первой перебежки. Мы скачками пересекли дорогу. Котел обогнал меня и, брякая патронами в барабане магазина, прибавил ходу. В висках гулко застучало.

Не повезло нам — дорогу осветили фары, и показался какой-то грузовичок. Через пару секунд нас заметят. Все, приплыли. Мысль вспыхнула и потухла, я даже не успел её распознать, как вполголоса зашипел-заорал, срываясь на визг.

— Котел, на обочину, сука, на обочину к дому давай!

Котел очумело мотнул головой, сдал вправо и подбежал к глухой бетонной стене дома. Я специально выбирал такое место для перебежки, чтобы стена была глухая и из окон нас было бы не видно. Я подбежал к Котельскому, развернул Ежа, пыхтевшего у меня за спиной.

— На корточки садитесь быстрее, закуривайте и молчите.

Через пару секунд мы попали в свет фар убогого грязного ЗИЛа. На ходу открылась дверца, и нам что-то крикнули.

— Ваащ! — заорал я наугад и махнул в сторону моста рукой.

— Аллах Акбаааар! — заорали на нас с кузова, сердце ушло в пятки. Сейчас нас в три секунды оприходуют. И тут мои бойцы то ли по наитию сверху, то ли от наглости заорали в ответ:

— Аллаааа Акбар! — и вскинули руки в фашистском жесте.

В кузове довольно заржали, и ЗИЛ скрылся из виду. Сердце глухо стучало. Пронесло.

Город

Пулеметы с круглыми магазинами, популярные у боевиков, непринужденные позы на корточках, так при-сущие местному мужскому населению, и ответ, попавший чудом в смысл вопроса, нас спасли.

Бойцы молча трясушимися руками за-тушили сигареты, и их глаза с вопросом уставились через прорези масок на меня.

— А, чо, я ничо, я сама опупела, — ответил я фразой из анекдота. — Ну, что, может, пойдем уж, раз так все отлично прошло?

Дальше до дома, обозначенному как район встречи с агентами, решили идти не таясь, тем более, идти всего ничего. Ежов добрал до вентиляционного отверстия, крохотного окошка, выходившего наружу. Взглянул в него и от неожиданности присел, и замахал мне рукой. Я крадучись проковылял к нему и осторожно выглянул в окошко. Прямо напротив нас человек десять бородачей казнили каких-то людей. То, что это казнь, я понял сразу. Приговорённые, человека четыре, стояли на коленях в снегу и понуро смотрели вниз. Один из боевиков, по всей видимости командир, ходил вокруг них и что-то вполголоса говорил, потом пнул кого-то ногой в лицо и отошел в сторону. Приговоренных тотчас же расстреляли прямо в упор с криками и завываниями. Кто это такие были, за что их расстреляли, мне было по барабану. Да и сама казнь впечатления не произвела абсолютно никакого, я посмотрел на Ежова и примостившегося рядом Котельского. Бойцы смотрели отчужденно, как будто видеофильм, испуга или страха я на их лицах не заметил.

— Командир, а что они, друг друга стреляют? — шепотом переспросил Ёж.

— Я-то почём знаю, может, оппозиционеры какие из автурхановских, а они их казнят, хрен пойми.

Тем временем, боевики, переговорив между собой, обошли дом и скрылись из глаз.

Владимир Петрович, описывая мне связников, сказал, что один будет в куртке типа «Аляска» с меховым капшоном. Мне или показалось, или действительно так и было, но один из четверых казненных был именно в такой куртке. Или все-таки бред? Я всматривался, но в темноте ни хрена ничего не

Чечня

было видно. Надо идти и досматривать.

Тихими мышками выбрались наружу и поползли, обдирая локти, по бетонному поребрику вдоль дома. Выползли за угол, вроде, все спокойно. Встали, крадучись пошли. Теперь, когда мы подойдём к трупам, нас будет видно из окон, плевать...

Отряхнулись и, оглядываясь по сторонам, подошли к трупам. Все мужчины приблизительно от тридцати до сорока лет, один как раз тот самый, который был в куртке с меховым капюшоном, подходил под описание, данное Петровичем. Неужто повезло?

Бойцы споро стали обыскивать трупы, а я стащил с еще теплого и податливого тела куртку и накинул её поверх горки, просунув руки в рукава. На улице значительно похолодало, а под горками на нас были только свитера и нательное бельё.

Бойцы, увидев меня в «обновке», поступили аналогично. Один из трупов лишился пуховика вполне сносного и лишь немного испачканного в крови, с другого Ежов стащил длинную кожаную куртку и напялил на себя высокую шапку-формовку под «норку», в результате чего стал похож на боевика, укутавшегося от холода. Документов и еще чего-либо ценного в карманах убиенных не оказалось. Надо двигать обратно, Паша, скорее всего, уже весь издергался. Из того района, где располагалась основная часть группы, пока стрельбы не слышно — значит, всё нормально. В городе на окраинах нарастала стрельба, откуда-то из центра по группировке начала бить артиллерия, совсем неподалеку снова ухнул танк.

Надо сваливать, хотя, если честно, то в подвале было намного спокойней, чем снаружи.

Неспешным прогулочным шагом, покачивая пулеметами, повешенными на шею, мы двигались к месту перехода через дорогу. Вот они, гаражи, вот она, глухая стена, на фоне которой нас прекрасно видно со стороны железнодорожной насыпи.

Я встал чуть ли не в центре стены и, подняв пулемет над головой, помаhal им слева направо. Должны заметить. Всё, пошли через дорогу, прошли и бросились за насыпь. И тут мне чуть не попало — группы на месте не было...

Твою мать! Куда они делись? Паша не дурак и просто так группу бы не увёл, что же могло случиться?

Слава богу, все были на месте, просто я со слепу не заметил своих разведчиков, которых мой замок растянул в боевую линию. Он тут накомандовал, а меня, командира, чуть кондрашка нехватила. Вскоре мой многомудрый заместитель подполз, оставляя за собой широкий след, по месиву из земли и снега и начал рассказывать прямо в ухо, что они тут наблюдали за время нашего отсутствия. Ничего особенного: изредка передвижение людей, шараханье отдельных личностей, выстрелы в глубине квартала — вот, в принципе, и всё. Первая самостоятельная вылазка прошла удачно, если не считать, что мы вместо связников мы несем только окровавленную куртку. Да и ладно, хотя бы это, и то хлеб. Сходили нормально, бойцы себя показали даже лучше, чем я рассчитывал, одно плохо — связи так и не было. Связист, экономя аккумулятор, работал только на приём, однако нас никто не вызывал. По моему возвращению я лично понажимал кнопку настройки антенны, послушал жужжание, повызывал Центр, бесполезно — нам никто не отвечал. Поразмыслив, я понял, что мы снова стали жертвой то ли разгильдяйства, то ли тупости, в том числе и своей.

Скоро, может быть, даже через несколько часов колонны десантуры и мотострелков войдут в город с восточного направления. Соответственно, частоты начали менять, а нам дали старую переговорную таблицу, вот и все.

И вообще пора отсюда сваливать, отходим в ранее обозначенном порядке. Котёл и Еж, проводжаемые завистливыми взглядами, начали спускаться вниз по насыпи. Через несколько минут, когда мы уже были возле здания пожарки, по нам открыли бешеный огонь. Ладно бы со стороны города, а то со стороны водокачки. Пришлось плюхнуться носом в грязный снег и лежать, боясь оторвать голову.

— Считаееемся! — заорал я. — Головяняк начааааалл...

— Первый, второй, — проорала пара головного дозора, и все начали выкрикивать, считаясь по номерам. Все живы, никого не зацепила ни одна шальная пуля, ни один осколок.

Когда же по нам прекратят стрелять, свои же? Кричать что-либо бесполезно, поэтому остаётся только валяться и молчать в тряпочку, ожидая пока федералам надоеет это беспочвенное занятие. Упираясь носом в ствольную коробку пулемёта, я почти что с нежностью подумал о тёплом кузове КАМАЗа и о своём закутке. Лежали мы так минут пятнадцать, беспорядочная стрельба начала перемещаться в сторону от нас. Стреляющие запустили несколько ракет и опять не в нашу сторону.

— Рвёёёё!!! — заорал я благим матом и, подавая пример, первым поднялся и рванул в сторону зданий. Какие там боевые порядки, какая, к чёрту, усталость, я, наконец, так на стометровках не бегал. И все равно меня обогнал резвый Котельский, нырнул первый в ворота и сразу же, скользя в сторону, свалился за груды кирпичей. Я, отпрыгнув вправо, упал возле дыры в полуразрушенном заборе. Последним в группе как положено бежал заместитель. По пятам за Пашей, буквально в нескольких сантиметрах, проследовали фонтанчики от пуль. Старший сержант рыбой нырнул в дыру, через которую я наблюдал, чуть не сбив меня с ног, перекатился, громко ругаясь матом. Сразу же кирпичная стена начала крошиться на мелкие осколки от впившихся в нее пуль. Наше передвижение заметили и с удовольствием продолжили обстрел. Я лихорадочно вспоминал опознавательные знаки, сколько там ракет и каких надо пускать? Вроде две красные и одна зеленая. Хотя сейчас, в преддверии наступления или просто так, могли поменять. А, будь, что будет. Я достал из подсумка одну красную, одну зеленую и запустил их поочередно. Может, мне и показалось, но стрельба

утихла. По крайней мере, стреляли по нам уже не так интенсивно. Потом стрельба вообще смолкла. Через пару минут со стороны водокачки запустили красную и зеленую. Я ответил оставшейся зелёной. Стали ждать развития событий. Минут через пятнадцать к нам выдвинулись две БМП, за ними перебежками двигалась пехота. Не доезжая метров сто до укрытия моей группы, броня остановилась, пехота

залегла. Нам начали орать какую-то чушь, спрашивая пароль и вскую другую хрень. Пришлось проорать им про майора-инженера на водокачке и что мы разведчики, которых вчера вечером привозили на БТРе. Потребовали, чтобы вышел командир с высоко поднятыми руками. Пришлось, сняв куртку убитого связника и оставив автомат Ежову, выйти за ворота

ния мины. Сам, приказав Котельскому держаться рядом со мной, побежал к БМП. Растолкав солдат, я вскарабкался на башню одной из них. Майора водокачки видно не было. На расспросы, куда делся старший, бойцы ошумело мотали головами и жались ближе к броне. Обстрел не утихал, мины ложились всё ближе и ближе. Постучав прикладом

Сам, приказав Котельскому держаться рядом со мной, побежал к БМП. Растолкав солдат, я вскарабкался на башню одной из них. Майора водокачки видно не было. На расспросы, куда делся старший, бойцы ошумело мотали головами и жались ближе к броне. Обстрел не утихал, мины ложились всё ближе и ближе.

и поднять руки вверх. Меня осветили и заорали, чтобы подошёл поближе. Ну, всё ясно, сейчас начнут тыкать стволами в морду, дышать пьяным перегаром и допрашивать, кто я такой. Так оно и случилось, свои мотострелки меня же чуть и не грохнули. Лиц окруживших меня федералов я не разглядел, да и слава богу, думаю, ничего интересного я не пропустил. На моё счастье начальник водокачки был на броне и опознал меня, да и то после того, как я напомнил ему про пожарную машину.

Меня отпустили, подождали, пока я выведу группу, и пока я шёл к своим, размышляя о военном счастье, со стороны железнодорожной насыпи послышался свист, и прямо в гущу пехоты, столпившейся возле брони, прилетела мина. Народ разбросало в стороны взрывом, многих посеколо осколками, а кого-то разорвало в клочья. БМП стали крутиться на месте, давя жутко орущий личный состав. Я со всех ног кинулся под защиту зданий пожарки.

Немудрено накрыть группу пехоты и пару боевых машин, которые несколько минут назад бестолково палили в черную чеченскую ночь, обозначая себя на местности. Скорее всего в пятиэтажках со стороны дороги на чердаках налажена система наблюдения. Наблюдатель засек огневые позиции и вызвал по радиостанции передвижные миномёты, которые сейчас и ведут по нам огонь из-за обратного ската насыпи. Достать миномёт невозможно, как бы не задирали наводчики-операторы стволы — пушка 2А42 не может стрелять по навесной траектории. Надо просто согнать с чердаков наводчиков. Однако БМП одна за другой вломились в тесный дворик, в котором укрывались мы, за ними с перекошенными лицами начала забегать пехота. Я криками загнал свою группу в административное здание на первый этаж. Надеясь, перекрытия нормальные, выдержат попада-

пулемёта по люку, я извлек на свет божий перпуганного бойца в танковом шлемофоне.

— Пушка работает, стабилизатор в порядке? — проорал я ему прямо в лицо.

Боец испуганно закивал головой.

— Ну-ка, покрути «чебурашкой» (пульта наведения), только осторожно!

Боец передернул ногами, пушка легонько скользнула вверх-вниз, влево-вправо (особый шик у наводчиков, наводить пушку и спаренный пулемет ногами).

— Вылазь, двигай со мной, сейчас цели укажу. И второго выдергивай...

Боец быстро выпрыгнул перебежал, как обезьянка вскарабкался на вторую броню и вытащил точно такого же чумазога и испуганного наводчика. У этого, к счастью, тоже работало всё и стабилизатор наводки был исправен.

— Наводчики, вот видите вон те пятиэтажки? Надо лупить по верхним этажам и по крышам. Ты едешь первый на своей броне, берешь первые две крыши, ты — второй — остальные три... Все поняли? Механики всосали?

Бойцы закивали. — Как цели в прицел взяли, так и держите их на стабилизаторах огня и лупите даже в движении, работайте короткими. Механики, скорость движения маленькая, за вами с левого бока пойдет пехота, возле первого разрыва, где вас накрыло, короткая, забираем трупы и раненых. Наводчики, во время коротких темп стрельбы повыше, я поеду на первой броне на месте старшего стрелка...

Механики и наводчики кинулись по своим местам. Прибежал Паша, выслушав меня, стал пинками поднимать мотострелков. Своих разведчиков я распределил поровну за каждой машиной по своим парам, приказав во все глаза наблюдать друг за другом.

Ну, все вроде готовы. Мины все еще рвутся, уже парочка прилетела совсем рядом.

Город

Распластавшись на месте старшего стрелка и свесив ноги внутрь люка, я напялил шлемофон. Какая радость — внутренней связь работает, да тут можно воевать и воевать!

Нажал тангенту ТПУ (танковое переговорное устройство), все меня слышат: и механики, и наводчики. Поехалииии.

Моя броня взбрыкнула и, сбив еще болтавшуюся створку ворот, выскочила наружу.

— Наводчик, первые цели начааал! — заорал я, почувствовав себя словно на родном училищном полигоне. Пушка полетела, захватила цели и начала бодро выплёвывать тридцатимиллиметровые снаряды. Пехота, струсившись возле левого борта, пригibasя засеменила рядом.

— Вторая, пошлааа, наводчик, вторые цели....

Вторая БМП выскочила за забор, пушка через несколько секунд начала вести огонь по обозначенным крышам. Цели в захвате и методично обрабатываются огнём. Миномётный огонь стал реже и не такой интенсивный. Первая БМП остановилась, в открытые кормовые двери начали затаскивать раненых и убитых. Я оглянулся, ища взглядом своих. Вот один из моих разведчиков тащит в руках что-то типа ноги и, размахнувшись, забрасывает это «нечто» внутрь десанта, открывает рот и беззвучно орёт на какого-то длинного нескладного бойца-мотострелка в скособоченном бронежилете и шапке-ушанке с развязанными ушами. Подскочила вторая броня, закидали остатки раненых и убитых.

— Давай! — заорал я механикам. Боевые машины снова, вздрогнув, начали набирать скорость. Миномётные разрывы шли по пятам за отступающей колонной, но как-то все в отдалении сбоку и особого вреда не приносили. Еще несколько мин разорвалось вокруг здания пожарки. Обстрел прекратился. По моей команде наводчики прекратили огонь.

Всё, слава богу, добрались до водокачки. Можно передохнуть и думать, как нам дальше добираться до своего пункта временной дислокации и доложить товарищу Петровичу о выполнении задачи или о невыполнении?

Вызвав Пашу, я устроил маленькое совещание, решили, как только рассветёт, выдвигаться к себе. Пойдём напрямую, через аэродром, попытаемся сократить путь.

Связист уныло понажимал тангенту, бесполезное занятие — связи нет. Связи нет даже здесь, неподалеку от штаба. Чудные дела твои, господи, особенно в сфере распространения электромагнитных волн.

Мотострелки занимались своими ранеными и убитыми.

Чечня

Алексей Муратов

Майор. Участвовал: Чечня

<http://www.navoine.ru/authors/murатов-aleksey>

ЛЕГИОНЕР. КОНВЕРТ

Американские горки, вы говорите? Я искренне не понимаю людей, отдающих свои деньги, чтобы получить за это порцию адреналина. То ли дело... Впрочем... Каждому свое.

Вертушка выписала еще одну замечательную петлю и выдала россыпь ракет. Водила явно скучал по лаврам Шумахера. Резкий хлопок раздался, конечно же, неожиданно. Резко упали обороты двигателя. Земля начала приближаться. Приближаться — сказано слабо. Высота и без того была от силы метров 20–25. А тут земля просто закрыла собой небо. Нечто похожее бывает, когда ныряешь с семиметровой вышки. Поразительное сходство, разница только в том, что ныряешь не в воду, а в землю, и летишь не вертикально, а несколько под углом. Второй летчик с одним из пассажиров сумели выдернуть из-за штурвала выстегнутого динамическим ударом пилота. Второй немедленно прыгнул на освободившееся место и сумел-таки выровнять вертолет из диагонального падения у самой-самой земли. За это время сидевшие внутри в качестве то ли десанта, то ли пассажиров, из непонятных побуждений сгребли все вещи и сумки, все барахло к хвосту вертолета и приготовились кто выживать, кто умирать. Вертушка медленно-медленно поднялась на высоту метров 15, повисела, как бы раздумывая, и так же медленно двинулась вперед. Пилот в кабине напоминал дикобраза, а-ля вид сзади — именно так торчали и летали по кабине его волосы. Два офицера в салоне пытались привести в чувство лежавшего на полу без сознания летчика. Даже не сняв с него наушники с микрофоном, они хлопали его по щекам, трясли, тормошили. В конце концов, после того, как ему сунули под нос вскрытую ампулу с нашатырем, тот затряс головой и открыл глаза:

— Хорош, нах...! Ворона е...ная. Ух!!! Живы...

Народ в салоне смотрел на все это с натурально суевверным ужасом. Только что все побывали на том свете и только что с него благополучно вернулись. Вроде бы вернулись. Должны вернуться. Вот долетим, сядем, и, значит, — точно — вернулись. Вторая вертушка вела нашу, встав метрах в пятидесяти справа и метрах в пяти-семи выше. Пассажиры, у кого было

оружие, заняли места у открытых иллюминаторов. Мы пролетели еще сколько-то там километров и сели благополучно. После посадки, когда уже заглушили двигатель, в салоне вдруг повисла тишина. Никто не мог сдвинуться с места. Наконец открылась дверь к летчику, и оттуда к нам на пол выпала мертвая ворона.

— Шахидка! — сказал кто-то устало и начал хлопать в ладоши. Остальные его поддержали.

— Ура летчикам!!! Ура летчикам!!! Ура! Ура! Ура!

Поставили трап. Вышли. Я обернулся. Один из наших, пройдя несколько метров, вдруг сел на землю.

— Пошли, давай, встречают вон, — сказал я, подошла к нему.

Он виновато улыбнулся.

— Сейчас, ноги че-то вдруг отказали, покурить бы надо...

Кто-то уже достал из сумки спирт и, отхлебнув его прямо из горлышка, передавал бутылку следующему.

— Неразбавленный, — понял я, сделав пару-тройку глотков...

— Ты когда обратно? — спросил меня мой товарищ вечером этого же дня. Мы сидели с ним в КШМке, любезно предоставленной мне до утра до ночевки.

— Вроде завтра. Дела порешаю свои — и назад.

— На вот. Поищи там у себя. Три дня таскаю.

Он достал из кармана сложенный примерно четверо тетрадный листок, сжатый для верности канцелярскими скрепками.

— Фамилия есть, имя есть. Номера части нет. Ищи его.

Я уже знал, что это за листочек и ...

— Что в нем? — не беря его в руки, показал я глазами.

— Да деньги там. 600 рублей. Мама бойца какого-то передала кому-то, чтоб, значит, ему передала. Поищи, а?

— Нет, Саша, не возьму. Шестьсот, говоришь... Четыре сотни и четыре полтинника, верно?

— А ты откуда знаешь?

— А то ты не догадываешься? Я ж его тоже искал. Мне его в Моздоке, пакетик этот, передали. Еще в апреле. А сейчас

вроде уже октябрь. В нашем районе я такого не нашел, всем отдавал, мне ж его обратно и вернули, я его потом в другой район передал. Теперь, значит, он у тебя оказался? Сколько ж это письмо ходит уже? Там же даты отправки нет...

— Нет! — кивнул Саша. — Ну что ж, будем искать дальше...

Любая война — смесь грязи и крови. Я слышал, как поют птицы и ничто не напоминает о войне, а в ста метрах только что прошел тяжелый и кровопролитный бой и там загружают сейчас на броню раненых. Я неоднократно слышал о преступлениях, совершенных на войне за деньги или ради денег. Шестьсот рублей, скажете вы. Они того не стоят. Конечно, нет. Но никто, повторю, никто не взял себе эти четыре сотни и четыре пятидесятки. Знаю по себе. Были дни, когда не на что было купить сигарет. Сигареты, как ни странно, тоже стоят денег. А в кармане вот этот вот самодельный конвертик, а в нем... А солдаты, получающие совсем небольшие деньги, и те конкретно нерегулярно? Этот конвертик проходил же и через их руки.

И вот он — передо мной, а в нем четыре сотни и четыре пятидесятки. И несколько строк:

«Юра! Тут ребята в командировку поехали. Попросила их передать тебе немного денег. У нас все по-прежнему. И мы тебя ждем. Мама».

Может быть, судьба сохранила мне в тот день жизнь именно для того, чтобы я вновь увидел эти строчки. Может быть, я летел в тот день с теми, кто тоже хотя бы раз держал его в руках, и всем нам — сегодня — зачислись эти нетронутые нами четыре сотни и четыре пятидесятки.

Александр Карасёв

ЗАПИСКИ БЫВШЕГО ВЭВЭШНИКА

Первый день

В строю из семи новобранцев, в сером стареньком пуховике, во главе с молчаливым капитаном я иду от станции уже километров восемь. Дорога сворачивает вниз влево. Я замечаю давно не крашеную табличку на изогнутом ржавом штыре: «Учебный центр в/ч 3262».

Из плохо освещенного пространства казармы навстречу выходят и выходят солдаты, их длинные огромные тени скачут по стенам просторного, как спортзал, помещения. Мы зажаты всем навалившимся и нашими страхами, но они настроены миролюбиво:

— Откуда, пацаны? — наперебой налетают обитатели казармы.

Эхом отдаётся в груди ответ рядом стоящего татарина: «...Йошкар-Олы...»

Земляков не находится. Мы, потевшие популярность, тупо озираемся. Затем, в бесформенных, не по размеру, шапках, слежавшихся мятых шинелях без знаков различия, одинаковые, как все только что переодетые в военную форму люди, попадаем в большой строй.

— Ста-на-вись, р-равняйся, ир-р-ра, равнение на... средину. Товарищ капитан, ррота на вечернюю поверку построена, заместитель командира взвода сержант Аверченко...

— Вовкотруб.

— Я.

— Селиванов.

— Я.

— Кузнецов.

— Я...

Я вбегаю в морозную темень и сразу отстаю. Неумело намотанные куски плотной ткани причиняют боль ногам. Тусклый свет распахнутых настежь окон мрачно освещает одинаковые ряды двухэтажных зданий. Вчера вечером нас привели в казарму, когда было уже темно, и утром я совершенно не понимаю, где нахожусь и куда бегу. Леденящий воздух пронизывает хэбэшный камок.

Весь первый день я соскабливаю обломком стекла остатки затёртой краски

с половых досок, а после ужина до поздней ночи пришиваю исколотыми пальцами кровавого цвета погоны к шинели и забываюсь крепким солдатским сном.

Это срок

Утром сержант отводит меня в медпункт. У меня воспалены гланды. Мне жарко в шинели. Я растёгиваю крючок и получаю первую в армии затрещину.

Очень высокий санинструктор медленно записывает мою фамилию в журнал и даёт мне градусник. Внезапно он поднимает голову и в упор задаёт вопрос: «Сколько отслужил, лысый?»

Думая, что это нужно для журнала, сбитый с толку, я отвечаю: «Два дня».

— Это срок!

Нам, молодым, на койках подолгу лежать не приходится. Через каждые час-полтора в коридоре раздаётся:

— Духи и слоны, строиться!

Как заключённые, стриженные, в синих больничных куртках и штанах, мы выстраиваемся в узком коридоре, и двухметровый санинструктор производит скорый развод:

— Ты и ты — туалет, чтоб был вылизан, время пошло, двадцать минут — доклад. Лысый — коридор. Чумаход — на кухню...

Военная медицина

Уколы пенициллина, построения, ежечасные уборки, дедовщина, организованная санинструктором, за четверо суток ставят меня в строй. Теперь я всю свою службу, да и жизнь вообще, стараюсь избегать медицинских учреждений.

Военная медицина отличается простотой, надежностью, а главное, однотипностью средств воздействия на любое заболевание. Анекдот о начмеде, достающем из одного ведра таблетки и от желудка, и от головной боли, и от ангины, не выдуман армейскими остряками, я сам наблюдаю его в санчасти учебного центра, таблетки — это простейшие антибиотики.

Чечня

Кривое зеркало

Армия — порождение и отражение мира гражданского. Но отражение в кривом зеркале. Отражение искажает и преувеличивает, выворачивает наизнанку и превращает в пошлость привычные для человека представления о том, что хорошо, а что плохо, о мере дозволенности, культуре, морали и чести, о дружбе и о войне.

На учебном сборе наш старшина роты прапорщик Геворкян объясняет, что утром мочиться нужно, выбежав из казармы, «дабы ценить труд дневальных, убирающих туалет».

Скоро развод

«Рр-р-ас, рр-р-ас, рас, два, три. Песню запе-вай».

Наши глотки вытягивают: «Ой, ты, мама, моя ма-а-ма, вы-слу-шай-ме-ня-а-а-ты. Не ходи! не ходи! со-мно-ю, ма-ма, да воен-ко-ма-та...»

Офицеры уже завтракают. Нам видно их сквозь заиндевевый павильон. Сегодня день присяги. Строевые песни забивают одна другую: «Россия, любимая мая, рад-ные берёзки-тополя... Эй, комроты, даёшь пулемёты...» Наконец взводы выстраиваются у входа в столовую.

— Справа, по одному...

Мы змейкой сыплемся в тепло.

Я быстро глотаю слежавшийся на пластмассовой тарелке овёс и наблюдаю в большое запотевшее стекло за медленно приближающейся тучной фигурой подполковника Алтунина. Скоро развод.

«Та-а-а-к» — неуклюже и удушающе вползает в столовую. Офицеры выкатываются из зала, на ходу застёгивая бушлаты. Я допиваю фиолетовый кисель.

— Р-рота, закончить приём пищи, встать!

Не расстраивай меня

Я бегу на плац и на фоне серых фигурок солдат вижу лейтенанта Цыганкова.

Чечня

Его взвод отрабатывает выход из строя и подход к начальнику. Забывая отдать честь и путаясь в полах шинели, я вытаскиваю из себя запыхавшееся: «Товарищ лейтенант... там аттестация... зовут ваш взвод...»

Раскатиasto через «кар-р-р-р», срывая ворон с ободренных веток, молодцеватый лейтенант орёт: «Взвод! закончить занятие, строиться!» Отливающий новой коричневой кожей офицерский планшет вмещает исписанные листы, повисает на тонком ремешке. Я бегу в штаб. Солдаты облепили стены. Я протискиваюсь в кабинет и только усаживаюсь на своё писарское место, входит Цыганков, здоровается с Ивлевым и плюхается на стул рядом со мной.

Майор Ивлев, худощавый, с выцветшими глазами, голубенькой ленточкой медали «За отвагу» на орденской планке, проводит аттестационную комиссию стремительно.

Цель — распределение новобранцев, только что принявших присягу, в учебные подразделения специалистов и младших командиров внутренних войск. Мы, такие же желторотые писаря, готовим списки, личные дела, не вылезая из штаба две недели (на втором месяце службы я оценил этот подарок судьбы и очень старался).

Комиссия отбирает лучших, то есть с группой здоровья «1» и средним образованием. На некоторые специальности допускаются «двойка». Оставшиеся бойцы, с неполным средним и с недостатками здоровья, должны влиться в полк сразу после окончания «курса молодого бойца».

Заявки на сержантов частей оперативного назначения и разведки, специалистов станций связи, водителей БТР, сапёров, кинологов идут непомерные. Начальство торопит с отправкой команд. Запас среднеобразованных быстро тает. Мы по указанию майора в личных делах в графе «образование» затираем приставку «не». Получается новая разновидность образования — «полное среднее». С просто средним выбрали во всей роте и в экстренном порядке отправили в учебки — в Питер, Пермь, Шахты — ещё на прошлой неделе.

Из-за спешки списки составляются нами заранее с учётом только формальных данных. Желание кандидата на учёбу по той или иной специальности требуется и обязательно «учитывается».

— Тэ-эк... ты у нас Бесфамильных... — Ивлев смотрит в список и видит напротив фамилии «Бесфамильных» ручкой выведенную запись «кинологи». — В кинологи пойдёшь, Бесфамильных?

Бесфамильных не знает, что делать с руками, что-то мнёт сосредоточенно, прячет их за безразмерную шинель и опять мнёт.

— Та нет, мне говорили... Я бы в сержанты хотел.

— Ха! В сержанты... Ты представляешь, что это такое?.. Постоянно в грязи, в окопах по уши. А тут тебе тепло, собачки. Не служба — мечта! Пиши, Кузнецов, — желает получить специальность «кинолог».

— Тэ-эк, Вечерин... мы посмотрели на результаты твоего обучения, молодец. Решили направить тебя в сержанты. Да вот и командир твой рекомендует (Цыганков улыбнулся), ты как?

На простоватом лице добродушного нескладного сибиряка появляется улыбка, быстро сворачивается, в глазах мольба.

— Та-ва-рищ майор. Я в кинологи хочу, меня и ихний прапорщик обещал. Я собак люблю.

— Слушай, Вечерин, не расстраивай меня, какие кинологи? Ты представляешь, что это такое? Постоянно в грязи по уши, с этими собаками, вонь, без продыху. То ли дело сержант, командир, всегда в тепле. Уволишься — в милицию пойдёшь. Пиши, Кузнецов, — желает быть сержантом.

Загасился

В армии все имеют клички. Я, Студент, обладаю редким для солдата умением работать на компьютере. Окна штаба выходят на спортгородок, и я наблюдаю за тем, как ребята из моего взвода по двое носят железные трубы, копают ямы в мёрзлой земле и разгружают машину

с кирпичом. Во время одного из построений на обед от сержанта я получаю «орден Сутулова», за то что загасился. Это мелочи, ведь моё воображение уже с трепетом рисует радужные картины кабинетного уюта. Строевая служба бойца-первогодка — плохое подспорье для романтики, к передвижениям по полю с автоматом я уже не стремлюсь.

Однако моя военная судьба недолго улыбается. В один из дней, когда писанины уже не так

много, начальник группы по работе с личным составом майор Батин предлагает мне подшить ему китель, и, отказавшись, я сначала оказываюсь в строю, а потом с последней командой еду учиться на командира отделения разведки.

Учебный полк

Мы сидим в просторном, брежневских времён, актовом зале. С трибуны, затерянной на необъятной сцене, под довлеющим золотым орлом на красном щите, взлохмаченный и седенький и от этого всего похожий на воробья, говорит командир учебного полка полковник Рафаев.

По-военному сумбурно, путаясь в стандартном наборе фраз, он пытается заострить наше внимание на нестабильности международной обстановки и внутренней обстановки, затем подробно рассказывает о сложностях с обмундированием офицеров полка и обещает, что никто по выпуску из учебного подразделения ни в какие горячие точки не попадёт, если сам не захочет, а кто будет стараться, вообще останется здесь сержантом.

Потом я бегу по лесу в противогазе, бегу и ничего не вижу оттого, что выптащил мешающий дышать клапан и стеклянные глаза противогаза плотно запотели. По тактическому полю я вбегаю в лес и, петляя между деревьями, удивительным образом не налетаю на них резиновым лбом.

Это приказ!

Я не терпел давления. И я знал, что эта моя черта пагубна. В ситуациях, когда был в подчинении, я умирал свой характер. Я давал фору власти над собой, а потом с большим трудом отыгрывал очки, с кровью выплёвывая зубы и часто оказываясь за бортом.

Это было ошибкой. В детстве мне внушили взрослые: нужно слушаться старших. Откуда им было знать, что я попаду в армию, и дежурный по роте старший сержант Остапенко прикажет мне, дневальному, вытащить рукой из очка провалившуюся туда по моей вине половую тряпку.

Он так и скажет: «Это приказ!»

Тишина

В армии опасность быть задавленным морально и физически исходит отовсюду. Всё потенциально враждебно: сослуживцы, командиры, техника, пища, холодный воздух и жара.

Даже тишина в армии представляет собой угрозу. Тишина наваливается в наряде по роте, когда всё погрузилось в сон, а тебе спать нельзя. Тишина опутывает своей невидимой сетью в карауле на посту. Ты думаешь об этом, но мысли не слушаются тебя.

Тишина для военного человека часто означает смерть. Поэтому в армии все разговаривают громко, ночью горит свет. Поэтому в армии нет тишины.

Тёмная

В столовой учебного полка на обед дают полную жестяную миску перловой каши, от которой тело приобретает состояние наполненности, и тогда обжигающий, с еловым привкусом дым крепкой дешёвой сигареты приносит не сравнимое ни с чем наслаждение.

Но курить возле столовой нельзя. Это большой грех, как говорит командир третьего отделения младший сержант Ковтуненко. За это попавшийся собирает все окурки у столовой в свою шапку, марширует с шапкой в протянутой руке впереди строя до казармы и под хохот избежавших кары курильщиков ссыпает окурки в урну. Мне всегда удаётся покурить незамеченным, но однажды коварный Ковтуненко устраивает настоящую засаду и вылавливает меня.

Строй взвода развёрнут фронтом ко мне, на лицах злорадные, в предчувствии бесплатного зрелища, улыбки. Я один, и они ждут. Но я твёрдо решаю, что собирать бычки не буду. Всё послеобеденное свободное время мы стоим перед столовой по стойке «смирно». Я перехватываю колкие, полные ненависти взгляды. Я понимаю, что будет потом, но отступить не могу.

Записки бывшего вэвэшника

На общегосударственной подготовке, которую проводит замполит роты капитан Доренский, за спиной я слышу как гадина ползущий шёпот: «...зачморить...» После отбоя я закрываю глаза, но не сплю. Я заново проживаю прошедший день. Передо мной стоит сначала злорадно улыбающийся строй, а потом ненавидящий. Мне не стыдно, но я стараюсь не смотреть им в глаза. Я знаю, что мне нужны силы. Проектор памяти прокручивает особенно часто кусок ленты: отполированный до лакированного блеска ботинок Ковтуненко, ловко поддевающий и отправляющий футбольным движением в заплёванное пространство между мной и строем бычки; и фраза, брошенная голосом неформального взводного главаря Борисова: «Он лучше нас!»

Проходит час или больше, я слышу, как в дальних закутах расположения собирается и постепенно нарастает гул. Чувство опасности будит. Я стягиваю навалившийся было сон. Шаги приближаются. Я открываю глаза и вижу, как расползаются по погружённой в полумрак стене и с ребристыми бетонными перемышками потолка длинные, безобразно искажаемые плоскостями помещения тени. Я поднимаю голову — крадущаяся по-крысиному из углов и межкроватьных промежутков толпа будто замирает. В проходе мелькает противная улыбка на всё сделавшееся грушеподобным широкое лицо Борисова. Я пытаюсь вскочить на ноги, но с кровати сзади накидывают одеяло. Тёмная. Удары через два одеяла не больны. Здесь скорее символический моральный эффект унижения. Меня держат, но я вырываюсь из-под одеял, вскакивая, наношу снизу два чётких удара в подвернувшееся лицо Ломовцева. Два хороших удара... хлёстких и с хрустом, и тяжёлый армейский табурет проваливается меня в обдающую жаром и холодом одновременно, сырую и липкую чёрную пропасть...

В объяснительной записке замполиту я пишу, что поскользнулся и упал. Оче-

видно, дневальные не протёрли насухо пол, и Ломовцев тоже споткнулся и два раза ударился о билье кровати. Эти билье в армии такие крепкие, что на Ломовцева страшно смотреть, левая половина его лица распухла, глаз заплыл и налился кровью. Капитан Доренский долго пытается нас, но так ничего и не добивается.

Старший сержант Остапенко

Расположение разведроты на третьем этаже кирпичной, постройки шестидесятих годов, казармы. Заместитель командира второго взвода старший сержант Остапенко занят построением своего личного состава.

По команде «Строиться вниз» мы должны сбежать по лестнице, обогнав товарища старшего сержанта, построиться и при появлении его в дверном проёме заорать: «Смирно!» Нас почти тридцать человек, лестница узка, кто-нибудь всегда не успевает, следует команда: «Отставать. Строиться вверх!»

Остапенко, наигранно картинно, по-демпельски медленно, спускается по лестнице. Он давно уже в силу своего высокого инструкторского положения сжился с этой ролью уставшего до крайности от «длительной» службы начальника-ветерана. Всем своим видом он будто говорит: «Как мне всё надоело, и особенно эти бестолковые духи». В этом спектакле, да и в грандиозном театре под названием АРМИЯ вообще, его лицо принимает дембельскую маску апатии, подобно тому, как на лицах офицеров всегда маска презрения, по которой намётанному глазу легко узнать офицера и в гражданке.

Мы слетаем по ступенькам уже как акробаты, теперь не получается со «смирно». Остапенко выходит, а «смирно» звучит не сразу. Команду должен подать один человек, а мы в суматохе не решили, кто это будет. Потом команда подаётся, но кто-то нечаянно толкнул Остапенко на лестнице, и он недоволен: «Строиться вверх!»

Проходит полчаса, а Остапенко не может добиться слаженности, он устал, ему надоело хождение по ступенькам, и он просто высовывает круглую, с мелкими чертами лица и чубчиком голову из окна для того, чтобы крикнуть: «Отставать!» И мы не несёмся, а уже еле волочимся по лестнице вверх.

Когда всё как нужно, и скорость, и «смирно», старший сержант Остапенко не-

Чечня

хотя спускается. Ломовцев опять во всю силу лёгких орёт: «Смирна!», и мы бежим в столовую. Бежим, потому что время на приём пищи истекло. За грязными, с обедками, столами мы за одну минуту запихиваем в себя то, что осталось после сапёров и пехоты, заливаем это холодным чаем, и снова бежим. Теперь мы не успеваем на тактику.

Разведрота

Марш-бросок вечен, он переходит в пытку. По утопанному нескончаемыми тысячами сапог тактическому полю, не разбирая дороги, сквозь вязкие брызги луж, мы бежим и по команде переходим на шаг. Я иду. Я иду, и не могу больше идти, ноги пудовыми гирями сковала усталость. Но нагруженные вещмешками спины уходят вперёд, отставать нельзя... Я иду за ними, и не могу идти... А сквозь пелену сознания проносятся команды: «Приготовиться к бегу!»...

В пять утра нас поднимают по тревоге. Мы получаем оружие, и около шести рота начинает движение.

Каждый взвод идёт во главе с замкомвзводом по самостоятельному маршруту с ориентирами и азимутами. В 8.00

скакиваем на бетонку и непрерывно бежим минут сорок, благо ноги уже не те, что в начале службы... Дымок полевой кухни мы находим только в 11.45.

Руководство ротой капитаном Филатовым

После школы я пытался поступить в Рязанский военный институт воздушного-десантных войск, но не прошёл по конкурсу и офицером так и не стал. Не стал я и сержантом, пройдя подготовку по специальности «командир отделения разведки».

Моим командиром роты в учебке был капитан Филатов. Он вызывал во мне отвращение тем, что после отбоя являлся пьяным в казарму и отпускал наших сержантов-инструкторов за определённую плату в самоход. Само по себе это уже не вписывалось в имевшийся в то время в моем сознании, заложенный книгами и фильмами, образ «офицера — человека чести», но основная беда была в том, что для оплаты своих походов сержанты забирали у нас почти все наши скудные деньги.

Военный человек постоянно на боевом посту. Даже если солдат находится на втором году службы и целый день тыняется без дела, он занят защитой Родины. Поэтому командир не говорит солдату: «Отдыхай». А говорит: «Занимайся».

собравшаяся рота должна завтракать на поле в лесу, в месте общего сбора. Взводы вышли через КПП-2. Первый взвод свернул по развилке вправо, чуть позже разделились маршруты третьего и второго.

До места сбора не больше десяти километров по лесу, и два часа на их преодоление тренированным разведчикам более чем достаточно. Но ни замкомвзвод, ни командир второго отделения младший сержант Верещагин о движении по компасу с заданными азимутами не имеют никакого представления. Задача оказывается не простой.

Когда мы, отсчитывая пары шагов от развилки, не находим уже первый ориентир «перекрёсток лесных дорог», становится понятным, что на второй мы тоже не выйдем. После того как Остапенко говорит: «Ну их нахуй эти пары шагов, я помню, мы туда ходили, когда я ещё курсантом был», — движение разведгруппы принимает спорадический характер.

После 8.00 нам всё чаще приходится переходить на бег. Около девяти мы вы-

В первые дни южного лета 1999 года, перед самым выпуском, когда мы уже изготавили бегунки с уголками младших сержантов и изрядно расслабились, хриплое «Стой!» оборвало движение взвода в столовую.

Я увидел презрительно сверкнувшие из-под козырька фуражки кроличьи глаза ротного... «Кругом, на исходную, бегом-марш!» «Расслабились! Кругом, на исходную... Кругом...»

Нас обгоняли усмехающиеся взводы, и наше воображение рисовало страшные для солдатского желудка картины пустых котлов, пайка неумолимо заканчивалась, а мы, каждый раз не доходя последних метров до столовой, разворачивались и бежали назад.

Когда толпоподобный строй сапёров показался за плащом, а это означало, что через пять минут в столовой будет делать просто нечего, мы, не сговариваясь, рассыпались в разные стороны, растворившись в раскалённом июньским солнцем воздухе.

Ночью взвод поднял трезвый Филатов и в комнате досуга заставил писать

объяснительные. Раздираемый яростью, на сером листе я написал: «...Руководство ротой капитаном Филатовым подрывает моральные устои личного состава, негативно сказывается на дисциплине...»

Солдат ребёнка не обидит

В поезде сопровождающий нас в родной полк старлей заезавал в купе пышнотелой проводницы. С Колесом, пользуясь моментом, мы устремляемся на «экскурсию» и сначала, в последнем плацкарте нашего вагона, присоединяемся к игравшей в карты компании старшеклассников, парней и девушек.

Я учу их игре в «сто двадцать». Знакомство наше мимолётно, какими бывают сотни тысяч знакомств в жизни, и моя память не воспроизводит черты лица этих людей. Запомнились лишь предававшееся мне чувство той беспечной лёгкости, которая присуща ещё не столкнувшейся с жизнью молодёжи, и смешливые ямочки на щеках одной из девочек. Нам весело, но не сидится на месте, дух искателей приключений несёт нас по вагонам дальше. Чего мы ищем, мы сами не знаем.

— О, солдаты!.. Давайте, пацаны, вмажьте.

Трое мужиков вогнали в себя уже приличные дозы водки. Они сами когда-то служили в Германии и на Украине. Они наливают нам водку и не хотят отпущать. Один говорит, что он бывший спецназовец, я долго доказываю ему, что никогда не был в Саратове. Нам много не надо. Мы молоды и не брали в рот спиртного полгода. Нас спасает то, что они начали выпивать давно и валятся спать.

Уже ночь, мы в потёмках пробираемся по спящему поезду. Я успеваю открыть дверь туалета, меня рвёт. Колесу тоже не лучше. Мы теряем друг друга из вида. Бросает уже меньше, и я замечаю на проходной нижней полке не спящую, а улыбающуюся моему виду знакомую девушку из компании старшеклассников. Она прекрасна. Весь приобретённый мною в студенческие годы кураж (которого, по правде сказать, было не так уж и много) готов обрушиться на эту юную Данаю. Я сажусь у её ног и только начинаю что-то воодушевлённо говорить, как (о, ужас!) сверху раздаётся постарушечьи скрипящий женский голос: «Молодой человек, как вам не стыдно, здесь же дети!»

«Солдат ребёнка не обидит!» — торжественно произносит старлей. Пронсившийся за окном свет два раза падает на его искажённое хищной гримасой, болтающееся в проходе лицо.

Чтец

В армию я уходил своенравным драчуном. Но я был городским мальчиком из интеллигентной семьи. Из учебки в полк я возвращаюсь жёстким агрессивным волчком. И эти качества теперь жизненно необходимы мне. Я готов к самому худшему. Мы разведчики, а о полковой разведоте ходит дурная слава. Нам с младшим сержантом Колесниковым, однако, везёт. За плохое поведение в пути следования, по рекомендации старлей, мы не попадаем в это «элитное» подразделение.

Непрерывной чередой тянутся унылые бесцветные дни. Однообразные ежедневные разводы и работы. Мы разгружаем прибывающие на Вокзал-1 товарняки с мукой, капустой и гравием, работаем на элеваторе, откуда приходим перепачканные мукой, как припудренные туземцы. И хоть сводная группа полка с весны 1999 года находится на выезде в Дагестане, а в сентябре после недолгого передыху полк входит в Чечню, боевая подготовка существует только в расписании на листе ватмана, висащем над тумбочкой дневального.

В те редкие дни, когда автобус — «Кубанец» или «шарап» — не приходит, чтобы отвезти нас на базу или склад, мы сидим на табуретах в расположении, и солдат-дух, из тех доходят, что военкоматы призывают для количества, читает нам устав внутренней и караульной службы. Он что-то мямлит себе под нос, как пономарь, — невозможно разобрать ни слова, да никто и не пытается. Мы сидим и думаем каждый о своём. Разговаривать нельзя, письма писать нельзя, можно сидеть и думать. Думать запретить трудно.

Огневая и инженерная подготовка, оружие массового поражения и тактика. Я люблю эти «занятия» за их покой и уютное бормотание чтеца, за жужжание барражирующих мух и шелест дождя за окном, я люблю оставаться с самим собой. Я думаю о Юльке, которая бросила писать, о маме, которой трудно приходилось без отца с двумя детьми, а сейчас, когда Вадька ходит уже в десятый класс, она, работая на двух работах, шлёт мне посылки и денежные переводы.

С приходом зимы мы всё чаще остаёмся в казарме, и бывший на учебном сборе взводником замполит роты старший лейтенант Цыганков иногда нарушает наши «медитации» настоящими занятиями по общегосударственной подготовке. Молодой, только из училища, лейтенант Громовой, несмотря на свою грозную фамилию, робкий и небольшого

роста, тоже пытается провести занятие как положено, по своему конспекту, но Колесо быстро отваживает его:

— Товарищ лейтенант, у нас здесь есть специально подготовленный чтец, — произносит он тоном человека, любезно помогающего выйти из затруднительного положения, как само собой разумеющееся, развязно, и ровно с той каплей уважительности в голосе, которая необходима при обращении сержанта к офицеру.

— А тетрадки у них хоть есть? — сразу сдаваясь и больше для порядка спрашивает летёха.

— Неа, такого у них нет.

Внутренние войска

Взвэшников военные называют ментами, а менты — военными. Солдаты внутренних войск переводят аббревиатуру «ВВ» — весёлые войска. А солдаты других войск — вряд ли войска. Иногда у взвэшника на шевроне случайно отваливаются две первые буквы, получается — УТРЕННИЕ ВОЙСКА.

Опытный командир сразу определит по такому шеврону, что перед ним стоит самый опасный солдат, склонный к нарушению воинской дисциплины.

Командир примет меры и загрузит солдата всевозможными занятиями. Солдат стоит в наряде по столовой, чистит картошку и терет большие жирные кастрюли. Или стоять в наряде по роте, на тумбочке. Но главное, опытный командир скажет: «Шеврон устранить, боец!»

Занимайся

Военный человек постоянно на боевом посту. Даже если солдат находится на втором году службы и целый день тыняется без дела, он занят защитой Родины. Поэтому командир не говорит солдату: «Отдыхай». А говорит: «Занимайся».

Валяющийся на кровати защитник только на первый взгляд ничего не делает, на самом же деле он выполняет самую сложнейшую миссию, ибо «под маской бездействия скрыто действие, а внешнее деяние лишь иллюзия».

Зима и лето

В армии бывает зима и лето. Зимой солдату холодно. Его моют в бане холодной водой. Днём на построениях в кирзовых сапогах отмерзают пальцы. Ночью зябко, хоть солдат и бросает поверх одеяла шинель и бушлат. Летом тепло, и в бане есть горячая вода, но больше работ и полевых занятий.

Хуже всего солдату служит в октябре, когда уже холодно, но приказа одеться в зимнее обмундирование ещё нет, и в марте, когда уже жарко, а холишь в шапке. Но каждый солдат с радостью встречает новую весну и осень, лето и зиму.

Рядовой Ветошкин

В декабре 1999 года из нашей пятой мотострелковой роты бежит солдат, рядовой Ветошкин. Он служил в ремроте, его били и заставляли попрошайничать на рынке возле части. Он сбежал. К нему домой в Саранск ездил прапорщик и привёз его.

Зачуханного, надломленного, постоянно прячущего большие оленьи глаза, его перевели к нам, а через неделю он снова сбежал.

Уже под Новый год на имя командира части пришла телеграмма о том, что этот воин задран милицией в Пензе. За ним отправили взводника, немолодого уже, бывшего контрактника, старшего лейтенанта Ивашенко. Тот забрал Ветошкина у ментов, сел с ним в поезд, в купейный вагон. Наручников у Ивашенко не было, и ночью, чтобы Ветошкин не дал дёру, он его сапоги положил в отделение под нижней полкой, с чистой совестью лёг на неё и уснул.

Вернулся Ивашенко один. Он материл с досадой весь свет, и особенно рядового Ветошкина. Ивашенко приехал в огромных стоптанных сапогах, потому что Ветошкин ночью сбежал в его берцах.

Мы дружно смеялись над этой историей и даже решили, что Ветошкин не такой уж плохой парень.

Чечня

Война

Вообще дезертиров в полку хватает, почти каждую неделю бежит солдат, но в нашей роте этот случай единственный, серьёзной дедовщины в роте нет, так как почти все старослужащие в «районе» выполнения служебно-боевых задач». У нас все рвутся на войну, вышел приказ: в «районе» сутки службы идут за двое.

30 марта 2000 года очередная команда в 150 человек убывает в Чечню на замену и пополнение сводной группы полка. Поздно вечером мы выстраиваемся на перроне Вокзала-1.

В заношенном бушлате, в шапке из искусственного, закашлатившегося барашком меха, с вещмешком-котомкой, я ощущаю себя русским пехотинцем 1914 года, и от этого собравшаяся в ком душа ещё больше стремится взойти по стальным ступеням в разинутую тьму вагона...

Шакалы

Каждый солдат ненавидит офицеров. Ненависти этой возраст — века. Идёт она через «золотопогонников», которым во время атаки стреляли в спину, а случилось — и пораспогонили, и постреляли.

В стародавние времена солдат был отгорожен от офицеров завесой унтеров, которые не скупились на побои, но и тогда солдат знал искусные зуботычины ротного командира. А когда сержантов не стало в армии, когда они превратились, за исключением инструкторов в учебках, в рядовых с лычками, тогда уже и вся работа легла на офицеров, и ненависть вся.

Я сам хотел стать офицером, а потом, будучи в солдатской шкуре, как все, ненавидел этих молодых, на какие-то два-три года старше, «шакалов».

А ненавидеть их по большому счёту было не за что. Самые обыкновенные люди, идущие без особого отбора, далеко не из богатых и лучших учеников, всеми условиями службы они были прижаты к стене, где всё их существование зависе-

ло от произвола вышестоящего, где свободно вздохнуть, не нарвавшись на громовой рёв и оскорбления, было невозможно. При этом они получали зарплату меньше охранника в магазине и были наделены привилегиями и властью над совсем уже бесправной массой солдат.

С таким же успехом можно ненавидеть врачей из поликлиник,

за то, что они, собирая бесчисленные очереди, спокойно пьют чай с конфетами от благодарного больного. А ещё лучше ненавидеть продавцов, за рост цен. Презирать старослужащих, а через год стать таким же? («Таким я не буду, а буду хорошим» — здесь не проходит.) Но когда ты солдат, относиться как-то иначе к офицерам просто невозможно, ты, не задумываясь, принимаешь правила игры.

Лейтенант Нечаев сквозь пальцы смотрел на дедовщину на взводном опорном пункте, был лёгок на кулачную расправу и на падающие липкими обидными кличками оскорбления, и в то время, когда от постоянного рытья окопов на солнцепёке у нас вскипали под черепной коробкой остатки мозгов, он целый день валялся с книжкой на травке, спал и стрелял по бутылкам из пулемёта.

Но ночью Нечаев выходил проверять посты. А ночью часовые ведут беспокоящий огонь по шевелящимся и издающим пугающие звуки кустам, на грохот пада-

Изя сам вёл всю документацию. Он завёл журнал, где учитывал каждую банку консервов, и мы вообще забыли про деликатесы — стужёнку и плавкий жирный сыр. Работать мы стали ещё больше, а отдыхать меньше, потому что хоть теперь мы и рыли не извилистые, а прямые ходы сообщения, но кроме них была начата красивая показательная траншея с полуметровой бермой в полтора человеческих роста, из которой невозможно было вести огонь. Тогда мы взвыли и добрым словом вспомнили Нечая. Ведь всё в этой жизни познаётся в сравнении.

Изюмцев навёл относительный порядок и прижал ту разнузданную дедовщину, что завелась при Нечее (когда обыкновением стало всенощное стояние на постах слонов и за себя, и за мирно похрапывающего в землянке деда), но при моем сроке службы усиление устава я уже не мог приветствовать и воспринимал как ущемление «заслуженных» прав.

Изюмцев был осторожен, на проверку постов он всегда брал с собой сержанта или контрактника. Но я знал, как подкараулить его. Бог отвёл. Поездка на бэтэре за водой, которой и окончилось моё участие в боевых действиях, надолго разлучила нас. Я говорю «надолго», потому что через несколько лет после армии я встретил у себя в городе, в продуктовом магазинчике, заметно спившегося Изюмцева, и даже выпил в его обществе стакан пива, но не только желания гибели этого человека, но и вообще какой-либо неприязни к нему в своей душе я не обнаружил, более того, я искренне был рад этой встрече.

Мы радуемся дождю, прерывающему наш каторжный труд, но мутная вода заполняет окопы, и глиняные их стенки рушатся, погребая нашу работу. Мы падаем от усталости и ночью из последних сил боремся со сном. Мы понимаем, что нас горстка в лесу, что вырезать спящих боевикам не составит труда. Но сон одолевает, он сильнее. Сильнее желания жить.

Одних сухих веток и для того, чтобы не уснуть, и я не один раз направлял ствол автомата в хорошо видный силуэт идущего всегда прямо по гребню высоты Нечая. Под шумок ничего не стоило его подстрелить — списали бы на обстрел, как это не раз бывало на той войне. Но курок я не нажал.

Когда в июне Нечаева отправили в Ханкалу на курсы авианаводчиков, к нам прислали старшего лейтенанта Изюмцева, который не только избивал и чморил солдат, но и с помощью старшины-контрактника Змея продавал нашу тушенку чеченцам, а нам выдавал одну кашу на воде.

Дождь

Наш ВОП прикрывал дорогу Шали — Ведено, между Биноем и Сержень-Юртом. С военной точки зрения место

было выбрано удачно. В полкилометре через дорогу находился бывший пионерский лагерь, перед ним дорога сворачивала. Машины на повороте сбрасывали скорость, и из лагерных построек в зелёнке боевикам было удобно их расстреливать. ВОП мешал чехам безнаказанно жечь наши колонны.

Пренебрегая осторожностью, мы время от времени ходили в лагерь за водой. Там был кран, а нам привозной воды не хватало. Кроме того, в лагере было много полезного стройматериала: из полуразрушенных домиков мы выламывали доски и двери, уносили на ВОП сетчатые кровати, листы железа и фанеры — всё, что могло пригодиться.

23 апреля мы тоже должны были идти в пионерский лагерь за водой. Лагерь уже заняли боевики. Они готовились встретить колонну, и нас, идущих налегке, с одним магазином патронов на человека, чтобы больше унести воды и стройматериалов, подпустив вплотную, положили бы всех.

Но начался дождь. Он шёл каких-то 15-20 минут. Однако этого хватило, чтобы мы остались на ВОПе. Я слышал, как Медведев сказал Нечаеву: «Куда ты нахер пойдёшь, дождь, завтра...» Они пили водку. Майор Медведев, Нечаев и важный старшина зенитной батареи прапорщик Касатонов.

Через полчаса шквал огня обрушился на нас и проходившую перед нами колонну. Мы приняли бой за добротными

брустверами, в дзотах, при всём вооружении.

Бой

Я достаточно прожил, чтобы понять: жизнь не стоит того, чтобы за неё цепляться. Осознание этого пришло постепенно, через истерзанный поисками смысла жизни мозг. Тогда, в двадцать лет, захваченный вихрем, бросившим на голову срезанные пулями ветки, я оказался на полу в землянке из стадного чувства, страха у меня не было вовсе. Я не боялся смерти потому, что не знал цену жизни. Я как дикий, меняющий золотой слиток на стеклянные бусы, мог отдать свою жизнь легко и без сожаления.

Нечаев вытащил нас из землянки и увлёк за собой в лабиринт траншеи. Вот бы когда грохнуть его, но куда там, закрыл бы своей грудью, вынес бы из-под огня, пошёл бы за ним в атаку, если бы ему вдруг пришлось в голову атаковать чехов в зелёнке.

Нечаев оставляет меня на позиции левого фланга, а сам бежит искать наводчика. Вскоре КПВТ забил короткими глухими ухами. Пули взвыли над головой. Куда стрелять, не видно. По дороге сквозь пелену дыма медленно ползут бэмдэшки, спешившиеся десантники палят из-за них что есть мочи в покрытые весенней зеленью горы. Кто-то орёт! С силой выжимаю курок, и длинные очереди несутся над колонной.

Записки бывшего вэвэшника

По окутанной пылью эзюшке рикочетят искры. Там, за рядом набитых земляней снарядных ящиков, корчится от боли Медведев. Касатонов в ужасе забился под противоосколочное перекрытие, но его бойцы Палыч и Сорока под пулями всё же подбираются к эзюшке. Палыч ногой жмёт на педаль.

Я хочу рассмотреть в склонах гор вспышки от выстрелов, но ничего не вижу. Маленький Таджики пытается наладить АГС. Рядом в окопах все открывают огонь, и я всаживаю в подступающий ближе других к дороге зелёный выступ очереди. Эйфория первого боя охватила меня, и я плохо соображаю, мне кажется, что десантники пришли к нам на подмогу.

Визг пуль заставляет тело клониться ниже к брустверу, теперь я уже борюсь со страхом, и ко мне на выручку приходит азарт. Я для бравяды высовываюсь по пояс из окопа и тут же получаю пулю в магазин с патронами. Волна воздуха от сопла гранатомёта закладывает уши. «Короткими! На одиночный всем поставь!.. поставить... ставить... одиночный...» — сквозь грохот несётся по траншее вперёд Нечая...

Когда мы вышли из окопов, грязные, разгорячённые победители, когда БМП комбата увезла Медведева, мы, увешанные с ног до головы оружием и пулемётными лентами, фотографировались в обнимку с нашим лейтенантом.

Чечня

Змей

После нападения на колонну десантников и обстрела ВОПа, когда выяснилось, что полк не смог отправить для поддержки ведущего бой опорного пункта ни одной бэхи, командование смекнуло, что коммуникационная линия полка слишком растянута, и мы получили приказ сдать позиции соседям и перейти на другое место, по этой же дороге, но ближе к базовому центру.

Восьмого мая, в день переезда, начался дождь, и мы, смываемые ливнем, кое-как успели до темноты поставить большую, на взвод, палатку. Ночью на постах мы вымокали до костей и, меняясь, задубевшие, грелись в палатке у печки. Ноги увязали в размытой глине. Ото-всюду лилась вода. Старая палатка протекала, и спать было невозможно. Мы бы окопели, наверное, нас спасли доски от разобранной землянки (которые почти все мы в ту ночь сожгли) и Змей.

Нечаев, уничтоженный без конца повторяемым вопросом начальника штаба Козака: «Почему не подготовили переезд!!?» «Я вас спрашиваю!! Почему не подготовили переезд!!!»..., покрытый всеми мыслимыми ругательствами за нерасторопность, раскис, самоустранился от командования и поручил всё Змею.

И этот сухопарый сорокалетний мужик, получивший от нас кличку за свой удлинённый организм и за то, что он при каждом слове высовывал язык и смазывал слюной сохнувшие от постоянного недостатка спиртного губы, согревал нас у печки, как наседка цыплят, не давая огню потухнуть. Он следил за сменой часовых и больше всех промокшему и замёрзшему Курочкину отдал свою тёплую флотскую телняшку.

«Рапира — 7»

Мы покинули добротные, оборудованные чехами в прошлую войну позиции на скрытом зелёном крутом склоне горы, а утром, когда прекратился дождь, мы увидели, что находимся на голой, как лысина, высотке, в плохо натянутой

взводной армейской палатке, далеко видной из-за плещи пары деревьев и кустов.

С трёх сторон нас окружал лес, высоты вокруг были господствующими, а зёлёнка за дорогой и горной речкой напротив была в ста пятидесяти метрах.

Сильнее желания жить

Теперь, под нешадным кавказским солнцем, мы целыми днями роем окопы и ходы сообщения, сооружаем дзоты и строим блиндаж, валим деревья и устраиваем завалы. Каждый из нас по полночи стоит на посту, на своей позиции, а с утра принимается за дело.

Мы радуемся дождю, прерывающему наш каторжный труд, но мутная вода заполняет окопы, и глиняные их стенки рушатся, погрывая нашу работу. Мы падаем от усталости и ночью из последних сил боремся со сном. Мы понимаем, что нас горстка в лесу, что вырезать спящих боевикам не составит труда. Но сон одолевает, он сильнее. Сильнее желания жить.

Ёжик, ты где?

Спустя месяц после переезда, в июне, во время дневной своей смены, через мутноватый прищел, снятый со снайперской винтовки, я наблюдаю за высоко парящей над горными склонами гордой птицей. Я вырываюсь на волю и плыву в налитых нежной прохладой облаках, и только приближающийся гул мотора возвращает меня на позицию ПК.

Внизу на дороге останавливается грязно-жёлтый ПАЗ, и на ВОП поднимается командир сапёрного взвода лейтенант Сорокин. Я видел его в полку. Он и в «районе» на камуфляже расцветки «НАТО» носит блестящие, а не тёмные звездочки. Кокарда на его парадном оливковом берете отражает золотым нимбом лучи солнца. Своим видом лейтенант олицетворяет бесшабашное мужество, но девять сапёров все равно не слушаются его. Он молод и ещё не научился держать солдат в повиновении, у него на щеках пух.

Тогда Сорокин должен был ставить у нас мины. В тот раз он приехал один на рейсовом автобусе; это было время, когда бронетехника так часто рвалась на дорогах, что вышло распоряжение — офицерам по возможности передвигаться на частном автотранспорте.

Ни одной мины Сорокин не поставил, потому что забыл провода. Зато он не забыл в вещмешок вместе с минами положить водку, и три дня они пьют.

Только что прибывший Изюмцев боится, а ожидающий колонну на Шали Нечай, Сорокин и Змей — на всю катушку.

Две ночи подряд мы радостно воюем с невидимым врагом. Пьяный Нечаев передаёт по рации, что ВОП обстрелян, и ему разрешают открыть ответный огонь. Мы сотрясаем молчаливые горы мощью всего вооружения. Зенитная установка, легко разносящая в щепы вековые деревья и срезающая бетонные столбы, двумя своими стволами играет первую скрипку в поражающей воображение какофонии оглушительных звуков, света огненных трасс и озаряющих на миг могучие кроны деревьев ракет. Противотанковый гранатомёт рушит жалкие, вполнаката, крыши наших дзотов и землянок.

На третью ночь навоевавшиеся офицеры не «заказывают войну», но когда плохо проспавшийся Сорокин вылезает из землянки и орёт: «Ёжик, ты где?», нас действительно обстреливают из пулемёта.

Нечаев с Изюмцевым пытаются засечь место, откуда вёлся огонь, но никто больше не стреляет. Мы сидим в «кольце» всю ночь и на следующий день, полусонные, роем окопы, материм проклятых шакалов и, обессиленные, валимся с ног.

В следующую ночь, окончательно побеждённый усталостью и тьмой, я уснул на посту, и Нечай берцем вышиб мне зуб.

Мужество

Лёха Маликов сначала орёт, потом рыдает, потом, сжав от боли зубы, плачет. Из рваной его штанины торчит обломок кости, сапог с остатками конечности держится на ошмётках ткани и сухожилий, волочится по траве, оставляя кровавый след. Изюмцев послал нас снимать сигналки, но мы заблудились и попали на участок с поставленными на растяжку эфками и озэмками. В оцепенении я тащу его на себе и забываю, что иду по минному полю. Мы чудом не подрываемся второй раз.

После того, как мне вручили орден, я пытался убедить себя в том, что наградили меня за вынос раненого с минного поля. Я так и говорил всем, кто спрашивал, за что награда. Так мне было легче и удобней. Эдакий герой.

Но это неправда. Награжден я был за подрыв. За то, что бэтэр, на котором мы поехали за водой, наехал на фугас. Всё мое мужество заключалось в том, что я грохнулся о землю и чуть не сломал себе хребет.

Владислав Исмагилов

Майор. Участвовал: Афганистан, Дагестан, Таджикистан, Чечня

http://artofwar.ru/i/ismagilow_w_g/

ВОПРОС БЕЗ ОТВЕТА

Был у меня друг... был у меня боевой товарищ. Ваха Гатаев, пулеметчик, очтанный парень, чеченец. Мы сдружились с ним после первого боевого, я научил его делать на турнике «выход на две». Шел 1987 год.

В августе 88-го мы ушли из Афгана, прощай, Кандагар, мы идем домой. Перекиньтесь... дембель... прощание... объяснения... адреса... слезы...

— Увидимся, брат.

— Обязательно встретимся, братишки...

Мы тогда во все это верили, мы не знали тогда, что нас ждало здесь, дома, как нас всех разведет жизнь. Нам казалось, что в нашей жизни ничего плохого больше быть не может, что самое худшее мы уже прошли и оно осталось там — в кандагарской зеленке, Регистане, Кобае и Бурибанде — осталось навсегда.

Слова Вахи:

— Я найду тебя, Влада, я найду тебя, братан...

И он нашел меня... через 7 лет...

Господи, зачем он родился чеченцем... 95 год. Март. Чечня. Окрестности Шали. Мы в составе оперативной группы работаем по Масхадову. Только что вернулся с высоты Гойтенкорт, где располагался КП Трошева.

Зашел вечером к соседям, капитан-десантник Володя, говорит:

— Тут у нас забава одна есть, с «духами» ребятишки болтают в эфире, пойдем, на сон грядущий на хрен какого-нибудь «чеха» пошлем, что ли.

Соглашаюсь, идем в палатку. Там солдаты и два лейтенанта ругались по очереди с каким-то вайнахом, и, судя по всему, обе стороны получали от этого какое-то удовольствие.

Мысли были о предстоящей работе, и потому я как-то быстро охладел к этой забаве и собрался было идти в расположение, как в эфире прозвучало:

— С Афгана есть кто, пацаны?

Что меня заставило подойти к рации... наверное, чутье. Отжал танкетку:

— Я с Афгана, что дальше?

— Какие года, где служил, бача?

— Тебе что за забота такая?

— Да ты плохо не думай, я тоже там служил срочку. Кандагар.

Кандагар. И сразу екнуло что-то внутри...

— Я тоже, 87-88, Кандагарский батальон спецназа.

— Да ты че?! И я...

В этот момент для меня не существовало больше ничего, ни этих людей в палатке, с интересом и удивлением слушающих наш радиообмен, ни Шали, ни «15-го» — Масхадова, ни Грозного, ни Чечни вообще. Я вернулся сейчас в Афган. Я сейчас был в Кандагаре.

— А ты, с какой роты, бача? Я Исмагилов Влад, с... наверняка пересекались где...

—... Я нашел тебя, Влада (так называл меня только один человек)! Я не верю в это сам. Ваха с тобой говорит, Гатаев... Я искал тебя, братан, звонил, писал, ты куда делся?

— Да я после по службе пошел. Чурка ты моя родная! Чурбанчик дорогой! Ваха, это правда ты? Я в Таджикистане долго был, мама как-то говорила, что ты звонил, но никак не было возможности мне выйти на связь, поэтому не нашлись мы с тобой... А теперь вот нашлись, нашлись теперь...

«Теперь... теперь», — застучало в мозгу, возвращая меня к реальности. И тут Ваха задает вопрос, который до сих пор стоит у меня в ушах, и на который я так и не нашел ответа, донныне не нашел...

— Влада, брат, а как же мы...теперь?

Не помню, сколько молчали мы оба, и все, кто был в палатке, тоже. Помню, что я сказал так:

— Слушай меня, шурави, я не знаю как мы теперь... с тобой... и вообще. Я сам не понимаю толком, что происходит и как такое все могло случиться, что мы так вот — по разные стороны. Но единственное, что я могу тебе сказать, бача, и в том клянусь тебе, что если мы встретимся в бою и я узнаю тебя, я никогда не нажму на спусковой крючок. Это все, что я могу тебе пообещать, брат.

— Я тоже тебе в этом клянусь, Влада, а там, как Аллах положит.

— Как мама, Ваха, отец как?

В ответ тишина. Исчез Ваха из эфира... Исчез, как оказалось, навсегда. Я отошел молча от рации и вышел на улицу.

И как же теперь нам?

Я мысленно спрашивал себя, кричал куда-то вверх, я хотел спросить у тех, кто мог бы ответить за эту войну... Как теперь нам? Зачем нас некто — государство, не говорю Родина, это другое, некто — государство, заставляет стрелять и убивать друг друга, ведь мы вместе не так давно защищали и отстаивали интересы этого некто — государства. Я не хочу стрелять в Ваху, я не хочу стрелять в тех, с кем я был на грани жизни и смерти. Я помню, как моя кровотокающая от касательного ранения левая рука была в Вахиной крови, когда я перебинтовывал ему голову, осколок разорвал ему правое ухо, и он, глядя на это смешение крови, сказал мне, что мы теперь с ним кровные братья... Теперь-то нам как?

Несколько дней я был не в себе, ни сверху, ни внизу, где-то между. А потом, потом начался кошмар. Я старался идентифицировать каждую захваченную цель, я боялся, что это может оказаться Ваха. Помню момент, когда убитый мной, внезапно появившийся, враг упал лицом вниз, так разительно напоминая со спины Ваху. Подойдя, я боялся убедиться в своей догадке, боялся перевернуть, чтоб увидеть лицо... И тут вспомнил про рваное Вахино правое ухо. Сдернул шапку с трупа и глянул — целое. Не ОН. Отлегло.

Прав ли я был как офицер, как профессионал, исполняющий свой долг — нет, не прав. Но как человек я был прав, и я был уверен в этой правоте. Кто меня осудит — пусть осудит, если вправе кто-то осудить. Но я точно знаю, что Ваху я не убивал. Больше никогда я его не слышал и не видел, пытался потом найти его родственников — безрезультатно. Наверное, он сгинул в этой войне, как и многие тела и души граждан одной Страны. Да...

Есть у меня боевой друг, есть у меня боевой товарищ Алик Мамиконян — очтанный парень-армянин. Как у нас там с Арменией, мир?

По периметру

Владислав Шурыгин

<http://www.navoine.ru/authors/shurygin-vladislav>

ДОРОГА НА ЦХИНВАЛ

(четыре года назад)
отрывки из очерка

Миротворцы

В этот день российскому батальону вручали вымпел лучшего подразделения миротворческих сил России. Играл оркестр, развевались знамена. У небольшой трибуны на столах высились горы подарков от спонсоров. Впервые за последние дни выглянуло солнце. По всему чувствовался праздник.

Первое, что почти сразу бросается в глаза и во что поначалу даже не разрешаешь себе верить — столь редко теперь встречается — это порядок. Причем ПОРЯДОК с большой буквы. Не показушный лоск, за которым скрываются убогие руины, а тот спокойный, основательный порядок, который был присущ лучшим временам Советской Армии.

— Надо съездить в батальон, — генерал Набздорov легко прыгнул в кабину «УАЗа», и через мгновение машина сорвалась с места

Комбат Сергей Денюков высок, жилист и упруг. Черты лица острые, почти цыганские. Несмотря на то, что закончил училище в 91-м, Денюков уже подполковник.

Мне комбат понравился. Есть в нем что-то основательное, надежное. В присутствии начальства не робок, не заискивающ, спокоен, уверен в себе. И знакомство с его хозяйством лишь подтверждает первые впечатления.

В казарме — порядок и неуловимое, но хорошо знакомое военным ощущение «достатка». Тогда, когда у солдата есть все для службы и жизни и хозяйство это находится в надежных старшинских руках. В расположении несколько телевизоров, «видики», музыкальные центры, спортивные тренажеры, теннисный стол. Одежда и постельное белье на солдатских койках добротные, новые.

В автопарке ряды машин и штатных «бээмпэшек». Все машины на ходу. За месяц до моего приезда в батальоне прошли уче-

ния с марш-броском. Все задачи батальон выполнил. И это не первые учения. Боевая учеба идет по плану. А ведь до приезда Набздорova здесь не было не то что учений, но даже стрельб из штатного оружия не выполнялось по причине отсутствия тира...

В автопарке Набздорov сразу зашел в ремонтную мастерскую. Там механики возились с движком «Урала». Генерал выслушал доклад зампотеха о ходе ремонта. Что-то спросил, уточнил. По вопросам генерала было видно, что он в курсе проблемы, и зашел не просто «показаться», а проверить ход работ. Меня это, честно говоря, удивило.

В казарме Набздорov заглянул в «кубрик» прапорщиков. Увидев сидящего на койке лейтенанта, строго сдвинул брови:

— Ты что здесь делаешь?

Лейтенант вскочил с койки, вытянулся:

— Сегодня в караул заступаю. Готовлюсь.

— Смотри! — в голосе генерала стал слышен металл. — Узнаю, что здесь живете — накажу. Для вас специально отремонтировано общежитие.

— Так точно! — бодро отчеканил лейтенант. — Там и живу, просто перед караулом уже не было смысла в общежитие идти.

— Офицер не должен жить в казарме, — пояснил Святослав, пока мы шли от казармы к автопарку, — это неправильно. Солдат привыкает к тому, что командир все время мелькает у него перед глазами. Вот он в полной форме, а через час уже с полотенцем на плече пошел в умывальник, вот он после ужина в спортивном сел телевизор смотреть, вот пошел в магазин, вот к нему друзья пришли... А в казарме все это время идет служба. Стоит дневальный, командуют сержанты, старшина, все по распорядку. Жизнь офицера не должна идти на глазах подчиненных, иначе солдат перестает воспринимать офицера как авторитет. Теряются дистанция, уважение...

По словам Набздорova, солдаты здесь служат не за страх, а за совесть. Причина такого рвения достаточно проста: батальон не является штатным миротворческим подразделением, а выделяется из состава одной из дивизий СКВО. Но по приказу, определяющему порядок прохождения службы миротворцев, служить здесь могут лишь «контрактники». Поэтому, при назначении очередного батальона в состав миротворческих сил, со всеми «срочниками» заключается контракт на год — стандартный срок пребывания батальона в зоне конфликта. И если до заключения контракта солдат получал всего триста-четыреста рублей «на сигареты и конфеты», то сразу после прибытия в Южную Осетию он начинает получать шесть-семь тысяч рублей. Понятное дело, что служить фактически «срочную» службу, но за совсем неплохие для молодого, неженатого парня деньги куда более интересно, чем делать то же самое, но даром.

При полном обеспечении питанием и обмундированием траты

у солдата самые минимальные. И при определенной экономии, вернувшись в часть, он может увезти домой неплохую сумму для начала самостоятельной жизни. Поэтому больших проблем с дисциплиной и исполнительностью солдат здесь нет.

Но, конечно, не одни деньги обеспечивают порядок. По словам генерала, сегодняшшний офицерский состав батальона — это крепкий, сплоченный коллектив профессионалов.

Внешне служба миротворцев может показаться совершенно обыденной и даже скучноватой. Взрывы, вроде бы, не звучат, пули не свистят. Тишь да гладь... Но именно за этим внешним спокойствием скрывается огромное напряжение, которое может очень быстро измотать самого сильного человека.

Взрывы не звучат и пули не свистят здесь именно потому, что между противоборствующими сторонами стоят российские миротворцы. И каждая из сторон очень внимательно и ревниво наблюдает за поведением миротворцев, каждая пытается исподволь перетянуть их на свою сторону, доказать, что правда на ее стороне, что она самая пострадавшая в конфликте. И не дать втянуть себя в противостояние, не дать повода ни одной из сторон считать себя пристрастными — вот задача не менее важная, чем наблюдение за выполнением подписанного соглашения о прекращении огня и разведении противоборствующих сторон. Потому что утрата статуса независимого посредника ставит крест на всех усилиях по поддержанию мира в этом регионе.

Ведь кроме российского батальона, в состав миротворческих сил входят батальон министерства обороны Грузии и батальон МЧС Южной Осетии. Россия — старшая в этих силах. Авторитет командующего в этом деле — первостепенен. И не всем по нраву его независимость, спокойное достоинство.

Набздорov командует группировкой уже год, но до сих пор грузинская сторона не ратифицировала его назначения. Для грузин Набздорov — «и.о.» — исполняющий обязанности. Причина этого проста: Набздорov очень быстро проявил себя человеком независимым ни от кого и ни от чего, кроме буквы закона — подписанных соглашений и указов «смешанной контрольной комиссии». И не

раз грузинская сторона пыталась избавиться от непокорного генерала, заметить его на более «лояльного».

Бывают инциденты и с осетинами. Так, на совещании в правительстве, куда Набздорova пригласили для обсуждения предстоящего празднования 23-го февраля, на генерала вдруг буквально наскочил местный «министр по особым поручениям» Чочиев, который, перейдя на фальцет, заявил генералу, что тот должен был самолечом, а не через начальника штаба, пригласить его, Чочиева, на вручение вымпела, и что генерал вообще подчиненный Чочиева и не должен забываться... Было смешно и досадно.

Созидатель

То, что Набздорov застал в Цхинвале, трудно было назвать «воинским контингентом». Скорее, это был некий полувоенный табор людей, которые чувствовали себя временщиками, которых

Внешне служба миротворцев может показаться совершенно обыденной и даже скучноватой. Взрывы, вроде бы, не звучат, пули не свистят. Тишь да гладь... Но именно за этим внешним спокойствием скрывается огромное напряжение, которое может очень быстро измотать самого сильного человека.

непонятно для чего загнали за тридевять земель от дома. В российском миротворческом контингенте не было даже нормального штаба — дом, который был отведен под штаб, одновременно выполнял функции общежития. В комнате, где жил начштаба, был строевой отдел, где жил начпрод — продовольственная служба, где жил зампотех — техслужба. Рабочий стол офицера был и обеденным, и игровым, и гладильным — каким угодно, в зависимости от обстоятельств.

На заставах люди ютились в полуразбитых вагончиках и «кунгах», «оружейки» и столовые были в старых и дражных палатках. Не было даже бани. Помывку приходилось организовывать в городе.

Начинать пришлось почти с полного нуля. Прежде всего, Набздорov отремонтировал здание под офицерское общежитие, чтобы наладить, наконец, жизнь и быт офицеров. За ним было приведено в порядок здание под штаб. Отремонтировали, а точнее почти заново отстроили столовую. Одновременно с этим начали оборудовать заставы, расположение батальона, автопарк и службы. Последней точкой стала выстроенная баня, ко-

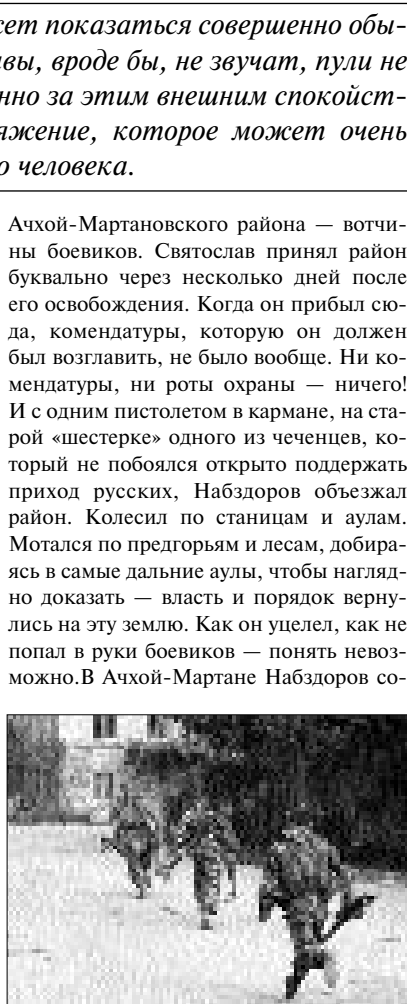
Дорога на Цхинвал

торая очень скоро превратилась в «культурно-разгрузочный центр», к походу в который готовятся заранее и с удовольствием.

И все это практически своими руками, с минимальным финансированием, на которое в той же Москве и сарая не построишь.

Поначалу не все были рады свалившейся на них работе. Привыкли некоторые жить кое-как, практически бомжевать. Кто-то роптал, кто-то открыто говорил, что новому генералу просто заняться нечем. Но очень скоро, когда на глазах стали меняться условия службы, большинство солдат и офицеров поддерживали командующего. И вот теперь, спустя всего год после его прихода, батальон получил вымпел лучшего миротворческого контингента Сухопутных сил. И в этом, конечно, огромная заслуга командующего.

Чего ему это стоит, знает только он сам. Практически пятый год Набздорov в командировках. Сначала, в 1999 году, он был назначен в Чечню комендантом

По периметру

здал одну из самых работоспособных коммандатур.

Именно Набздором впервые с 1991 года была сформирована реально действующая местная администрация. Именно Набздор заново, после долгих лет дудаевского «средневековья», проводил в район электричество, газ. Получал и распределял тракторы, комбайны. Открывал школы и медпункты. Выплачивал первые пенсии и зарплаты.

Он, боевой генерал, посадил, вырастил и собрал здесь первый за пять лет урожай зерна. Причем рекордный, который район не знал с советского времени. Но, пожалуй, главным итогом работы Набздора стало то, что за все время его пребывания коммандантом Ачхой-Мартана, в районе, где в Первую чеченскую кампанию сложили свои головы многие десятки наших солдат и офицеров, не погиб ни один русский солдат...

Но после Чечни ему недолго пришлось отдыхать. Началась военная операция американцев в Афганистане. И Набздор как один из лучших специалистов по Средней Азии улетел в Душанбе, где стал заместителем начальника оперативной группы по Афганистану. Во многом благодаря информации и выводам именно этой группы Россия не втянулась в войну.

Только пару месяцев пробыл он после возвращения дома — и вновь назначение: на этот раз в Цхинвал. Можно было отказаться, напомнить, что который год он мотается по командировкам, сослаться на здоровье и семейные обстоятельства, но на беседе у главокома Набздор, не колеблясь, соглашается.

Все эти годы, наблюдая за службой и карьерой Набздора, я не перестаю удивляться этому человеку и восхищаться им. Святослав из той редкой породы людей, которых правильнее всего было бы назвать «созидателями». Не умеет он жить и служить кое-как, закрыв глаза и заткнув уши. Если он принимает дело в свои руки, то можно не сомневаться — очень скоро все будет работать как часы и сверкать идеальным порядком.

В Таджикистане, на Дальнем Востоке, в Чечне и Южной Осетии — везде Набздор оставил за собой тот добрый след, который еще долгое время сохранит о нем самую лучшую память.

Для живущих здесь простых грузин и осетин миротворцы — главная и самая зримая гарантия того, что война заморожена. Пока здесь стоят миротворцы, война не может вернуться сюда. Любое перемещение вооруженных людей или

боевой техники будет тотчас вскрыто заставами, выставленными на всех основных дорогах, и блокировано.

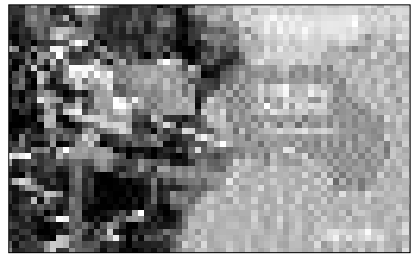
Но не только «чистым» миротворчеством приходится заниматься нашим солдатам и офицерам. Миротворцы соблюдают за пропускным режимом и по неволе вынуждены брать на себя и часть правоохранительных функций. Через миротворческий пост на машине без документов не проедешь и оружие в кузове не провезешь. Потому местные жители всегда готовы помочь и при любой возможности демонстрируют лояльность. Но жизнь — это не только служба, заставы, протоколы и дипломатия. Хватает всякого: и смешного, и не очень.

«Белая смерть» и поросенок «Домино»

«Белой смертью» в городке миротворцев прозвали торговку — хозяйку ларька напротив КПП миротворцев: выбеленную перекистью молодящуюся даму «среднего возраста». Еще совсем недавно ее ларек вообще нахально стоял почти у самых ворот и бодро торговал дешевой водкой и сигаретами, которыми можно было смело убивать лошадей. Причем цены «Белая смерть» держала такие, что местный народ обходил ее лавку стороной.

«Бизнес» процветал. Особенно после того, как хозяйка изобрела свой оригинальный способ заработка — торговлю в долг «по записи». Не всегда у солдата или офицера была в кармане нужная сумма, и «добрая» хозяйка без вопросов давала в долг, записывая в «гроссбух» сумму. Понятное дело, что не каждый записывал, сколько он остался должным маркитантке, тем более если обращался к ней не раз и не два. В итоге, когда подходило время расплаты, то сумма, которую солдат был должен, вдруг оказывалась такой, словно он весь месяц поил и кормил целый взвод в ресторане. Но возражать было бессмысленно. Записи говорили сами за себя. И постепенно солдаты просто втягивались в долговое

рабство, когда, отдав в первый же день всю зарплату за долги, они были вынуждены тут же открывать очередной кредит уже под следующую зарплату.

Предыдущее командование это, видимо, мало волновало. Но Набздор, очень скоро узнавший о том, как беспардонно обирает маркитантка солдат, возмутился. Генерал вызвал к себе торговку и категорически запретил ей торговлю в долг, а заодно попенял на цены. Но жадность все пересилила. И маркитантка вновь взялась за свое.

Тогда Набздор проявил командирский характер. Выбрав самых отпетых должников из числа тех, кого давно за слабость к спиртному надо было отправить домой, он в один день откомандировал их в ППД — пункт постоянной дислокации. В день зарплаты растерянная маркитантка начала нарезать круги вокруг части в ожидании должников. Но ей очень скоро объяснили, где теперь ее должники и куда ей надо ехать, чтобы многотысячные, по ее словам, долги вернуть. А еще через несколько дней, после предупреждения о том, что палатка за нарушение правил торговли будет закрыта, она сама подобру-поздорову перенеслась на другую сторону дороги, где торговля уже не такая цветущая.

Это, так сказать, бытовые трудности. Но бывают и просто смешные ситуации. Так, несколько раз Набздору попался на глаза местный поросенок «спортивной породы», который повадился ходить столоваться на помойку военного городка. В очередной раз, увидев нахального поросенка, генерал пошутил, что хозяин его теперь точно половину туши должен военным на шашлык и что надо пометить свою половину. Кто же думал, что одному из тыловиков эту фразу передадут как категорический приказ. Разыграют...

И каково же было удивление командующего, когда буквально через день на глаза ему попался поросенок, одна половина которого была выкрашена в радикально черный цвет, а тыловик на полном серьезе отчитывает о выполнении приказа...

Аркадий Бабченко

Старшина. Участвовал: Чечня

<http://www.navoine.ru/authors/babchenko-arkadiy>

ОБЕЛИСК

Псков. Первое марта. Кладбище «Орлецы».

На улице очень морозно. Меж мраморных плит гуляет холодный ветер, пробирает насквозь. Я зябко ежусь, кутаюсь в воротник.

Закуриваю. Меня прогоняет какой-то полковник — здесь курить нельзя.

Я стою перед мемориалом, смотрю на имена. Шесть выстроенных в ряд обелисков черного мрамора. Подполковник Евтюхин, майор Достовалов, младший сержант Швецов, ефрейтор Лебедев, рядовой Травин, капитан Таланов...

Год назад под Аргуном погибла шестая рота сто четвертого парашютно-десантного полка. Почти полностью погибла. Из девяти человек погибли все семьдесят четыре. Шестеро, псковичи, захоронены здесь, на этом кладбище.

Кладбище небольшое. Серые могильные плиты, ограды. За кладбищем начинается лес, совсем близко, метрах в ста.

Что-то происходит со мной, какое-то наваждение. Кладбище, зима, лес... На что-то это очень похоже, где-то я уже это видел... Где? Ах, да... Тогда, на той чертовой сопке, в том же марте, только неделей позже. У нас тогда poleglo человек двадцать. А, может, и больше.

Через неделю после гибели шестой роты, в том же Аргунском ущелье, под Шаро-Аргуном, мы точно так же, как и десантники, наткнулись на Хаттаба. Он ушел от них под Улус-Кертм, а через неделю на него наткнулись мы. Зажали его на такой же высоте. Тот же лесок, снег, серпантинная дорога. И кладбище. Такое же, как и здесь, в Пскове, кладбище... Бог ты мой, как все похоже!

И вдруг.... Все теряется — сегодня-вчера, прошлое-настоящее, было-есть. Передо мной уже совсем другое кладбище. Очень похожее, но другое. ТО кладбище. Серые могильные плиты, ограды, снег. Только вместо крестов над камнями полумесяцы. Яркое морозное утро. Голые деревья скрипят под ветром, запутываются ветками.

В лесу все грохочет, из редких деревьев в нашу сторону летят трассера, скопи-

ща трассеров, весь воздух напичкан трассерами, их миллиарды и спрятаться от них невозможно. Я ползу, уткнувшись лицом в снег, лихорадочно ишу ямку поглубже, прячусь за могилы. Твердый металл ударяет по плитам, выбивает цементную крошку над головой, шлепает по деревьям, проносится в десяти сантиметрах над затылком. Все орут, кого-то ранит, кого-то убивает... Огромный КПВТ грохочет у меня над ухом, он такой большой, что застилает весь мир, кроме него ничего не существует, никакой любви, правды, истины, справедливости, подвига... Существует только одно — спрятаться от него, это сейчас самое главное — спрятаться. Я, как червяк, корчусь на открытой земле, уже ничего не соображаю, только тычусь слепым от ужаса лицом за бугорки и ямки.

Лес совсем рядом, так близко, что мы слышим их крики: «Чего вы залегли, русские собаки! Идите сюда, мы вам покажем контактный бой! Вы же так много орете про него в своих газетах!» Они подпустили нас на пятьдесят метров и начали бить с трех сторон в упор, расстреливая ворочающиеся на снегу тела.

...Я очухиваюсь. Нет, это все прошло, это наваждение. Сейчас передо мной обычное русское кладбище. Здесь все как всегда на Руси — тихо, спокойно, привычно. Немного тоскливо. Вороний грай разлетается над крестами, где-то бьет колокол. Здесь не убивают, не стреляют...

Над головой резко раздается залп. Я дергаюсь, инстинктивно приседаю. В теле моментально — ужас, жар, одна единственная мысль — не наваждение, черт возьми, я правда ТАМ! Я не знаю, как это может быть, но я там! Стреляют!

Оборачиваюсь, готовый рвануться за ближайший холмик... Фу ты, черт! Сразу слабею, в ногах расслабляющая дрожь — пронесло. Рота почетного караула перезаряжает автоматы, салютует погибшим вторым залпом...

Я опять вздрагиваю. Понимаю, что это не опасно, но ничего с собой поделать не могу. Это у нас уже в крови, рефлекс на резкие звуки, как слюна у собаки Павло-

ва. Рядом вздрагивает стоящий впритык ко мне десантник, я чувствую, как дергается его плечо. Он поворачивается, его глаза мечутся в панике. Он встречается со мной взглядом, его взор проясняется. Мы виновато, как поджавшие хвост собаки, улыбаемся, понимаем друг друга.

К обелиску подходят матери. Кладут цветы. Я подхожу вместе с ними, кладу на ледяной мрамор две гвоздики. Матери плачут. Я тоже что-то... Немного того... Прохутился... Холодный ветер бьет в лицо, слезы замерзают на щеке, стягивают кожу. Я плачу...

Влага застилает глаза, все расплывается передо мной, я плохо вижу. Что это? Вместо фамилий десантников совсем другие имена, вместо их портретов — другие лица... Бадалов Игорь, погиб восьмого марта под Шаро-Аргуном... Яковлев Олег, погиб пятнадцатого января в Грозном... Воложанинов Андрей, погиб десятиго, Ханкала... Мухтаров, январь, Сунжа... Вазелин, Пашка, Андрюха-замполит, очкастый взводный...

Так уж сложилось у нашего поколения, что многие прошли через войну. Афган, Карабах, Абхазия, Приднестровье, Чечня, Югославия... Почти у каждого из нас есть в жизни своя сопка.

Фамилии расплываются, вместо них появляются другие. Я читаю имена, смотрю на них, вспоминая...

Здравствуй, шестая рота. Здравствуй, первый гвардейский полк. Здравствуй, 426-й имени кубанского казачества, орден Суворова и Богдана Хмельницкого. Здравствуй, Игорь. Здравствуй, Андрюха. Здорово, мужики...

История одной фотографии

Владимир Тарасов

«СКАЖИ, ЧТО ВЕЧЕРКОМ ЗАЙДУ»

Воронка от взрыва страшной силы, место трагедии, где погиб начальник штаба бригады Масливец Михаил Васильевич.

Начало осени 1982-го года. Взлёт из Тузеля (военный аэродром под Ташкентом). После традиционных воинских проводов на пересылке у пассажиров слегка побаливает голова. Народ в полёте опохмеляется. Ил-76 приземляется на Кабульском аэродроме. Вертолёты взлетают, садятся, ревут и стонут. Где-то работает артиллерия, по бетонке снуют вооружённые офицеры и солдаты, все куда-то торопятся или просто перекуривают и кого-то или чего-то ждут... Нешадно палит солнце, кажется, что всё выгорело на нём и оставило только красные звёзды на фюзеляжах бортов и... запах, какой-то сладковатый запах афганской пыли висит в воздухе. Я его, как ни странно, и сегодня помню и отличу от всех других... Узнаю, где борта собираются лететь на Гардез, выдвигаюсь на площадку, где стоят «коровы» — вертолёты Ми-6. Народ собирает-

ся «до кучи». Лётчики отрабатывают предполётные мероприятия, знакомлюсь с каким-то старлеем из бригады, который полушёпотом указывает мне на офицера: «Особист!» Я переживаю больше за то, что у меня нет любимого и надёжного АКС — вдруг, что случится с вертушкой?! Слава богу, долетели благополучно, хотя я никогда там не любил летать на «коровах» — низко летают, легко достать с земли.

На площадке в Гардезе меня встречает первым начальник штаба бригады, майор Масливец Михаил Васильевич. Невысокий, крепкий и здорово прожаренный солнцем боевой офицер.

Он погиб через год под Алихейлем. Фугас взорвался под единственным большим деревом, где он стоял вместе с начальником БТ службы, Донцом и разведчиками, собираясь позавтракать, пока сапёры найдут и обезвредят

найденный по проводам фугас, и снова разрешат движение колонны. Сам я был в отпуске тогда, где был ротный, Володя Левин, не знаю, но на операцию в Алихейль роту вёл Андрей Савин. Досталось тогда всем здорово, доходило чуть ли не до рукопашной. Потери разведчиков составили двенадцать человек, но никто не погиб, основная масса — ранения и контузии. Причём, контузии у нас не считались за ранения и, как правило, бойцы-разведчики оставались в строю.

А тогда Масливец пожал мне руку, критически осмотрел мою с иголки повседневную форму (никак непригодную для такой обстановки), спросил о настроении — как долетел до Гардеза. «Ну что же, ступай в палатку к разведчикам, там твой сменщик, Коля Блазнин, заждайся тебя, да и ротному скажи, что вечером зайду...»

Наталья Плотникова

Публикация предоставлена сайтом «Автомат и гитара» <http://avtomat2000.com>

«ПО ГВАРДЕЙСКИМ, ПО ДЕСАНТНЫМ ЗАКОНАМ»

Ее справедливо называют «Гимном ВДВ»... Ее затвердили наизусть тысячи парней, чья будущая, настоящая, прошлая судьба — десант. Впрочем, как известно, «бывших десантников» не бывает, и это закон: там, где собираются больше одного, носившего голубой берет, — почти всегда звучит она... «Синева». Словно пароль. Словно дорогой сердцу исток их нелегкой, но завидной биографии. И снова — манит, и снова — уводит за собой, расплескавшись однажды...

Много лет идут споры об авторстве легендарных слов. Не наше право выступать судьями, но есть в этой истории одна очень важная страница: таинство рождения ПЕСНИ, той «Синевы», которую нынче подхватит любой из десанта, и которой нынче — тридцать пять!

Константин Боткунов — так зовут нашего героя — рассказывает:

«С чего же начать... Сперва о себе. Когда пришла пора получать приписное свидетельство, меня спросили, в каких войсках хочу служить, и я, тогда не особо задумываясь, ответил: «В ВДВ!» И вот двухнедельные сборы под Серпуховом, первые три прыжка с парашютом... После этого вопрос, где служить, уже не стоял.

Потом Белоруссия, район Новополюска, ст. Боровуха, гвардейский 357-й парашютно-десантный полк 103-й воздушно-десантной дивизии. Нашу дивизию часто навещал командующий ВДВ В.Ф. Маргелов. На одном из последних командно-штабных учений, проводившихся на базе 103-й ВДД, в присутствии командующего отказало несколько БМД-1, уже немало к тому времени накававших по ухабам различных полигонов. Это был не первый случай в ВДВ, и потому распоряжением В.Ф. Маргелова был сформирован Отдельный ремонтно-восстановительный батальон, местом дислокации которого назначили 357-й ПДП 103-й ВДД. Набирали туда специалистов со всех воздушно-десантных войск. Попал туда и я, будучи мастером по ремонту ПТУРС.

1973 год — время музыки «The Beatles» и «Rolling Stones», «Веселых ребят» и «Песняров». Самодельные ансамбли плодились тогда, как грибы. Руки тянулись к гитаре, а молодость хотела любви. Ну, с любовью в армии всегда было непряжено, потому оставалась гитара... Нас собралось сначала трое единомыш-

ленников. Я — Боткунов Константин из Подмосквы, Юра Христенко из Волгограда и Ваня Здравков из Молдавии. Все — бойцы разных подразделений.

Первые репетиции проходили в курилке на акустических гитарах. Собравшиеся вокруг ребята внимательно слушали, порой звучали просьбы исполнить какую-либо песню. И мы поначалу пели «на заказ», понимая — необходимо сыграваться, идти вперед, шлифовать исполнение, делать аранжировку...

Когда, наконец, почувствовали слаженность в игре, обратились к замполиту нашего батальона с просьбой посодействовать в добыче аппаратуры и организации нормальных условий для репетиций. Он прослушал несколько песен в нашем исполнении и обещал помочь... Наш замполит был человеком замечательным, именно благодаря его договоренности с руководством Дома офицеров у группы появилась кое-какая аппаратура и место для репетиций, хотя многое пришлось изготавливать самим, кое-что прислали из дома... В ту пору хорошая аппаратура была в муззвезде полка, но нас, самодеятельность, до нее не допускали... Репетировали, конечно, лишь в свободное время да по выходным. Что пели?.. Бытие определяет песни, которые мы поем и слушаем. Естественно, в армии поют о войне. Ближайшая по времени к нам — Великая Отечественная. Так вошли в наш репертуар «Землянка», «Саласпилс» и другие. Зазвучала лирика из «Веселых ребят», «Голубых гитар», «Червоны руты», болгарской группы «Но то цо» и песни Мулявина...

Над названием коллектива голову долго ломать не пришлось — конечно, «Голубые береты»! И вскоре мы уже выступали на концертах в Доме офицеров, в школах и техникумах Новополюска. Везде нас принимали очень тепло.

Но нам нужна была, как воздух, песня о десантниках, ведь каждый из нас был горд своей принадлежностью к ВДВ, к тому же близился наш праздник — 2 августа, и замполит тоже попросил поискать что-нибудь «по теме»... Легко сказать «поискать»! Мы просмотрели все доступные нам песенники военных лет и с удивлением не обнаружили ни одной подходящей песни. Но на счастье однажды кто-то из ребят принес дивизионную газету «Гвардеец» с текстом стихотворения «Синева». Подпись под понравившимся нам тек-

том гласила: «Ст. л-т. Алехин». А рядовой Ваня Здравков, наш соло-гитарист, сразу взялся сочинить мелодию, уже через пару дней напев нам свой вариант. После обсуждения в группе и некоторой правки, мы подготовили песню к концерту...

Так, 2 августа 1973 года на концерте, посвященном Дню ВДВ, в Доме офицеров ст. Боровуха-1 впервые прозвучала песня «Синева». Прозвучала она именно в том варианте, который был напечатан в газете. Песня была принята «на ура», очень скоро став визитной карточкой нашей группы, и пошла «гулять» по дембельским альбому, звучала под гитару в минуты недолгого солдатского отдыха.

Вскоре группа наша пополнилась еще двумя ребятами, но, уйдя на «дембель», дальнейшей судьбы коллектива я не отследил. И вдруг, спустя много лет, в конце 80-х, в телеверсии конкурса «Когда поют солдаты» услышал урезанный вариант песни из четырех куплетов в исполнении нынешних «Голубых беретов». Причину этого я понял, когда в эфире прозвучало: «Слова и музыка — народные». Годы не жалеют не только людей... Но мелодия-то была оригинальной, нашей! 350-й ПДП («полтинник», как его называли у нас), из которого и вышли современные «Голубые береты», дислоцировался до 1978-го года по соседству с нашим полком. Видимо, передаваясь от исполнителя к исполнителю, песня, как эстафетная палочка, была подхвачена ими, шагнув с телеэкрана во все десантные подразделения, соедивив поколения солдат ВДВ. Большое спасибо мужикам за это!»

Как известно — «бывших десантников» не бывает. В этом соль и в этом — истина «Синевы», ее великая судьбоносная сила. «Сколько бы лет ни прошло, я горжусь тем, что служил в ВДВ!» — говорит Константин. Все просто. Жизнь продолжается. По гвардейским, по десантным законам...

Поэзия

Владислав
Исмагилов

Родился в 1968 году в г. Казань. Срочную службу проходил в 86–88 г. на территории ДРА с 1987 в составе ООСнН 22 бригады спецназначения (3-й батальон). Кандагар. После вывода дослуживал в Азербайджане. В дальнейшем продолжал службу в составе спецподразделений. Принимал участие в спецоперациях на территории Таджикистана, обеих Чеченских кампаниях, в Дагестане. Майор.

http://artofwar.ru/i/ismagilow_w_g/

«2. 08» (ДЕНЬ ВДВ)

Я пожелаю нам, братишки, в этот день,
Пусть сегодня нас порадует погода,
Ведь мы в берегах цвета неба набекрень
В день ВДВ очередного года.

Всем офицерам и до рядовых,
Чтоб крайний выход никогда не стал последним.
Чтоб так же весело в берегах голубых
Мы все встречали год от года август летний.

Чтобы пореже поднимали третий мост,
Не забывая выпивать стакан за пятый,
И чтоб за нами не сжигали жены мост,
И пусть дождутся нас все те, кто ждет обратно.

Пусть под нами будет чистою броня,
Пусть повезет нам с командиром и солдатом.
А коль придется погибать в бою, ребята,
То чтоб достойно, и, конечно же, не зря.

Я поздравляю всех, кто служит, отставных,
Запасников, кто жив-здоров и покален.
Я поздравляю всех: и навших, и живых.
Десантник — звание, которое навечно.

Хочу еще я нам, братишки, пожелать
Раскрытый купол у себя над головами.
И никогда случайной пули не поймать,
И не рассказывать, как сын погиб, при маме...

Пусть посадка будет мягкой всегда,
И чтобы нас там, наверху, не предавали,
Чтоб прилетела на погон еще звезда,
И в свой народ стрелять не приказали.

Чтоб никогда и ничего нам не просить,
Кроме того, о чем однажды попросили:
Иметь возможность нашей Родине служить —
Ведь мы десант, мы ВДВ своей России.

Я поздравляю всех братишек в этот день!
В конце концов, ну, что для нас погода,
Ведь мы в берегах цвета неба набекрень
В день ВДВ очередного года!

Игорь Посевнин

Сержант. Участвовал: Афганистан.

http://artofwar.ru/p/posewnin_i_w/

Дверь самолёта, как пасть,
Неба беззубого рот.
Надо на землю попасть —
Только такой расчёт.

Купол надёжный на мне
Сзади сидит, как горб.
Спереди — запасной,
Если не он — то гроб!

Шаг, облака в глаза,
Небо в объятьях рук.
Надо рвануть кольцо,
Ведь парашют — мой друг.

Дёрнул кольцо и жду
Шелеста перкала.
Секунды идут, и идёт
Навстречу земля.

Мысли сбиваются с темпа,
Сердце в груди стучит.
Мне запасной поможет —
Верный, надёжный щит!

Руки не слушают мыслей,
Страх разрывает грудь.
Ветер свистит лишь быстрый,
В смерть открывая путь.

Вот и разорвана сумка!
Выброшен купол, но он
Порван руками, и только
Смерти задержит стон...

Смерть задержать на секунду!!!
Смерть от родной земли...
Смерть от её объятий...
Я ведь успел... почти...

Чирчик, 1986.

Дмитрий
Гладкий

Старшина. Участвовал:
Афганистан

http://artofwar.ru/g/gladkij_d/

Пусть меня простит батяня ротный:
Я медяками не накрыл ему глаза.
Был гол песок, а стал вдруг плодородным,
И на крови сейчас растёт лоза.

Пусть меня простит батяня ротный.
Мы тоже там готовы были лечь,
Как стреляные гильзы, только льготный
Билет нам завещал ты уберечь.

Прости меня, я помню по бинтам,
Что эту пулю не вобрал в себя.
Прости, бача, товарищ капитан...
Уже на десять лет я пережил тебя.

Поэзия

Андрей Рогожников

http://artofwar.ru/r/rogozhnikow_a_1/

Больно нестерпимо!
Дайте сигарету!
В этот раз не мимо...
Только б до рассвета...

Все плывет в тумане
Горьковато-звонком.
Вот мой дом, вот мама,
Я ещё мальчонка...

От крыльца дорожка,
Прямо на полянку.
Дедова гармошка,
Старая «тальянка»...

...На щеках чужие,
Жесткие ладони...
Здесь, ребята! Жив я!
Отстегните «броник»!

Подожду. Конечно.
Только все сильнее,
Холодом нездешним
По ладоням веет...

И ногам прохладно...
Только б до рассвета,
Дотянуть бы надо,
И до лазарета...

Утречком подмога,
Солнцем обогрета.
Не дожил немного
Парень до рассвета...

Хроники операций

Андрей Кихтенко

«ВНИМАНИЕ! ГАЗЫ!»

Применение боевых отравляющих веществ (краткий исторический очерк)

Часть I

До шестого августа 1945-го года боевые отравляющие вещества (ОВ) были самым смертоносным видом оружия на Земле. Название бельгийского города Ипр звучало для людей так же зловеще, как впоследствии станет звучать Хиросима. Химическое оружие вызывало страх даже у тех, кто родился после Первой Мировой войны. Ни у кого не вызывало сомнения, что боевые ОВ, наравне с авиацией и танками, станут основным средством ведения войн в будущем. Во многих странах готовились к химической войне: строили газобезежища, с населением проводилась разъяснительная работа на тему «как следует вести себя при газовой атаке». В арсеналах накапливались запасы ОВ, наращивались мощности по производству уже известных образцов химического оружия и активно велись работы по созданию новых, более смертоносных «ядов».

Но... Судьба столь «перспективного» средства массового убийства людей сложилась парадоксально. Химическому оружию так же, как впоследствии и атомному, было суждено превратиться из боевого в психологическое. И тому было несколько причин.

Самая существенная причина — это его абсолютная зависимость от метеоусловий. Эффективность применения ОВ зависит, прежде всего, от характера перемещения воздушных масс. При слишком сильном ветре ОВ быстро рассеивается, концентрация его снижается до безопас-

ных величин, а слишком слабый ветер приводит к застаиванию облака ОВ на одном месте, что не позволяет охватить нужную площадь, а в случае, если ОВ нестойкое, может привести к потере им своих поражающих свойств.

Отсутствие возможности точно спрогнозировать направление ветра в нужный момент, предсказать его поведение, является существенной угрозой для того, кто решил применить химическое оружие. Нельзя абсолютно точно определить, в какую сторону и с какой скоростью будет перемещаться облако ОВ и кого оно накроет.

Вертикальное перемещение воздушных масс (конвекция и инверсия) также сильно влияют на применение ОВ. При конвекции облако ОВ вместе с нагретым у земли воздухом быстро поднимается над землей. При подъеме облака выше двух метров от уровня земли, т.е. выше человеческого роста, воздействие ОВ значительно снижается. В годы Первой Мировой войны во время газовой атаки для ускорения конвекции обороняющиеся жгли перед позициями костры.

Инверсия приводит к тому, что облако ОВ остается у земли. В этом случае, если солдаты противника находятся в окопах и блиндажах, они больше всего подвергаются действию ОВ. Но тяжелый холодный воздух, смешанный с ОВ, оставляет возвышенные места свободными, и расположенные на них войска оказываются в безопасности.

Кроме перемещения воздушных масс на химическое оружие влияют температура воздуха (низкие температуры резко снижают испаряемость ОВ) и осадки.

Не только зависимость от метеоусловий создает трудности при использовании химического оружия. Производство, транспортировка и складирование снаряженных ОВ боеприпасов создает массу проблем. Изготовление ОВ и снаряжение им боеприпасов — очень дорогостоящее и вредное производство. Химический снаряд смертельно опасен и останется таковым до утилизации, что

также является очень большой проблемой. Крайне трудно добиться полной герметичности химических боеприпасов, сделать их достаточно безопасными в обращении и хранении. Влияние метеоусловий приводит к необходимости ждать благоприятных обстоятельств для применения ОВ, а это значит, войска будут вынуждены содержать обширные склады крайне опасных в обращении боеприпасов, выделять для их охраны значительные подразделения, создавать особые условия для сохранности.

Кроме этих причин существует еще одна, которая если и не свела эффективность от применения ОВ к нулю, то в значительной степени ее снизила. Средства защиты родились едва ли не с момента первых химических атак. Одновременно с появлением противогазов и средств защиты, исключающих контакт тела с кожно-нарывными ОВ (резиновые плащи и комбинезоны) для людей, получили свои защитные приспособления лошади — основное и незаменимое тягловое средство тех лет — и даже собаки.

Снижение боеспособности солдата из-за средств противохимической защиты в 2–4 раза не могло оказать существенного влияния в бою. Средствами защиты при применении ОВ вынуждены пользоваться солдаты обеих сторон, а значит, шансы уравниваются. В этом случае в поединке средств нападения и средств защиты победу одержали последние. На одну удачную атаку приходилось десятки неудачных. Ни одна химическая атака в Первую Мировую войну не принесла оперативного успеха, а тактические успехи были довольно скромные. Все более или менее успешные атаки были осуществлены против абсолютно неподготовленного и не имеющего средств защиты противника.

Уже в Первую Мировую войну противоборствующие стороны очень быстро разочаровались в боевых качествах химического оружия и продолжали его применять только потому, что не имели иных способов вывести войну из позиционного тупика.

Все последующие случаи применения боевых отравляющих веществ носили ли-

бо испытательный характер, либо карательный — против мирного населения, у которого не было ни средств защиты, ни знаний о действии ОВ. Генералы, как с той, так и с другой стороны, хорошо осознавали нецелесообразность и бесперспективность применения ОВ, но были вынуждены считаться с политиками и военно-химическим лобби в своих странах. Поэтому на протяжении долгого времени химическое оружие оставалось популярной «страшилкой».

Остается оно таковым и сейчас. Пример Ирака тому подтверждение. Обвинение Саддама Хусейна в производстве ОВ послужило поводом к началу войны и оказалось веским доводом для «общественного мнения» США и его союзников.

Первые опыты

Использование ядовитых газов первоначально осуществлялось во вполне мирных целях — для борьбы с кровососущими паразитами. В Египте и Китае для этого окуривали жилые помещения. Китай первым усовершенствовал это хозяйственное изобретение.

В текстах IV века до н. э. приводится пример использования ядовитых газов для борьбы с врагом, когда тот пытался прорыть подкоп под стены крепости. Обороняющиеся нагнетали в подземные ходы с помощью мехов и терракотовых трубок дым от горящих семян горчицы и полыни. Ядовитые газы вызывали приступы удушья — и даже смерть.

В античные времена также предпринимались попытки использовать ОВ в ходе боевых действий. Токсичные дымы использовались во времена Пелопонесской войны 431–404 годов до н. э. Спартанцы помешали смолу и серу в бревна, которые затем подкладывали под городские стены и поджигали.

Позднее, с появлением пороха стали предприниматься попытки использования на поле боя бомб, начиненных смесью из ядов, пороха и смолы. Выпущенные из катапульт, они взрывались от горящего фитиля (проборазы современного дистанционного взрывателя). Взрываясь, бомбы испускали клубы ядовитого дыма над вражескими войсками. Ядовитые газы, содержавшие мышьяк, вызывали кровотечения из носоглотки, раздражение на коже, волдыри.

В средневековом Китае была создана бомба из картона, начиненная серой и известью. Во время морского сражения в 1161 году эти бомбы, падая в воду, взрывались с оглушительным грохотом, распространяя в воздухе ядовитый дым. Дым, образовавшийся от контакта воды с изве-

стью и серой, вызывал те же последствия, что и современный слезоточивый газ.

В качестве компонентов при создании смесей для снаряжения бомб использовались: горец крючковатый, кротонное масло, стручки мыльного дерева (для образования дыма), сульфид и окись мышьяка, аконит, тунговое масло, шпанские мушки.

В начале XVI века жители Бразилии пытались бороться с конкистадорами, применяя против них ядовитый дым, получаемый от сжигания красного перца. Этот метод впоследствии неоднократно применялся в ходе восстаний в Латинской Америке.

В средние века и позднее химические средства продолжали привлекать к себе внимание для решения военных задач. Так, в 1456 году город Белград был защищен от турок с помощью воздействия на нападающих ядовитого облака: жители города обсыпали крысы токсичным порошком, поджигали их шерсть и выпускали навстречу осаждавшим.

Целый диапазон препаратов, включая содержащие соединения мышьяка и слюну бешеных собак, был описан Леонардо да Винчи.

В 1855 году во время Крымской кампании английский адмирал лорд Дэндо-нальд разработал идею борьбы с против-

Немецкая газобаллонная атака на русском фронте.

ником путем применения газовой атаки. В своем меморандуме от 7 августа 1855 г. Дэндоальд предложил английскому правительству проект взятия Севастополя при помощи паров серы. Меморандум лорда Дэндоальда, вместе с объяснительными записками, был передан английским правительством того времени комитету, которым руководил лорд Плейфар. Комитет, ознакомившись со всеми деталями проекта лорда Дэндоальда, высказал мнение, что проект является вполне осуществимым и обещанные им результаты, несомненно, могут быть достигнуты — но сами по себе эти результаты так ужасны, что ни один честный враг не должен воспользоваться таким способом. Поэтому комитет

Внимание! Газы!

постановил, что проект не может быть принят, и записка лорда Дэндоальда должна быть уничтожена.

На самом деле, проект, предложенный Дэндоальдом, был отвергнут совсем не потому, что «ни один честный враг не должен воспользоваться таким способом».

Из переписки между лордом Пальмерстоном, главой английского правительства в момент войны с Россией, и лордом Панмюром следует, что успех способа, предложенного Дэндоальдом, вызывал сильнейшие сомнения, и лорд Пальмерстон вместе с лордом Панмюром боялись попасть в смешное положение в случае неудачи санкционируемого ими опыта.

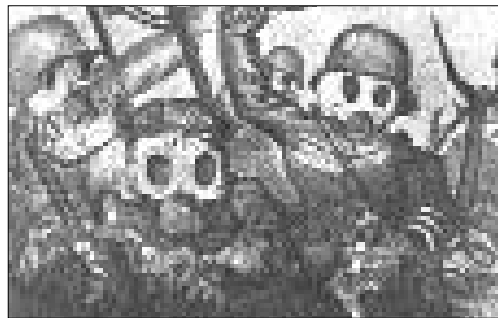
Если принять во внимание уровень солдат того времени, не подлежит сомнению, что неудачная попытка выкурить русских из их укреплений с помощью серного дыма не только бы рассмешила и подняла дух русских солдат, но еще в большей мере дискредитировала бы английское командование в глазах союзных войск (французов, турок и сардинцев).

Негативное отношение к отравителям и недооценка этого типа оружия военными (а точнее, отсутствие потребности в новом, более смертоносном оружии) сдерживали использование химикатов в военных целях до середины XIX века.

Первые испытания химического оружия в России были проведены в конце 50-х годов XIX века на Волковом поле. Снаряды, начиненные цианистым калием, были подорваны в открытых срубках, где находились 12 кошек. Все кошки остались живы. Отчет генерал-адъютанта Баранцева, в котором делались неправильные выводы о низкой эффективности отравляющих веществ, привел к плачевному результату. Работы по испытанию снарядов, начиненных ОВ, были прекращены и возобновились только в 1915-ом году.

Звездный час

Применение отравляющих веществ во время Первой Мировой войны является первым зафиксированным нарушением Гаагских деклараций 1899 и 1907 годов. Декларации запрещали «употреблять снаряды, имеющие единственным назначением распространение удушающих или вредоносных газов». Франция согласилась с Гаагской декларацией 1899 года так же, как и Германия, Италия, Россия и Япония. Стороны договорились о неприменении удушающих и ядовитых газов в военных целях. США отказались поддержать решение Гаагской конференции 1899 года. В 1907 году Великобритания присоединилась к декларации и приняла ее обязательства.

«Немецкая газовая атака». Рисунок художника Отто Дикса, участника Первой Мировой войны. 1924 год.

Хроники операций

Инициатива в применении боевых ОВ в широком масштабе принадлежит Германии. Уже в сентябрьских боях 1914 г. на Марне и на реке Эн обе воюющие стороны ощущали большие затруднения в снабжении своих армий снарядами. С переходом в октябре-ноябре к позиционной войне не осталось никакой надежды, особенно для Германии, осилить укравшегося в окопах противника с помощью обыкновенных артиллерийских снарядов. В отличие от них ОВ могут поражать противника в местах, недоступных действию самых мощных снарядов. И Германия, обладая наиболее развитой химической промышленностью, первой встала на путь применения боевых ОВ.

Ссылаясь на точную формулировку декларации, Германия и Франция в 1914 году применяли несмертельные «слезоточивые» газы. Причем необходимо отметить, что первой это сделала французская армия, применив в августе 1914 года гранаты с хлоридбромидом.

Сразу после объявления войны Германия начала производить опыты (в Физико-химическом институте и Институте имени кайзера Вильгельма) с окисью карбона и с фосгеном в целях возможного использования их в военных целях.

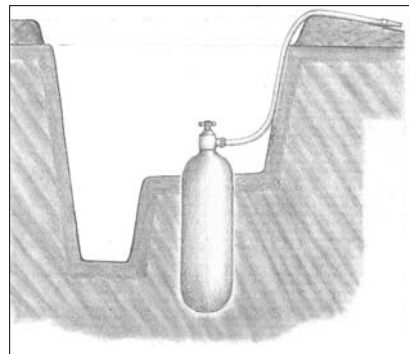
В Берлине была открыта Военная газовая школа, в которой были сосредоточены многочисленные запасы материалов. Там же помещалась особая инспекция. Кроме того, при военном министерстве была образована особая химическая инспекция А-10, специально занимавшаяся вопросами химической войны.

В конце 1914 года в Германии началась исследовательская деятельность по изысканию боевых ОВ, главным образом для артиллерийских снарядов. Это были первые попытки снаряжения боеприпасов боевыми ОВ. Первые опыты по применению боевых ОВ в виде так называемого «снаряда №2» (105-мм шрапнель с заменой в ней пулевого снаряжения сернокислым дианизидом) были произведены немцами в октябре 1914 года.

Двадцать седьмого октября 3 000 таких снарядов было применено на Западном фронте в атаке на Нев-Шапель. Хотя раздражающее действие снарядов оказалось невелико, но, по германским данным, их применение облегчило взятие Нев-Шапеля. В конце января 1915 года немцы в районе Болимова использовали при обстреле русских позиций 15-см артиллерийские гранаты (гранаты «Т») с сильным бризантным действием и раздражающим химическим веществом (хлоридбромид). Результат оказался более чем скромным вследствие низкой температуры воздуха и недостаточно массивного огня. В марте французы впервые применили химические 26-мм ружейные гра-

наты, снаряженные этилбромацетоном, и подобные им ручные химические гранаты. И те, и другие — без каких-либо заметных результатов.

В апреле того же года у Ньюпора во Фландрии немцы впервые испытали действие своих гранат «Т», содержащих смесь бромистого бензила и ксилита, а также бромированные кетоны. Немецкая пропаганда заявила, что такие снаряды не более опасны, чем взрывчатые вещества на основе пикриновой кислоты. Пикриновая кислота (другое ее название — мелинит) не являлась отравляющим веществом. Это было взрывчатое вещество, при взрыве которого выделялись удушающие газы. Отмечались случаи гибели от удушья находившихся в укрытиях солдат

Баллон с хлором, подготовленный к использованию (общий вид).
Рисунок автора.

после взрыва начиненного мелинитом снаряда.

Но в это время в производстве снарядов наступил кризис и они были сняты с вооружения, а кроме того высшее командование сомневалось в возможности получения массового эффекта при применении химических снарядов.

Тогда профессор Фриц Хабер предложил применить ОВ в виде газового облака. Центром производства боевых ОВ стал Леверкузен, где было произведено большое количество материалов и куда в 1915 году перевели из Берлина Военную химическую школу: 1 500 человек технического и командного персонала и несколько тысяч рабочих, занятых на производстве. Все лаборатории в Гюште работали безостановочно триста химиков. Заказы на отравляющие вещества были распределены между различными заводами.

Первые попытки использования боевых ОВ были проведены в таком незначительном масштабе и с таким незначительным эффектом, что никаких мер по линии противохимической защиты союзниками принято не было.

В 17 часов 22 апреля 1915 года Германия провела массивную хлорную ата-

ку на Западном фронте в Бельгии у города Ипра, выпустив со своих позиций между пунктами Биксшуте и Лангемарк хлор из 5730 баллонов.

Первая в мире газобаллонная атака готовилась очень тщательно. Первоначально для нее выбрали участок фронта XV корпуса, который занимал позицию против юго-западной части Ипрского выступа. Закапывание газовых баллонов в секторе фронта XV корпуса было закончено в середине февраля. Сектор потом несколько увеличили в ширину, так что к 10 марта весь фронт XV корпуса был подготовлен для газовой атаки. Но сказались зависимость нового оружия от метеословий. Время атаки постоянно откладывалось, так как не дули необходимые южный и юго-западный ветры. Из-за вынужденной задержки баллоны с хлором, хотя и закопанные, получили повреждения от случайных попаданий артиллерийских снарядов.

Двадцать пятого марта командующий 4-й армии решил перенести приготовления к газовой атаке на выступе Ипра, избрав новый сектор Пелькаппеле-Штеенштраг в расположении 46-ой резервной дивизии и XXVI резервного корпуса. На шестикилометровой участке фронта атаки были установлены газобаллонные батареи, по двадцать баллонов в каждой, для наполнения которых потребовалось 180 т хлора. Всего подготовили 6000 баллонов, из которых половину составили реквизиционные баллоны коммерческого образца. В дополнение к ним было приготовлено 24 000 новых баллонов половинного объема. Установку баллонов закончили одиннадцатого апреля, но пришлось ждать благоприятного ветра.

Газовая атака продолжалась 5-8 минут. Из общего количества заготовленных баллонов с хлором было использовано 30%, что составило от 168 до 180 тонн хлора. Действия на флангах усилили химическими снарядами.

Результатом сражения у Ипра, начавшегося газобаллонной атакой 22 апреля и продолжавшегося до середины мая, стало последовательное очищение союзниками значительной части территории Ипрского выступа. Союзники понесли значительные потери: пятнадцать тысяч солдат получили поражения, из них пять тысяч погибли.

Газеты того времени так писали о действии хлора на человеческий организм: «заполнение водянистой слизистой жидкостью сначала части, а постепенно и всех легких, из-за этого происходит удушье, вследствие чего люди умирают в течение одного или двух дней». Те, кому «посчастливилось» выжить, из храбрых солдат, которых с победой ждали дома, превратились в слепых калек с сожженными легкими.

Но только такими тактическими достижениями успех немцев и ограничился. Это объясняется неуверенностью командования, не подкрепившего химическую атаку сколько-нибудь значительными резервами. Первый эшелон немецкой пехоты осторожно, на значительном отдалении, продвигавшийся за облаком хлора, опоздал для развития успеха, позволив тем самым англичанам закрыть образовавшуюся брешь своими резервами.

Кроме вышеназванной причины свою сдерживающую роль сыграло как отсутствие надежных защитных средств, так и химической подготовки армии вообще и специально подготовленных кадров в частности. Химическая война невозможна без защитных средств у своих войск. Однако в начале 1915 года немецкая армия имела примитивную защиту от газов в виде подушечек из очесов, пропитанных гипосульфитным раствором. Пленные, захваченные англичанами в течение нескольких следующих после газовой атаки дней, подтверждали, что они не имели ни масок, ни каких бы то ни было других защитных приспособлений, и что газ причинял острую боль их глазам. Они

25 сентября последовала немецкая газобаллонная атака в районе Икскуля на реке Двине, а 24 сентября такая же атака была предпринята к югу от ст. Барановичи. В декабре русские войска подверглись газобаллонной атаке на Северном фронте в районе Риги. Газы применялись немцами против русской армии на протяжении всей войны, даже когда уже всю шло братание на фронте. Как пример можно привести химическую атаку на реке Стоход в марте 1917 года.

утверждали также, что войска боялись продвигаться из опасения пострадать от газа в результате плохого действия противогазов.

Немецкая газовая атака 22 апреля стала полной неожиданностью для войск союзников, но уже 25 сентября 1915 года британские войска провели свою пробную хлорную атаку.

В дальнейшем в газобаллонных атаках применялись как хлор, так и смеси хлора с фосгеном. Смеси содержали обычно 25% фосгена, но иногда в летнее время доля фосгена достигала 75%.

Впервые смесь фосгена с хлором была применена 31 мая 1915 года у Воли Шидловской под Болимовом (Польша) против русских войск. Туда перебросили четыре газовых батальона, сведенные после Ипра в два полка. Объектом газовой атаки были выбраны части 2-ой русской армии, которая своей упорной обороной преградила в декабре 1914 г. путь на Варшаву 9-ой армии генерала Макензена.

В период 17-21 мая немцы установили в передовых окопах на протяжении 12 км газовые батареи, состоявшие — каждая — из 10-12 наполненных сжиженным хлором баллонов — всего 12 000 баллонов (высота баллона 1 м, диаметр 15 см). На 240-метровый участок фронта приходилось до десяти таких батарей. Однако после окончания развертывания газовых батарей немцы были вынуждены в течение десяти суток выжидать благоприятных метеорологических условий. Это время было потрачено на разъяснение солдатам предстоящей операции: им внушалось, что огонь русских будет полностью парализован газами и что сам по себе газ не смертелен, а только лишь вызывает временную потерю сознания. Пропаганда среди солдат нового «чудооружия» успеха не имела. Причиной было то, что многие не верили тому, что им говорили, и отрицательно относились к самому факту применения газов.

В русской армии имелись полученные от перебежчиков сведения о подготовке газовой атаки, но они остались без внимания и не были доведены до войск. Между тем, командование VI Сибирского

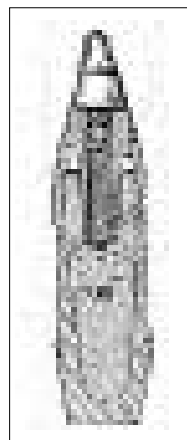
Внимание! Газы!

Несмотря на это, результат атаки оказался весьма скромным. Проведя огромную подготовительную работу (установка баллонов на участке фронта длиной в 12 км), германское командование добилось только тактического успеха, который заключался в нанесении русским войскам потерь (75%) лишь в первой оборонительной полосе. Так же, как и под Ипром, немцы опять не сосредоточили мощные резервы для обеспечения развития атаки до размеров прорыва оперативного масштаба. Наступление было остановлено упорным сопротивлением русских войск, успевших закрыть начавший образовываться прорыв. По-видимому, немецкая армия все еще продолжала производить опыты в области организации газобаллонных атак.

25 сентября последовала немецкая газобаллонная атака в районе Икскуля на реке Двине, а 24 сентября такая же атака была предпринята к югу от ст. Барановичи. В декабре русские войска подверглись газобаллонной атаке на Северном фронте в районе Риги. Газы применялись немцами против русской армии на протяжении всей войны, даже когда уже всю шло братание на фронте. Как пример можно привести химическую атаку на реке Стоход в марте 1917 года.

Всего с апреля 1915 по ноябрь 1918 года немецкими войсками было произведено более 50 газобаллонных атак, англичанами — 150, французами — 20.

С 1917 года воюющими странами стали применяться газометы. Первенство в их разработке и применении принадлежит англичанам. Сконструировал газомет капитан Корпуса Королевских инженеров Уильям Говард Ливенс (William Howard Livens). Во время службы в Специальной химической роте Ливенс, работая над огнеметом, создал в 1916 году простую и надежную метательную установку, которая предназначалась для ведения огня боеприпасами, заполненными нефтью. Впервые в большом количестве огнеметы использовались 1 июля 1916 года в сражении на Сомме. Дальность огня составляла первоначально не более 180 метров, но впоследствии ее довели до 1200 метров. В 1916 году нефть в снарядах заменили на ОВ, и газометы — так теперь стало называться новое оружие — испытали в сентябре того же

Снаряд, начиненный ОВ.

Хроники операций

года под Тиепвалем и в ноябре под Бомон-Хамелем. Дальность огня из газомета составляла 2500 метров.

Газомет состоял из стальной трубы, наглухо закрытой с казенной части, и стальной плиты (поддона), используемой в качестве основания. Газомет зарывался в землю почти по самое дуло, при этом ось его канала составляла с горизонтом угол 45 градусов. Заряжались газометы обычными газовыми баллонами, имевшими головные взрыватели. Вес баллона составлял около 60 кг. В баллоне содержалось от 9 до 28 кг отравляющего вещества, в основном удушающего: фосген, жидкий дифосген и хлорпикрин. Выстрел производился с помощью электрозапала. Газометы объединялись электрическими проводами в батареи по сто штук. Залп всей батареи производился одновременно. Наиболее эффективным считалось применение от 1000 до 2000 газометов. За время войны было изготовлено 140 000 газометов «Ливенса» (Livens Projector) и 400 000 снарядов к ним. 14 января 1916 года Уильяма Говарда Ливенса наградили Военным Крестом.

На вооружение немецкой армии поступили 180-мм газометы и 160-мм нарезные газометы с дальностью стрельбы до 1,6 и 3 км соответственно.

Немецкие газометы стали причиной «чуда у Капоретто». Массированное применение газометов группой Крауса, наступающей в долине реки Изонцо, привело к быстрому прорыву итальянского фронта. Группа Крауса состояла из отборных австро-венгерских дивизий, подготовленных для войны в горах. Так как им приходилось действовать на высокогорной местности, командование выделило для поддержки дивизий относительно меньше артиллерии, чем остальным группам. Зато они располагали одной тысячей газометов, с которыми итальянцы не были знакомы.

Эффект внезапности в значительной степени усугублялся также применением отравляющих веществ, которыми до тех пор очень редко пользовались на австрийском фронте.

В котловине Плещо химическое нападение произвело молниеносный эффект: только в одном из оврагов, к юго-западу от местечка Плещо, насчитали около шестисот трупов без противогозов.

В период с декабря 1917 по май 1918 года немецкие войска произвели шестнадцать атак на англичан с использованием газометов, но их результат оказался

уже не столь значительным из-за развития средств противохимической защиты.

Сочетание действия газометов с артиллерийским огнем повышало эффективность газовых атак. Первоначально применение ОВ артиллерией было мало-результативным. Большие трудности представляло снаряжение артиллерийских снарядов отравляющими веществами. Долгое время не удавалось добиться равномерного заполнения боеприпасов, что влияло на их баллистику и точность стрельбы. Масса ОВ в баллонах составляла 50%, а в снарядах лишь 10%. Усовершенствование орудий и химических боеприпасов уже к 1916 году позволило повысить

Французские артиллеристы ведут огонь химическими снарядами.

дальность и точность артиллерийского огня. С середины 1916 г. воюющие стороны начали широко применять ОВ в артиллерии. Это позволило резко сократить сроки подготовки химического нападения, сделало его менее зависимым от метеорологических условий и дало возможность применять ОВ в любых агрегатных состояниях: в виде газов, жидкостей, твердых веществ. Кроме того, появилась возможность поражать тылы противника.

Так, уже 22 июня 1916 года под Верденом за семь часов непрерывного обстрела немецкая артиллерия выпустила 125 тыс. снарядов со 100 тыс. литров удушающих ОВ.

15 мая 1916 года французы во время артиллерийского обстрела применили смесь фосгена с четыреххлористым оловом и треххлористым мышьяком, а 1 июля — смесь синильной кислоты с треххлористым мышьяком.

10 июля 1917 года немцами на Западном фронте был впервые применен дифенилхлорарсин, вызывающий сильный кашель даже через противогаз (в те годы имевший плохой противодымный фильтр). Подвергнувшийся воздействию нового ОВ оказывался вынужден-

ным сбрасывать противогаз. Поэтому в дальнейшем для поражения живой силы противника дифенилхлорарсин стали применять вместе с удушающим ОВ — фосгеном или дифосгеном. В снаряды помещали, например, раствор дифенилхлорарсина в смеси фосгена с дифосгеном (в соотношении 10:60:30).

Новый этап применения химического оружия начался с применения стойкого отравляющего вещества кожно-нарывного действия (В, В'-дихлордиэтилсульфида), впервые опробованного немецкими войсками под бельгийским городом Ипр. 12 июля 1917 года в течение четырех часов по позициям союзников было выпущено 60 тысяч снарядов, содержащих 125 тонн В, В'-дихлордиэтилсульфида. Поражения различной степени тяжести получили 2490 человек. Наступление англо-французских войск на этом участке фронта было сорвано и смогло возобновиться лишь спустя три недели.

Французами новое ОВ было названо «ипритом» по месту первого применения, а англичанами — «горчичным газом» из-за сильного специфического запаха. Британские ученые быстро расшифровали его формулу, но наладить производство нового ОВ удалось лишь в 1918 году, из-за чего использовать иприт в военных целях удалось лишь в сентябре 1918 г. (за два месяца до перемирия).

Всего же за 1917–1918 годы противоборствующими сторонами было применено 12 000 т иприта, которым было поражено около 400 тыс. человек.

В русской армии верховное командование относилось к использованию ОВ отрицательно. Однако под впечатлением газовой атаки, произведенной немцами в районе Ипра, а также в мае на Восточном фронте, оно было вынуждено изменить свои взгляды.

3 августа 1915 года появился приказ об образовании при ГАУ (Главном артиллерийском управлении) специальной комиссии «по заготовлению удушающих средств». В результате работы комиссии ГАУ в России в первую очередь было налажено производство жидкого хлора, который до войны привозился из-за границы.

В августе 1915 г. был впервые произведен хлор. В октябре того же года началось производство фосгена. С октября 1915 г. в России начали формироваться особые химические команды для выполнения газобаллонных атак.

В апреле 1916 г. при ГАУ был образован Химический комитет, в состав которого

вошла и Комиссия по заготовлению удушающих средств. Благодаря энергичным действиям Химического комитета в России была создана обширная сеть химических заводов (около двухсот). В том числе ряд заводов для изготовления отравляющих веществ.

Новые заводы отравляющих веществ были пущены в ход весной 1916 года. Количество изготовленных ОВ достигло к ноябрю 3 180 т (в октябре было произведено около 345 т), а программой 1917 г. намечалось довести месячную производительность до 600 т в январе и до 1 300 т в мае.

Первую газобаллонную атаку русские войска произвели 6 сентября 1916 года в 3 часа 30 мин. в районе Сморгони. На участке фронта протяженностью 1100 м установили 1700 малых и 500 больших баллонов. Количество ОВ было рассчитано на сорокаминутную атаку. Всего выпустили 13 т хлора из 977-ми малых и 65-ти больших баллонов. Частичному воздействию паров хлора из-за изменения направления ветра подверглись и русские позиции. Кроме того, несколько баллонов оказались разбиты ответным артиллерийским огнем.

Двадцать пятого октября к северу от Барановичей в районе Скрובה была произведена еще одна газобаллонная атака со стороны русских войск. Допущенные при подготовке атаки повреждения баллонов и шлангов привели к значительным потерям: только умершими насчитывалось 115 человек. Все отравившиеся были без масок.

К концу 1916 г. выявилась тенденция к переносу центра тяжести химической борьбы с газобаллонных атак на химические снаряды.

Россия стала на путь применения химических снарядов в артиллерии в 1916 г., изготавливая 76-мм химические гранаты двух типов: удушающие, снаряженные

смесью хлорпикрина с хлористым сульфуром, и общетоксического действия — с фосгеном и хлорным оловом (или венситом, состоящим из синильной кислоты, хлороформа, хлорного мышьяка и олова). Действие последних вызывало поражение организма и в тяжелых случаях приводило к смерти.

К осени 1916 года спрос армии на химические 76-мм снаряды удовлетворялся полностью: армия получала ежемесячно 15 000 снарядов (соотношение ядовитых и удушающих снарядов было 1:4). Снабжение русской армии химическими снарядами крупного калибра затруднялось из-за нехватки корпусов снарядов, которые полностью предназначались для снаряжения взрывчатыми веществами. Русская артиллерия стала получать химические мины для минометов весной 1917 года.

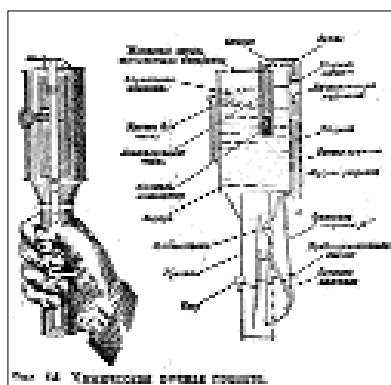
Что же касается газометов, с успехом применявшихся как новое средство химического нападения на французском и итальянском фронтах с начала 1917 г., то Россия, вышедшая в том же году из войны, газометов не имела. В минометной артиллерийской школе, сформированной в сентябре 1917 г., только предполагалось начать опыты по применению газометов.

Русская артиллерия не была настолько богата химическими снарядами, чтобы применять массовую стрельбу, как это было у союзников и противников России. Она применяла 76-мм химические гранаты почти исключительно в обстановке позиционной войны, как вспомогательное средство наряду со стрельбой обыкновенными снарядами. Кроме обстрела неприязельских окопов непосредственно перед атакой, стрельба химическими снарядами с особым успехом применялась для временного прекращения огня неприязельских батарей, траншейных орудий и пулеметов, для содействия своей газобаллонной атаке — путем обстрела тех целей, которые не захватывались газовой волной.

Снаряды, начиненные ОВ, применялись против скопившихся в лесу или в другом укрытом месте войск противника, его наблюдательных и командных пунктов, крытых ходов сообщений.

В конце 1916 года ГАУ выслало в действующую армию 9 500 ручных стеклянных гранат с удушающими жидкостями для боевого испытания, а весной 1917-го — 100 000 ручных химических гранат. Те и другие ручные гранаты бросались на 20–30 м и были полезны при обороне и, особенно, при отступлении, чтобы препятствовать преследованию противника.

Внимание! Газы!

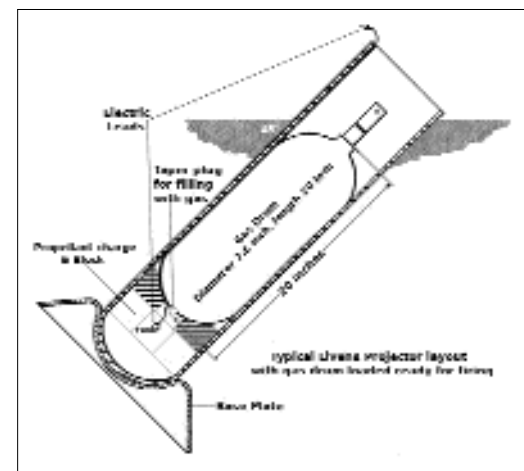

Ручная химическая граната обр. 1914 г. (модификация ручной гранаты Рдутовского обр. 1914) Снаряжась ОВ по типу фосгена — «удушающей жидкостью» У. С. Х. В 1916 — 1917 гг. ГАУ выслало в войска около 110 тыс. химических гранат.

Во время Брусиловского прорыва мая-июня 1916 года в качестве трофеев русской армии достались некоторые фронтные запасы немецких ОВ — снаряды и емкости с ипритом и фосгеном. Хотя русские войска несколько раз и подвергались немецким газовым атакам, но сами это оружие использовали редко: то ли вследствие того, что химические боеприпасы от союзников поступили слишком поздно, то ли из-за отсутствия специалистов. Да и какой-либо концепции применения ОВ у российских военных в то время не было.

В течение Первой Мировой войны химические вещества применялись в огромных количествах. Всего было произведено 180 тыс. тонн химических боеприпасов различных типов, из которых на поле боя было применено 125 тыс. тонн, в том числе 47 тыс. тонн Германией. Боевую проверку прошло свыше сорока типов ОВ. Среди них четыре кожно-нарывного, удушающего и, по крайней мере, двадцать семь — раздражающего действия. Общие потери от химического оружия оцениваются в 1,3 млн. человек, из них до 100 тыс. со смертельным исходом. В конце войны в список потенциально перспективных и уже апробированных ОВ включены хлорцетифенон (лакриматор), обладающий сильным раздражающим действием, и алюизит (2-хлорвинилдихлорарсин). Алюизит сразу же привлек к себе пристальное внимание как одно из самых перспективных боевых отравляющих веществ. Его промышленное производство началось в США еще до окончания мировой войны. Наша страна приступила к производству и накоплению запасов алюизита уже в первые годы после образования СССР.

Продолжение следует.

«Газомет Ливенса» (Livens Projector)

Рецензии

Андрей Рудалёв

Литературный критик, г. Северодвинск, Архангельская область.

Книга Александра Карасёва «Чеченские рассказы»

Конечно, правду о войне можно узнать, почитав архивные документы, исторические труды. Или личные свидетельства о войне — воспоминания ветеранов, часто правдивые, мощные. Но вот беда, в литературе они, как правило, не остаются. Есть в них жизнь, но нет искусства. Хотя конечно для искусства они бесценный материал. Искусство, литература суммирует их, преодолевает субъективизм изложения, часто необъективность оценок и выдаёт собирательный образ, основанный на личном знании.

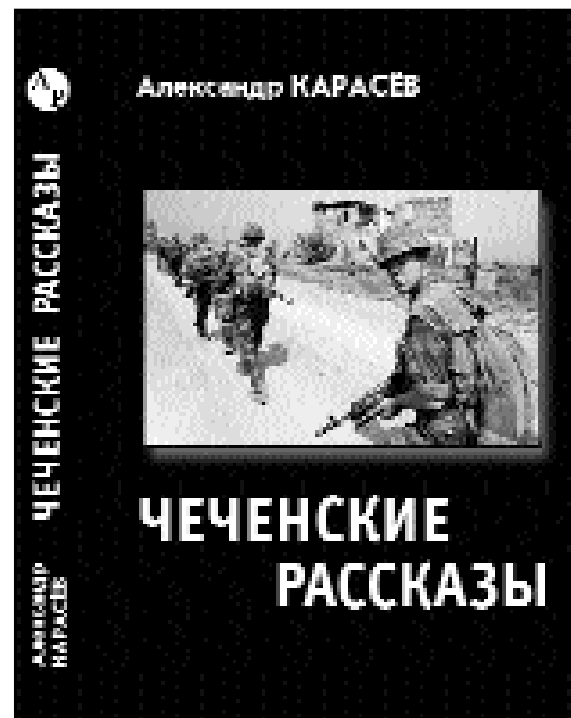
Александр Карасёв одним из первых вводит чеченскую войну в сферу литературы. Ценой гигантских усилий он трансформирует свой армейский опыт, составляя из него базу для жизненного и писательского прорыва. Он не кричит во всё горло о себе, не занимается бесконечными рефлексиями по поводу своей личности, он просто пишет рассказы с яркими индивидуальными и в то же время столь традиционными началами. Но всё же это не столько «военная проза», сколько проза о человеке. И не только, кстати, военная: есть рассказы о несложившейся любви, городские истории.

Главный фокус повествования Карасёва — герои. «Пиджаки — презрительное прозвище призванных на два года офицеров, прошедших подготовку на военных кафедрах гражданских вузов». Это герои «его войны». Саня Войтов, Серёга Ершов, Вова Аполлонов, Сантуций... Они пьют водку, бьют солдат, страдают от несчастной любви, могут нелепо выглядеть, иметь опыт наркотиков и даже подозреваться в гомосексуальных свя-

зях. Они не штампованы, сильны и волевые, а просто — такие как есть, со своими слабостями и «тараканами» в голове. Но всегда — это личности, и от их постижения захватывает дух. Так, титаническая фигура капитана Фрязина в рассказе «Ферзь» буквально возвышается над всем остальным миром, который предстаёт не иначе как его фон. И в тоже время его образ не воспринимается как-то картонным, искусственным, а именно живым и цельным. Такие герои, такие личности всегда поражают, всегда вдохновляют. Не его обстоятельства дёргают за ниточки, а они — кукловоды реальности. Хотя, конечно, в жизни всё бывает по-разному.

Автор каждый раз заново, каждым рассказом погружает читателя в ситуацию войны. Но сам рассказчик при этом отстранён, смотрит со стороны. В технике письма Александр Карасёв тяготеет к импрессионистичности. Он не вязнет в деталях и подробностях. Его война чеканится ёмкой и отточенной, будто штык фразой. Бежать за сюжетом его рассказов — пустое дело, весь их смысл таится в конкретной фразе, в каждой из них — мысль, анализ обретенного опыта, становящийся житейской мудростью.

«Чеченские рассказы» представляют собой монолит мудрости, житейской правды и юмора. Это не просто сборник рассказов, а скорее — роман в новеллах. Лаконичные, яркие, энергичные рассказы, связаны единством замысла. Сюжетные линии пересекаются, но не всегда совпадают. Всё пережито, выстрадано, чувствуется необычайно мощная личностная позиция, система ценностей, на самой вершине которой — жизнь, даже если в какой-то момент кажется, что она ничего не стоит.

Книгу можно приобрести:

В редакции Альманаха:

almanax-war@mail.ru, 8-903-524-16-19

1. непосредственно в редакции в Москве.
2. по почте (при заказе отправка наложенным платежом от 1 до 6 экз.).

В магазинах:

Москва: "Фаланстер"; Малый Гнездиковский переулок, д.12/27.

Санкт-Петербург: "Лавка писателей", Невский проспект, 66, напротив станции метро "Площадь восстания".

Лично у автора: carasseff@mail.ru; 8-911-274-74-26 (Санкт-Петербург)

Вне рубрик

Урал Сулейманов

Альманах в Рязанском десантном училище

Я не был в единственном в мире десантном училище много лет. Но, приехав на 127-й выпуск, еще раз убедился — ничего не изменилось. Только прибавилось бюстов на аллее Героев Советского Союза и России — выпускников училища, да побольше стало среди гостей крепких мужчин в самых разных мундирах и в гражданском. Причем далеко не все они были родителями и родственниками выпускников. Накануне отмечал свое 15-летие 112-й выпуск (1993 год). Вообще, день выпуска из училища — это настоящий праздник. Училище широко открывает свои двери для всех желающих. На очередной выпуск охотно приезжают и бывшие курсанты, и многие другие известные люди, оставившие свой след в истории ВДВ. Промелькнул нестаревший профиль начальника училища 90-х годов прошлого века, Героя Советского Союза генерал-лейтенанта А.Е. Слюсаря. Стоял на трибуне, рядом с командующим ВДВ генерал-лейтенантом В.Е. Евтуховичем бывший командующий ВДВ Г.И. Шпак.

На плацу все было как всегда: митинг, вручения дипломов, прохождение торжественным маршем выпускников и всех остальных курсов. Особенно впечатлил, мягко говоря, немногочисленный взвод выпускников спецфакультета: несколько лейтенантов из Казахстана, Киргизстана

и Беларуси. Правда, колоритные африканцы в российском камуфляже (часть из них даже носит погоны прапорщиков) наглядно демонстрировали, что и спецфакультет постепенно возвращает свою востребованность не только в СНГ. Об этом же свидетельствовало присутствие двух майоров китайских ВДВ, которые старательно снимали все вокруг, но сами категорически не хотели фотографироваться...

Недаром училище считается кузницей кадров не только воздушно-десантных войск — ряд выпускников сразу же получает распределения в другие силовые структуры. И не только силовые. Вице-губернатор Рязанской области со звездой Героя России на пиджаке в своем выступлении вспоминал, как семнадцать лет назад от имени своего выпуска 1991 года выступал с этой же трибуны.

Зрителей и журналистов было значительно больше, чем курсантов. От совсем маленьких мальчишек в камуфляже из каких-то военно-патриотических клубов до маститых столичных тележурналистов. Всем было интересно.

Десантники могут все. В доказательство этой старой истины гремели взрывы, крушились голыми руками кирпичи, демонстрировались приемы рукопашного боя одного против многих, строевые приемы...

Причем все это происходило под красноречивым лозунгом «Кто обидит Россию — будет иметь дело с ВДВ». А потом под песню об офи-

церской чести курсанты и выпускники кружили в вальсе прекрасных дам. Чтобы уступить место парашютистам училища, приземлявшимся прямо на плац.

Время, как справедливо утверждает реклама, не властно над истинными ценностями. Именно поэтому любой курсант, поздравивший свежеспеченного лейтенанта с присвоением офицерского звания, тут же традиционно получает десятирублевую купюру с автографом выпускника. И количество красивых молодых девушек среди зрительниц давало сто очков форы любому кастингу. Все-таки эти парни, несмотря на все усилия «невидимой руки рынка», явно высоко котируются у невест.

Пока мы с Героем России полковником Александром Васильевичем Маргеловым и его старшим братом генерал-полковником Виталием Васильевичем наблюдали за пролетом над плацем авиации, рев моторов заглушал до боли знакомый командирский рык за спиной «Товарищ полковник, где Ваш курсант?!?». Только теперь на трибуне кричали в сотовый телефон...

Альманах вызвал живой интерес, и немногочисленные номера разлетелись в один момент. На последнем поставил свой автограф командующий ВДВ.

Мы еще вернемся сюда, надеюсь. Чтобы встретиться с курсантами на своеобразной читательской конференции. И чтобы рассказать об уникальном музее ВДВ и прекрасном памятнике рязанцам, погибшим в локальных войнах, на площади легендарного командующего ВДВ, Героя Советского Союза генерала армии Василия Филипповича Маргелова. Наконец, чтобы рассказать о замечательных выпускниках этого уникального училища. А пока — просто посмотрите, как это было.

21 июня 2008 года, Рязань.

Вне рубрик

Олег Андреев

Полковник запаса. Служил в частях ВДВ и Внутренних войск. Крайняя должность — начальник разведки Московского округа Внутренних войск. Президент организации «Защита-Р».

ЖИТЬ НЕ ТОЛЬКО
ДЛЯ СЕБЯ

28 июня состоялась встреча ветеранов 300-го Гвардейского парашютно-десантного полка. Встречу организовала Региональная общественная организация ветеранов подразделений специального назначения «ЗАЩИТА-Р». О целях и задачах организации «ИВ» беседует с её руководителем, Олегом Андреевым.

— Мы не коммерческая организация. Наша главная цель — персональная помощь ветеранам боевых действий, которые получили инвалидность, семьям погибших военнослужащих, военно-патриотическое воспитание молодежи и иная благотворительная деятельность. Наша организация была создана в 2006 году и объединила ветеранов и действующих военнослужащих различных силовых структур и специальных подразделений. На протяжении этих трех лет мы оказываем материальную помощь 14 семьям. Оказываем содействие военнослужащим, проходящим службу в подразделениях спецназа, в частности, помогаем организовать день части, закупаем форму и экипировку, организуем соревнования. Например, соревнование групп спецназа в Смоленске, в основном, обеспечивает наша организация.

Но мы занимаемся не только военными. Наша сфера деятельности шире. В неё входит и духовно-нравственное и военно-патриотическое воспитание молодежи. Например, мы очень активно сотрудничаем с 42-ой школой-интернатом, расположенной в Хорошевском районе. Открыли для ребят секцию по самбо и дзюдо, обустроили им зал, купили татами, форму, нашли тренера. Парни занимаются... Там же, в Хорошевском районе, работаем с советом ветеранов Великой отечественной. На праздники обязательно дарим подарки.

Два года уже вывозим в Болгарию членов семей наших погибших и раненых военнослужащих. В прошлом году таким образом отправили на море восемь человек. Помимо этого договорились с мэрией, которая выделила еще 10 путевок в Евпаторию. Финансируем турнир имени Анатолия Ягодина, лейтенанта Внутренних войск, журналиста, погибшего в 1995-м году под Асиновской. («ИВ» печатал тексты Анатолия в прошлых номерах — прим. ред.). В нашей организации около ста человек,

но суть не в том, что чем больше, тем лучше. А в том, чтобы каждый что-то делал. Мы стараемся жить не только для себя.

Стать членом нашей Организации может любой желающий. Мы открыты для сотрудничества со всеми, кто разделяет наши взгляды и готов участвовать в совместных благотворительных мероприятиях.

В этом году мы организовали встречу ветеранов 300-го Гвардейского парашютно-десантного полка, на которой помимо запланированных мероприятий присутствующим были вручены и номера Альманаха "Искусство Войны".

300 Гвардейский ордена Кутузова
III-степени парашютно-десантный полк

История полка началась во время самой кровопролитной и жестокой войны XX века. 28 июня 1943 года в г. Щёлково началось формирование 13 воздушно-десантной бригады, которая и была преобразована в 300 стрелковый полк в составе 99-й стрелковой дивизии 37 стрелкового корпуса. Этот день принято считать Днём образования части.

В начале июня 1944 года полк был направлен на Карельский фронт для участия в Сви́рско-Петровской операции. Решающая задача в этой операции возлагалась на 99 стрелковую дивизию. 300-й полк первым начал форсирование реки Свирь. Затем были и другие кровопролитные бои в Венгрии, в Австрии и в Чехословакии, но этот бой был первым, в нем полк получил своё боевое крещение.

В апреле 1949 года полк передислоцируется на Дальний Восток. Там он переименовывается из 300-го гвардейского стрелкового полка в 300-й гвардейский парашютно-десантный полк (станция Мучная). С осени 1950 года на Дальний Восток командовать 37 гвардейским воздушно-десантным корпусом был назначен генерал-лейтенант Маргелов Василий Филиппович. В состав корпуса входили три воздушно-десантные дивизии: 13-ая, 98-я и 99-я. Весной 1956 года 99-я дивизия расформировывается. При этом 300 гвардейский парашютно-десантный полк передаётся в состав 98 гвардейской воздушно-десантной дивизии.

В 1969 году в связи с обострением обстановки в районе Ближнего Востока 98-я гвардейская воздушно-десантная дивизия была передислоцирована в город Болград Одесской области, а 300-й гвардейский парашютно-десантный полк — в Кишинёв Молдавской ССР.

По итогам боевой и политической подготовки за 1987 год и за 1989 год полк был признан лучшим полком ВДВ.

В сентябре-декабре 1988 года накалилась обстановка в Армении. Полк скоординировано с другими частями дивизии приступил к выполнению поставленных командованием задач. В результате были прекращены межнациональные столкновения, арестован «комитет Карабах». Очень сложное положение сложилось в аэропорту Еревана — Звартноц. Группы молодежи потрошили прибывающие самолёты. Гуманитарная помощь пострадавшим от землетрясения 7 декабря (в зоне разрушений оказались 21 город и район, число жертв достигло 25 тысяч) разворачивалась. Для предотвращения хаоса и организации спасательных работ, подразделения полка взяли под контроль аэропорт Звартноц и основные дороги, ведущие в районы бедствия.

В это время и в самом Кишинёве начался вооружённый конфликт между республикой Молдова и самопровозглашённой Приднестровской Молдавской Республикой.

Фактически с 15 мая по 4 октября 1992 года полк находился на осадном положении в Кишинёве. Боевых действий не вёл.

В октябре 1992 года 300-й гвардейский парашютно-десантный полк передислоцирован в город Абакан (Сибирский военный округ). В 1993 году он переименовывается в 300-й отдельный парашютно-десантный полк. А в 1996 году переформирован в 100-ю отдельную воздушно-десантную бригаду (Сибирский военный округ).

В 1998 году бригада расформирована и преобразована в базу хранения военной техники.

Девиз полка: «Долг, Честь, Отечество».

Региональная общественная организация ветеранов подразделений специального назначения "ЗАЩИТА-Р".
Тел: 981-04-00; 760-93-95